Альберт Кайков

Ребята и КОТЯТА

Альберт Кайков

РЕБЯТА И КОТЯТА

Повести и рассказы

Новосибирск, 2018

ББК 84 (2Рос-Рус)

Кайков А.С.
К 15 Ребята и котята. Повести и рассказы.
Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2018 –

ISBN

В очередной книге А.С.Кайков возвращается к рассказам о животных, в основном домашних, воссоздаёт мир взаимоотношений человека и животных. Не обошёл и темы охоты. Описаны интересные случаи из его продолжительной охотничьей жизни.

Думается, что увлекательно написанная книга, будет интересна всем любителям природы: детям и взрослым.

Кайков А.С. , 2018

РЕБЯТА И КОТЯТА

Рассказы

Кошачья деликатность

Заходит как-то к нам в квартиру соседка Мария Васильевна и обращается к маме:

– Приютите, пожалуйста, на время моего отпуска Мурку. У нее скоро появятся котята. Кроме вас мне не у кого ее оставить.

– С ней может не поладить наш кот Васька. Он ведет себя как хозяин квартиры, – ответила мама.

– Если вы не возражаете, я сейчас принесу Мурку, и мы их познакомим, – произнесла Мария Васильевна и вышла за дверь.

Через несколько минут тетя Маша вернулась с Муркой на руках. Васька, лежащий на подстилке в картонной коробке, вылез из нее и медленно, крадучись, направился к посетительнице. Так он всегда на даче скрадывал прилетевших птиц. Подкравшись, делал молниеносный прыжок. Мама испугалась, что Васька может напасть на соседей. Взяла Мурку на руки и прижала к груди.

Кот остановился в шаге от хозяйки и уставился на нее зелеными, не мигающими глазами.

– Василек, познакомься, это Мурка, она некоторое время поживет у нас, – ласково произнесла мама и присела на корточки.

Василий втянул в себя воздух с запахом Мурки и отошел в сторону.

– Знакомство состоялось. Они не будут драться, – обрадовалась Мария Васильевна и поспешила удалиться.

Так у нас в квартире оказалась квартирантка. Мама посадила Мурку в коробку, в которой обычно спал Васька. Кошка поскребла ногтями подстилку и улеглась на нее, свернувшись калачиком. Кот несколько раз подходил к своему спальному месту, но как галантный кавалер выгнать Мурку не пытался.

Через несколько дней у Мурки появились четыре слепых котенка с очень редкой шерстью. Она оказалась заботливой матерью. Постоянно облизывала детенышей, согревала своим телом. Коробку покидала только для того, чтобы поесть и оправиться. На десятый день у котят открылись голубые глаза. В три недели они начали активно ползать и вылезать из коробки.

Однажды Васька воспользовался отсутствием котят в коробке и улегся на свое законное место. Котята, наигравшись на полу комнаты, стали залазить в коробку. Кот терпел их лазание по нему, но когда они стали на его животе искать соски, пулей выскочил из коробки.

Котята росли забавными и игривыми. К сожалению, вскоре приехала из отпуска тетя Маша, и нам пришлось проститься с кошачьим семейством.

Шерхан

Я часто вспоминаю небольшой кусочек своего детства, прожитого на Сахалине в уединенном домике среди леса и своего друга кота Шерхана. Как наяву вижу домик, стоящий на пригорке безо всякой ограды. От него спускается тропа к речке, через которую проложен пешеходный мостик. Около него растет толстая развесистая ива. Этот пейзаж всегда навевает мне длинную вереницу воспоминаний.

После войны наша семья переехала на жительство в поселок Леонидово на Сахалине. Отец участвовал в освобождении южной части Сахалина, захваченной японцами во время войны в 1905 году. До войны он работал строителем, и его оставили продолжать службу на строительстве военных объектов. Для жительства нашей семье предоставили коттедж в живописной местности на берегу небольшой речке, в которой мы брали воду для питья. За речкой сплошной стеной стоял хвойный лес. Следующий коттедж располагался на расстоянии более сотни метров от нашего жилья. В школу мне приходилось ходить за три километра вдоль полноводной реки, притоком которой служила речка, протекающая около нашего домика.

О доме следует рассказать немного подробнее. Это было типичное японское жилище, без сеней, дверь отворялась внутрь. Стены обклеены белой бумагой, все перегородки раздвигались. В считанные минуты они убирались, и помещение превращалось в большой зал, или установкой перегородок можно было собрать несколько комнат. Отец первым делом занялся переустройством дома: пристроил сени и перенавесил дверь. Главной примечательностью дома были крысы. Складывалось впечатление, что прежние жильцы их разводили и прикармливали. Крысы без зазрения совести спокойно ходили по комнатам и исчезали в подполье через дыры в полу и стенах. Родители занялись поиском кошки и принесли рыжего котенка. У него как у тигра по желтой окраске проходили темные полосу. Все семья единодушно нарекла его Шерханом по кличке тигра из произведения Редьярда Киплинга Маугли.

Котенку было несколько месяцев, и он еще не умел ловить крыс. Я боялся, что крысы могут его загрызть и на ночь брал в свою кровать. Он быстро рос и превратился в крупного красавца кота. Однажды утром мама вышла на улицу и, быстро вернувшись, радостным голосом произнесла:

– Скорее выходите во двор, Шерхан задавил крыс.

Я, брат Гена и сестра Нина моментально выбежали из дома и увидели на крыльце двух задавленных крыс. С этого дня Шерхан каждую ночь уходил на охоту, а утром мы находили на крыльце задавленных крыс. Он часами сидел около дыры, прогрызенной в ковре, висевшем на стене, дожидаясь, когда любопытный крысенок высунет голову.

Добычу он не ел, любимым его лакомством была рыба, в изобилии водившаяся в речке.

Учился я во вторую смену. Утром, выучив уроки, обычно брал удочку и отправлялся к речке, до которой было всего двадцать метров. Шерхан следовал за мной, садился рядом на мостике и ждал гостинцев. Клевали чебаки и форель. Первых пойманных чебаков я бросал Шерхану, а форель опускал в ведерко с водой. Кот ловко поддевал трепещущую рыбу когтями, брал в зубы и отправлялся на берег лакомиться.

Когда рыба не клевала, он терся боком о мою ногу, давая понять, что с нетерпением ждет улова.

Однажды мне первой попалась форель. Шерхан ждал рыбку, а я опустил ее в ведерко. Закидывая леску в воду, думал, что кот подождет, пока я поймаю чебака. Но Шерхан ждать не стал, перегнулся через борт ведра, зацепил когтями мой улов, схватил в зубы и убежал. Переживать я не стал: все-таки он был моим постоянным компаньоном на рыбалке.

Все утро пока я учил уроки кот не уходил из дома, иногда подходил ко мне, сидящим за столом, и терся о ногу.

– Подожди немного, – обращался я к нему – выучу уроки, тогда пойдем на рыбалку.

Он не хотел ждать, запрыгивал ко мне на колени и отвлекал от уроков. Тогда я обращался к младшему брату Гене:

– Вынеси кота на улицу, пусть там меня ожидает.

Гена бесцеремонно брал его за шиворот и уносил.

– Ты не можешь обращаться с ним ласковее, – говорил я ему в след.

– Избаловал кота, а меня заставляешь его уносить, – огрызался Гена.

Они с котом друг друга недолюбливали. Началось это с того момента, когда Гена шлепком согнал его со своей кровати. С тех пор кот никогда не ложился на его кровать даже в отсутствие хозяина. Предпочитал днем нежиться на моей или бабушкиной кроватях. Бабуся, так мы дети ее называли, очень любила Шерхана, кормила и баловала.

Однажды осенью, когда вода в речке поднялась от обильных дождей, а с деревьев осыпались пожелтевшие листья, мы с Шерханом отправились на рыбалку. Перед мостиком на воде образовался плотный ковер из принесенных течением листьев. Осторожная рыба форель любит прятаться под такими наносами. Я забрасывал удочку на течение. Как только поплавок подплывал к листьям, следовала поклевка. Одна рыбешка сорвалась с крючка и упала на плотно сжатые листья течением. Она подпрыгивала, но не могла пробить нанос своим весом. Шерхан, увидев трепещущую форель, прыгнул к ней. Ему не удалось схватить ее. Она нырнула в образовавшийся проем среди листьев от прыжка кота. Я подумал, что мне придется спасать кота, но он уверенно поплыл к берегу, вытянув по воде хвост и используя его в качестве руля.

После того случая, я стал относиться к нему с большей теплотой и уважением.

Кот Василий

Василий считал себя владельцем дома и всего, что в нем находится. К людям относился снисходительно, как дополнению к мебели, стоящей в доме. Хозяина не любил за то, что тот однажды его пнул, когда кот оказался у него под ногами. К хозяйке был равнодушен, хотя понимал, что она проявляет о нем заботу, оставляя в его миске остатки своей еды. В этой пище он не особенно нуждался и ел без аппетита, чтобы не обижать хозяйку.

Днем Василий спал на диване, вечером отправлялся на охоту. Через продух в полу спускался в погреб. Здесь удобно устраивался у какой-нибудь мышиной норки и, набравшись терпения, ждал добычу. Насытившись вкусным свежим мясом, выбирался из погреба через продух в стене во двор. Обойдя все постройки, задерживался в коровнике, в котором стоял запах скота, птиц и крыс. Поскольку он был сыт, ловить крыс ему не хотелось, и он отправлялся в соседние дворы на свидание со знакомыми кошками.

Как-то хозяйка принесла картонную коробку с инкубаторскими цыплятами. На время кормления вынимала их из коробки и кормила на полу мелкими кусочками куриного яйца, сваренного вкрутую.

Василий, увидев цыплят, соскочил с дивана и на полусогнутых ногах стал к ним подкрадываться. Хозяйка, увидев его намерения, сняла с ноги тапок и со слом «Брысь» запустила им в Василия. Кот бросился к отверстию в полу и скрылся в подполье.

С тех пор он не делал попыток нападения на цыплят. Постепенно цыплята оперились и научились выскакивать из коробки. Уходя из дома, хозяйка завязала коробку сеткой, не надеясь на порядочность Василия. Цыплята подпрыгивали в коробке, пытаясь головой снять сетку, но им это не удавалось. Василия заинтересовало поведение цыплят, он подошел к коробке, зацепил когтями сетку и без особых усилий сорвал ее с коробки. Почувствовав свободу, цыплята с шумом вылетели из коробки, напугав Василия. Он моментально заскочил на стол и стал наблюдать за бегающими по полу цыплятами. За этим занятием застала его хозяйка, вернувшаяся домой.

Однажды хозяин заметил, что крысы прогрызли мешок и высыпали из него комбикорм, разъяренным прибежал в дом, схватил кота за шиворот, встряхнул и в гневе произнес: «Если не будешь ловить крыс, утоплю и заведу хорошую кошку». Затем выбросил его на улицу.

Толи кот понял намерения хозяина, толи это была случайность, но утром хозяин обнаружил на коврике у своей кровати задавленную крысу. С тех пор каждое утро на крыльце лежали задавленные крысы.

С наступлением холодов хозяин заткнул продухи в фундаменте дома, чтобы не заморозить овощи в погребе. Утром хозяйка, не увидев на диване Василия, забеспокоилась. Она вышла на крыльцо и стала его звать. К ее удивлению, кот вылез из собачьей конуры, потянулся и неспеша пошел в дом. В конуре с собакой он в тепле и уюте провёл ночь.

Мурка

Мурка была обыкновенной серой кошкой. Спала на диване, ела из плошки на кухне, оправлялась в туалете. Мыши в квартире на четвертом этаже девятиэтажного дома не водились. Она скучала от безделья и часто просилась выпустить её на балкон подышать свежим воздухом. Обычно подходила к балконной двери и царапала её. Если хозяин не реагировал на её просьбу, подходила к нему, терлась боком о ногу и направлялась к двери. Валентин понимал её намерения и открывал дверь. Он часто зимой держал дверь приоткрытой, и Мурка выходила на балкон, когда ей вздумается.

Однажды Валентин заметил дверь полностью распахнутой. Подумав, что её открыл ветер, плотно закрыл и ушел на кухню заниматься своими делами. Через некоторое время к нему приходит соседка и говорит: «У вас на балконе плачет кошка».

Замерзшая Мурка стремглав влетела в комнату и клубком свернулась на диване.

Вечером Валентин приоткрыл балконную дверь и подставил к ней стул, чтобы ветер её не распахнул. Сам уселся на стул в стороне смотреть телевизор. Мурка лежала на диване против двери. Ей не понравился поток холодного воздуха. Она соскочила с дивана, запрыгнула на стул, стоящий у балконной двери, и, опираясь одной лапой на спинку стула, второй дотянулась до дверной ручка и захлопнула дверь. Исполнив задуманное, вернулась на диван. Через некоторое время ветер приоткрыл дверь. Мурка вновь закрыла её. Так продолжалось несколько раз, пока кошка не перевернула стул и не свалилась на пол.

Любопытство Валентина сменилось жалостью к животному. Он присел рядом с ней на диван, погладил и спросил: «Почему ты не закрывала дверь с пола, а тянулась со стула к дверной ручке?». Мурка не могла ответить на его вопрос.

Рыжик

Мою внучку Катю мама послала в магазин. Возле магазина она увидела группу мальчишек, бегающих за котёнком. Рыжий комок метался в разные

стороны, попав под ногу одному из мальчиков, отлетел в сторону, как футбольный мяч.

– Что вы делаете? Зачем издеваетесь над котёнком? – закричала девочка.

– Мы играем, – ответил один из подростков.

Вечером Кате понадобилось еще раз сходить в магазин. Около крыльца сидел худой измученный котёнок. Он дрожал всем телом. Кате стало жалко малышку, и она принесла его домой.

Бабушка, увидев котёнка, всплеснула руками и произнесла:

– Зачем ты его принесла в дом? У него на голове лишай. Унеси туда, где взяла!

К возмущению бабушки присоединилась мама:

– Посмотри, какой он худой, у него наверняка глисты или ещё какая-нибудь зараза. Его нельзя оставлять в доме.

У Кати от обиды и жалости к животному появились слезы на глазах. Папа, молча наблюдавший эту сцену, обращаясь к дочке, произнес:

– Поехали в ветеринарную клинику.

Ветеринар, осмотрев пациента, вынес вердикт: «Котенок здоров, но очень истощён, на голове шрам. Необходимо дать глистогонное и хорошо кормить».

Так в доме появился новый жилец. Его тщательно вымыли дегтярным мылом. Оказалось, что он жил у хороших хозяев – был кастрирован и приучен оправляться в туалете. Очень боялся людей, не позволял себя погладить. Все попытки пресекал шипением и стремлением укусить руку. Только Катин папа не делал попыток гладить котёнка. Рыжик это оценил и всегда ложился рядом с ним на диван.

Катя решила, что он скучает по прежним хозяевам. Она представляла, как обрадуются хозяева и котенок, встретившись вновь. Повесив объявление на магазине о найденном котёнке, ждала звонка, но прежние хозяева не нашлись.

Только через полгода Рыжик отошёл от шока и стал позволять себя гладить проживающим в доме. Посторонних людей сторонится, а при попытке погладить старался укусить руку.

Ребята и котята

Анатолий Сергеевич приехал на дачный участок во второй половине дня. Соседи встретили его неожиданной новостью:

– У вас в доме мыши.

– Как они могли появиться? Дом не достроен, продукты мы не оставляем, – удивился Анатолий Сергеевич.

– В доме писк, который слышен на нашем участке. Скоро сами убедитесь.

Анатолий открыл дверь, вошел в дом и прислушался. До него донесся слабый писк издалека, как из подземелья. Он обошел первый этаж. Ничего подозрительного не обнаружил. На втором этаже его встретило разъяренное животное, в котором трудно было узнать кошку. Около дымохода стояла с

выгнутой спиной лохматая кошка. Она яростно шипела. Большие дикие глаза наводили ужас. Рядом клубком лежали маленькие котята. Анатолий Сергеевич поспешил ретироваться.

Работая на первом этаже, он постоянно слышал писк котят и думал о кошачьем семействе: «Видимо, бездомная кошка забралась к нему в дом и родила котят». Через окно увидел крадущуюся по огороду кошку. Она выглядела истощенной, шерсть клочьями свисала с боков и полностью соответствовала поговорке: «Драная кошка». Перед ней с клубничной грядки взлетел дрозд. «Охота не удалась», – подумал Анатолий Сергеевич. Его осенила мысль: «Кошка голодная, у неё нет молока. Поэтому и пищат постоянно котята». Он быстро достал из сумки бутерброд с колбасой, разломил и большую часть унёс на второй этаж.

Вечером дома за ужином Анатолий Сергеевич подробно рассказал жене и внукам о кошке, поселившейся у них на даче. Рассказ взволновал детей, им стало жаль котят.

Марк, с дрожью в голосе, спросил:

– Что кошка будет есть завтра?

Его поддержала старшая сестра Соня:

– Надо кошке отвести еды. Если она будет голодать, котята могут погибнуть.

Итог разговора подвела бабушка Инна:

– Завтра все едем на дачу и посмотрим, что за квартиранты там поселились.

Хозяева дачи привезли для кошки молоко и мясо. Она еду поедала только в отсутствии людей. К котятам по-прежнему не подпускала, предупреждая грозным шипением. Бабушка предложила ребятам установить наблюдение за кошкой, чтобы в её отсутствие осмотреть котят. Когда кошку увидели в огороде, все поспешили на второй этаж. Котята оказались изможденными и малоподвижными от недоедания. Соня протянула к ним руку, чтобы погладить. Один котёнок ухватил её палец и начал сосать. «Они голодные», – произнесла девочка. «Им нужна срочная помощь», – сделала вывод бабушка, – спускаемся на первый этаж, пока не вернулась их мамаша».

– Будем вызывать ветеринара? – спросила Соня.

– Врач им не поможет.

– Кто же им может помочь?

– Им может помочь наша Мася.

– Как она им поможет?

– У нее один котенок, мы будем подкладывать ей голодных котят, и она их откормит.

На следующий день любимица детей Мася с единственным сыном была доставлена на дачу. Это была холёная кошка с лоснящейся серой гладкой шерстью. Черные полосы на шерсти придавали ей облик тигрицы. Внешний вид не соответствовал её характеру. Она была ласковой игривой кошкой. Любила сидеть у людей на руках и спать в кровати с Марком.

Улучив момент, когда приблудная кошка покинула своё место, бабушка принесла двух котят и подложила Масе. Кормилица попыталась встать и убежать. Бабушка одной рукой прижала её к подстилке, а второй гладила. Ребята уговаривали: «Мася, дорогая, покорми малышей, они очень голодные». Котята как пиявки присосались к соскам новой матери. Мася постепенно расслабилась и вытянулась на подстилке – согласилась стать приёмной матерью.

Постепенно родная мать котят привыкла к людям. Она позволяла поочередно брать котят и носить к приемной матери на кормление. Перед ребятами стал вопрос, какую ей дать кличку. Марк предложил назвать Муркой.

– Эта кличка встречается очень часто, – ответила Соня, – надо придумать интересную кличку.

– Тогда придумай.

– Можно назвать Пусей.

– Почему Пусей?

– У неё очень длинный пух.

Бабушка и дедушка согласились дать кошке такую кличку. Ребята при кормлении кошки в два голоса приглашали её к блюдцу. Вскоре она стала откликаться на свою кличку.

Котята, когда научились бегать, всё время проводили с кормилицей. Они признали матерью ту кошку, которая их выкормила, а не ту, которая родила.

У Пуси оказался скандальный характер, появилась ревность. Между кошками часто возникали потасовки. Они поделили площадь дачи и не допускали друг друга на свою территорию. Мася была хозяйкой первого этажа, а Пуся – второго. Котята бегали и играли на любой территории. Им в наследство от матери досталась очень пушистая трехцветная шерсть. Они привязались к ребятам, которые постоянно играли с ними, а дети чувствовали себя причастными к спасению малышей от голода.

Вскоре начался учебный год, и родители увезли Марка с Соней в город. Ребята каждое воскресенье приезжали на дачу навестить котят. В один из приездов они не увидели котят.

– Где котята? – удивилась Соня.

– Мы раздали их соседям в хорошие руки. Вы можете их навестить и проведать.

– А где Пуся? Она не убежала из дома?

– Зачем ей бежать от хорошей жизни. Теперь у нас будут жить две кошки.

Рыбак и кошка

На улице нашего садоводческого кооператива часто можно было видеть мальчика лет двенадцати, проходящего с удилищем на плече. Его всегда сопровождали собака и кот. Рыжая дворняжка неторопливо бежала впереди, иногда оглядывалась, проверяя, не отстал ли хозяин. Черная кошка шла сзади,

подняв трубой вверх хвост. Эта троица выходила на пешеходную дорожку, протоптанную садоводами через прибрежные заросли вдоль реки, к подвесному мосту через Иню. Не доходя моста, собака сворачивала по ели заметной тропке среди зарослей тальника к воде. За ней следовали рыбак и кошка. Здесь среди кустов был небольшой прогал и вытоптанная площадка. У воды торчали рогульки для удилища.

Мальчик осмотрел реку. На противоположном берегу сидели рыбаки. Один резко поднял удилище, и в воздухе на леске серебряным блеском засверкала рыбёшка. «Клёв есть», – обрадовался Слава и заторопился разматывать леску с удилища. Тем временем Дружок, поворачивая голову в разные стороны, втягивал воздух в ноздри. Убедившись, что поблизости никого нет, улегся на траву, свернувшись калачиком. Мурка терлась головой и боком о ногу подростка, выражая нетерпение в ожидании улова. Она знала, что первый пескарь или чебак достанется ей.

Домой компания возвращалась всегда с уловом, довольная проведенным временем.

Однажды во время рыбалки Мурка исчезла. Слава не смог её докричаться и вернулся домой с плохой вестью. В семье Савиных высказывали разные предположения исчезновения Мурки. Все переживали за её судьбу. Спокойно вел себя только Дружок. Он-то знал, где Мурка, по какой причине она исчезла, но не мог рассказать людям.

Через несколько дней Мурка появилась на даче, съела приготовленную ей еду и вновь исчезла.

На следующий день на рыбалке Слава увидел Мурку, пробирающуюся к нему через кусты. Обрадовавшись встрече, начал гладить кошку, но она не воспринимала его ласки как прежде. Старалась уклониться от поглаживания. Слава достал из садка двух чебаков и бросил кошке. Она с жадностью съела одного, взяв в зубы второго, удалилась.

С тех пор Слава каждый день ходил на рыбалку и приносил Мурке еду. Через несколько недель Мурка к месту рыбалки привела семерых черных котят.

– Пойдем домой, – произнес Слава и смотал леску на удилище.

Садоводы с интересом смотрели на шествие по улице мимо их дач. Мальчик с удочкой шёл неторопясь, постоянно оглядываясь, а за ним следовала чёрная кошка с чёрными котятами. Дружок умчался вперед оповещать хозяев.

Кот Василий Иванович

Кот Василий Иванович жил в частном доме Самсоновых. Рыжим окрасом с темными полосами поперёк тела напоминал тигра. Мышей ловил не ради еды, а ради развлечения и удовольствия. Любимой едой считал блины и рыбу. Ради рыбы готов идти на любые преступления, вплоть до воровства.

Когда Валентина пекла блины, он приходил на кухню, терся об её ногу и садился рядом в ожидании, когда остынет первый блин. Насытившись, с довольным видом удалялся по своим делам. За независимый гордый характер, Сергей иногда называл его Василием Ивановичем.

Сосед по дому был заядлым рыбаком. Всё свободное время проводил на реке с удочкой. Пескарей и чебаков приносил живыми в ведре с водой и выливал в ванну, стоящую во дворе, чтобы показать детям. Он несколько раз угостил Василия рыбешкой. С тех пор увидев соседа, вернувшегося с рыбалки, Василий вмиг перелазил через забор и оказывался у его ног. Ему мало было одной рыбешки. Как только рыбак уходил в дом, он запрыгивал на ванну, опускал одну лапу в воду и дожидался момента, кода рыбка проплывет мимо, чтобы подцепить её острыми когтями.

Однажды Сергей чистил во дворе купленных морских окуней и складывал в миску. Василий осторожно подошёл сзади, схватил окуня и бросился наутёк. Сергей соскочил с места и с криком: «Стой, отдай рыбу!», бросился в погоню. Кот перемахнул через забор и скрылся на соседней усадьбе.

«Шут с тобой, – произнес Сергей, – смотри, только не подавись». Он очень любил животных, и наказывать Василия за воровство не собирался.

Весной Василий надолго исчезал, приходил худой, голодный и со следами драки.

В морозный зимний день поздним вечером Сергей возвращался с работы. Он заметил у забора на перекрёстке улиц кота.

– Ты почему в мороз сидишь на улице? – обратился к коту.

Кот поджал переднюю лапу и жалобно промяукал.

– Ты замёрз?

В ответ повторилось жалобное мяуканье.

– Пойдем ко мне в дом, там отогреешься, – произнес Сергей, взял кота на руки, прижал к себе и принёс в дом.

– Ты зачем принес кошку? У нас есть своя, – встретила Валентина мужа вопросом.

– На улице мороз ниже тридцати градусов, кот мог замерзнуть.

– У него должны быть хозяева, он породистый, сиамский, смотри какие у него голубые глаза.

– Хозяев будем искать позже, а сейчас накорми бедолагу.

Валентина пошла на кухню и налила в миску молока. Сиамец не стал ждать приглашения, вылакал молоко и потерся о ногу Валентины в знак благодарности.

Он оказался ласковым и любопытным котом. Обследовав весь дом, вернулся на кухню. Здесь топилась печь, и было теплее, чем в других комнатах. У него была короткая шерсть и слабый подпушек, он хорошо чувствовал разницу температур в комнатах.

Утро и вечер Валентина проводила на кухне за приготовлением еды. Она ласково разговаривала с Сиамом и кормила его. Он быстро признал её хозяйкой и постоянно находился около неё. Кухня стала местом его обитания. Здесь всегда стояла миска с едой, и был лаз в подполье. Хозяйка постелила ему коврик под столом.

Вот со своим спасителем отношения не сложились. Сергей взял его под живот, принес на диван, посадил рядом и хотел погладить. Кот оцарапал ему руку и сделал попытку укусить. Сергей отдернул руку, Сиам мгновенно соскочил с дивана и умчался на кухню. Видимо, кот посчитал вольное обращение

недопустимо с его персоной. Прибежав на кухню, проявил хитрость и сообразительность, стал тереться о ногу Валентины, требуя ласки. Она присела, погладили и ласково сказала: «Иди на подстилку, не мешай мне готовить ужин». Он ушел и свернулся клубком на коврике. Складывалось впечатление, что он понимает не только интонацию, но и слова.

Василий отнесся равнодушно к новому жильцу. Он чувствовал себя хозяином в доме, был серьёзным, знающим себе цену котом, не выпрашивал ласки у хозяйки, как это делал Сиам. Вскоре между котами стали возникать потасовки из-за ревности Сиама. Стоило Василию запрыгнуть на диван, на котором сидела Валентина и гладила Сиама, как Сиам с шипением набрасывался на него.

Ожидая автобус, Сергей поёживался от холода и переминался с ноги на ногу. Его автобус долго не приходил. Народ уезжал, подходили новые люди. На лавочке сидел пестрый пушистый кот и дрожал от холода.

– Чей кот? – громко спросил Сергей.

– Ничейный, – ответила полная женщина, – он давно здесь сидит.

«Ничейных котов не бывает», – подумал Сергей. Ему стало жаль беднягу, – не брать же мне его домой, у нас и так уже два кота». Он не принял решения, как поступить с котом, но когда подошёл его автобус, подхватил кота, сунул за пазуху шубы и вошёл в салон.

Валентина с удивлением посмотрела на мужа, когда он выпустил на пол кота.

– Серёжа, что происходит? Ты собираешь всех кошек на улице?

– Стоят морозы, пусть поживёт у нас до весны.

Очередной кот оказался трёхцветным, с длинной пушистой шерстью. По форме носа походил на персидскую кошку. Судя по цвету шерсти, был продуктом смешения нескольких пород. Ему дали кличку Пушок. Он оказался обжорой. Любил ласку, но не был навязчивым, проявлял активность.

Коты распределили комнаты между собой и следили, чтобы сосед не заходил на чужую территорию. Между ними периодически возникали стычки, а весной начались драки.

Терпение Валентины лопнула, когда однажды придя домой с работы, увидела беспорядок и всюду валяющуюся шерсть.

– Сергей! – Произнесла громко, – уноси котов туда, где взял.

На развешенные объявления, первой пришла женщина за Сиамом. Увидев его, всплеснула руками и произнесла:

– Это мой Котик!

Валентина была рада избавиться от кота, но задала вопросы?

– Что-то он не бросается к вам в объятья? Как он оказался на улице в мороз.

– Эта порода кошек любит путешествовать. Я выпустила его погулять и на минутку отвлеклась, а он убежал и заблудился. Живу на соседней улице, соседи могут подтвердить, что это мой Котик.

– Забирайте ваше сокровище, – произнесла с улыбкой Валентина.

Через неделю за Пушком пришла женщина с ребенком. Поздоровавшись, сообщила:

– Я не теряла кота. По его описанию, он мне нравится. Если не нашёлся хозяин, я готова его взять.

Валентина избавилась от постояльцев, а Василий Иванович стол полновластным хозяином в доме.

Девочка и собака

В зимние каникулы Тамара Андреевна с девятилетней дочкой Наташей ежедневно ходила на лыжах в Заельцовском бору.

Зима в том году выдалась мягкой. В бору стояла тишина, не чувствовалось дуновения ветра, чистый снег слепил глаза, воздух напитан запахом хвойного леса. Они шли по лыжне, вдоль которой стояли красные флажки, оставленные после прошедших соревнований. Их постоянно обгоняли лыжники. На перекрёстке просек свернули на менее наторенную лыжню. Наташа шла впереди, мама, следуя за ней, восхищалась ловкостью дочери держаться на лыжах.

Лыжня вывела их к частным домикам, стоящих на кромке лога. Неожиданно из двора с лаем выскочила огромная черная собака и направилась к Тамаре Андреевне. Та испугалась и когда собака подбежала к ней, направила на неё лыжные палки. Собаке это не понравилось, и она злобно стала лаять. «Уходи, я тебя не трогаю», – говорила Тамара, держа палки перед носом собаки. Собака не реагировали на её уговоры, забегала с разных сторон, пытаясь, напасть, но каждый раз встречала перед носом палки.

Девочка, ушедшая вперёд, услышав лай собаки, обернулась и закричала:

– Мама не бойся!

Собака оставила женщину и побежала к ребёнку. Тамара Андреевна испугалась за дочь и закричала:

– Наташа берегись собаки!

Девочка стояла спокойно и смотрела на бегущего пса. Он остановился около девочки и завилял хвостом. «Хорошая собачка, почему ты лаяла на маму? – спокойным голосом разговаривала Наташа с собакой. Та ещё повиляла ей хвостом, немного постояла, и удалился во двор.

Умная ворона

Рано утром Валя открыла дверь, чтобы проветрить комнату и вышла на балкон. Под балконом проходила внутриквартальная дорога, на противоположной стороне стоял решётчатый забор соседнего дома. За забором сидел крупный щенок и смотрел на серую ворону, которая усердно долбила на дороге краюху засохшего хлеба.

Щенок периодически поднимался на ноги и повизгивал. Ему хотелось отобрать у вороны добычу, но пролезть через решётку не мог. Ворона попыталась

улететь с хлебом, но толстый кусок не могла захватить в клюв. Наконец, ей удалось отломить кусок корки. Подержав его в клюве, сообразила, что проглотить не сможет. Немного подумала и отправилась к ближайшей луже. Опустила хлеб в воду и стала ждать, когда он размокнет. Размякший хлеб легко склевала, подобрав все крошки, и отправилась к краюхе. Она вновь отломила кусок и, уже не задумываясь, понесла его к луже. Так повторялось несколько раз.

Терпение щенка закончилось. Он поднялся на задние лапы, опираясь передними на забор, и залаял. Ворона взяла в клюв остатки хлеба и улетела.

Найда

Ранним весенним утром Валентин сидел на берегу Катальги с удочкой в руке. Тихая река спокойно несла свои мутные воды. На излучине в глубокой заводи водились полосатые красавцы окуни. Его излюбленным местом был участок воды около кустов ольхи с ветвями, склонившимися над водой. День только начал зарождаться. Небо на востоке раскрасили лучи восходящего солнца. Жидкий туман над рекой клубился и рассеивался. Внимание Валентина было приковано к поплавку, который медленно приближался под нависшие над водой ветки. Он сильнее сжал в руке удилище, ожидая поклевки. В это время Найда, лежавшая рядом, соскочила и помчалась по берегу вверх по течению. Оторвав взгляд от поплавка, Валентин увидел Лосиху с лосенком переходящих реку. Собака догнала зверей на противоположном берегу. Ее злобный лай нарушил утреннюю тишину. Звери крутились на крутом склоне берега. Лосиха, защищая детеныша, постоянно поворачивалась к собаке головой. Не имея рогов, она делала выпады, пытаясь нанести удар врагу передней ногой, но Найда каждый раз отскакивала от удара. В этой борьбе собака утомилась, и лосиха, улучив момент, нанесла ей удар копытом. Удар пришелся вскользь по спине. Копыто содрало кусок шкуры у крестца.

Валентин услышал жалобный вой своей любимицы и увидел убегающих лосей. Он изо всех сил побежал к броду, перебрался на противоположный берег реки и увидел Найду с болтающимся на спине лоскутом шкуры. Приложив шкуру к окровавленному участку спины, взял собаку на руки и понес в поселок. Володя, увидев собаку на руках у Валентина, спросил:

– Что случилось?

– Лось поранил.

– С такой раной она вряд ли выживет.

– Помоги мне ее перебинтовать.

– Может лучше ее пристрелить, чтобы не мучилась?

– Прекрати свои советы, – возмутился Валентин, – лучше делай, что я тебе говорю.

– А что надо делать?

– Возьми иголку с ниткой, смажь зеленкой и пришей оторванную кожу на хребте.

– Она меня укусит.

– Не укусит, я буду держать голову.

Володя несколькими стежками пришил оторванный лоскут.

– Теперь возьми в аптечке бинт и перевязывай Найду.

Валентину показалось, что одного бинта недостаточно. Он оторвал полосу ткани от простыни и ей замотал рану поверх бинта. Найда жалобно скулила, но не мешала себя бинтовать. После перевязки она постоянно делала попытки сорвать зубами бинты. Валентин держал ее за голову и уговаривал успокоиться.

Ночью Найда сорвала повязку и, с трудом дотягиваясь языком, зализывала рану. Утром Валентин подошел к ней, погладил по голове и предложил еду. Она отказывалась. В знак благодарности за заботу о ней лизнула ему руку. Неделю она не ела. Кожа благополучно приросла и зимой Найда доставляла много радости хозяину на охоте.

Фагот и лиса

Каждое утро я с волнением подходил к окну, смотрел на землю и на термометр. За окном моросил мелкий дождь, термометр показывал положительную температуру. Мы с годовалым выжлецём истосковались по выходу в поле. Сезон охоты наступил. Дождь и слякоть удерживали нас дома. В один из дней мое сердце радостно забилось – землю покрыл тонким слоем белый пушистый снег. Термометр показывал пять градусов холода. «Только бы не растаял до субботы», – мелькнула у меня мысль. Я наклонился к рядом стоящему Фаготу, потрепал его за голову и радостно произнес: «В субботу поедим на охоту». Мое хорошее настроение передалось собаке, и он стал прыгать на меня. Пришлось присесть, подать команду: «Лежать» и сделать выговор: «Воспитанные собаки не должны прыгать на хозяина». Фагот сияющими глазами смотрел на меня, умиленно, не моргая.

К рассвету мы уже были в охотничьих угодьях. Тонкий слой снега покрывал поля, через который торчала стерня. Легкий морозец бодрил. Березовые колки дремали среди убранных полей. Мы направились в ближайший колок. Фагот умчался вперед, я шел по его следу и покрикивал: «Гоп, гоп», стараясь поднять заспавшегося зайца. Так мы прошли два колка, не подняв ни кого. Фагот причуял чей-то след на поле, сделал круг и умчался в соседний лесок. Вскоре он подал голос. «Наконец, поднял зверя», – подумал я и помчался к лесу. Выжлец гнал лису. Она переходила из одного колка в другой, в каждом делала петлю и продолжала идти в выбранном направлении. Мне с трудом удавалось поспевать за ними. Ни разу не удавалось перевидеть рыжую.

День перевалил за полдень. Лиса привела нас к замерзшему озеру, берега которого покрывали густые заросли тальника. Она сделала несколько кругов вокруг озера. Я несколько раз видел ее мелькание

среди зарослей, но выстрелить не мог. Неожиданно услышал на противоположном берегу озера вой Фагота, призывающий на помощь. Не раздумываю, бросился через заросли. Под ногами оказался кочкарник, залитый водой. Тонкий лед между кочками проламывался. Ноги, обутые в унты, быстро промокли. Фагот продолжать выть. Меня обуял страх за собаку. «Неужели попал в капкан», – думал я и продолжал ломиться через заросли. Когда подбежал ближе к месту трагедии, передо мной открылась картина: среди льда в шести метрах от берега в воде барахтался Фагот. Он уже выбивался из сил. Лед толщиной около сантиметра не давал ему возможности плыть к берегу. От пролома во льду уходила через озера цепочка лисьих следов. Тонкий лед держал лису, но проломился под весом собаки.

Положив ружье на землю, не снимая меховой шубы, пробил лед ногой у берега и шагнул в воду. Тонкий лед легко ломался ударом кулака. Около Фагота глубина оказалось мне по грудь. Схватив собаку за загривок, выбрался на берег. Фагот начал отряхиваться, обдавая меня брызгами. «В машину, – подал ему команду, – быстрее, пока не простыли». Намокшие и залитые водой унты не позволяли бежать. Пришлось сесть на кочку, вылить воду их унтов, выжать носки и обуться в мокрую обувь.

Фагот прибежал к машине первым. Нагрев салон Нивы, я разделся, выжал одежду, погрел нижнее белье горячим воздухом обогревателя и облачился в мокрую одежду. «С крещением, – сказал выжлицу, – поедем домой». Он сидел на заднем сидении, положил голову мне на плечо и смотрел в лобовое стекло.

Купание не отразилось на нашем здоровье и через неделю мы поехали на охоту.

Белка

Новосибирский Академгородок строился среди лесного массива, в котором обитали разные звери. Чаще всех встречались зайцы, лисы и белки. Заходили лоси и косули. Строительство велось с максимальным сохранением леса. Строительный шум не понравился большинству животных, и они покинули свои угодья. А вот белки не захотели покидать облюбованный уголок природы, в котором было в изобилии сосновых шишек и грибов. Им даже понравилось соседство людей. Первоначально их подкармливали строители кедровыми орешками и семечками, а затем и жители новостроек. Зверьки оказались очень доверчивыми, брали корм с рук, иногда забирались людям на плечи. Я хочу рассказать об одной белочке, которая дружила с моими приятелями.

Загозкины получили квартиру на четвертом этаже пятиэтажного дома. В нескольких метрах от их балкона стояли высокие сосны, на которых часто прыгали белки. Лене хотелось угостить зверьков семечками, она протягивала им руку с лакомством, но они не решались запрыгнуть на балкон. Тогда её папа

принес жердь и положил один конец на сучек дерева, а второй на балкон. Белки не заставили себя долго ждать. Они прибегали на балкон и с удовольствием угощались оставленными для них кедровыми орешками. Одна белочка оказалась очень доверчивай и брала орешки с руки Лены. Каждое утро она появлялась на балконе и если не находила корма, запрыгивала на подоконник и царапала стекло коготками. Услышав эти позывные, Лена выходила на балкон и протягивала подружке семечки в слегка зажатом кулачке. Белочка разжимала по одному ее пальцы и доставала корм. Зверек очень привык к девочке и прибегал на ее голос.

Однажды мы приехали в гости к Загозкиным. Лена тут же заявила: «Сейчас я покажу вам фокус».

– Какой фокус? – спросил Саша – мой сын.

– Я покричу, и ко мне как по щучьему велению прибежит белка.

Она вышла на балкон и стала звать белочку, мы последовали за ней. Вскоре, к нашему удивлению, на балконе появилась белка. Первый фокус удался.

– Теперь смотрите второй фокус, – произнесла Лена и протянула к зверьку зажатый кулак с орешками.

Белочка села на задние лапки перед кулаком, а передними разогнула мизинец и съела два орешка. Затем стала разгибать следующий палец, но Лена крепко прижала его и не давала возможности разогнуть. Тогда белка посчитала, что игра идет не по правилам и укусила палец. Лена вскрикнула и отдернула руку, а белочка испугалась и убежала. Второй фокус не удался.

Все решили, что белочка на балконе больше не появится. На следующий день она пришла полакомиться орешками, но с руки их брать отказалась.

Доверчивым диким животным надо отвечать взаимностью и не пугать их, чтобы не потерять их дружеские отношения.

БУРЕНКА

Стояли последние теплые дни осени 1943 года. Колхозники села Идринского Красноярского края спешили убрать урожай. Большинство лошадей было передано для фронта, оставшиеся, измотанные тяжелой работой, трудились, как и люди, от зари до зари.

На зиму Грудзинские заготавливали брикеты торфа для отопления. В ближайшем лесу валежник и сухостой давно были собраны. Возить дрова за много километров было не на чем. За рубку леса без порубочного билета грозило суровое наказание.

Евгений Федорович запряг в телегу телку, кликнул одиннадцатилетнего внука Витю и восьмилетнюю внучку Глашу, затем распахнул ворота, чтобы ехать за топливом. На его крик на крыльцо вышла Агафья Прокопьевна. Увидев запряженную телку, всплеснула руками и закричала:

– Что ты творишь? Испортишь скотину, она молока давать не будет!

– Мне что, на себе топливо возить? – огрызнулся муж и вывел телку на улицу.

За воротами Буренка почувствовала, что ее лишили привычной свободы и начала вырываться. Дедушка силой тянул телку вперед по дороге. Она мотала головой, пытаясь вырваться и повернуть назад. Глаша с жалостью смотрела на несчастное животное. Она заметила на глазах Буренки влагу. «Неужели она плачет», – подумала девочка.

Приехав на место, Евгений Федорович привязал Буренку и стал лопатой нарезать бруски торфа. Витя и Глаша носили их к телеге. Насыщенные влагой тяжелые торфяные бруски дети не могли высоко поднять. Дедушка уложил бруски на телегу, и процессия двинулась в обратный путь. Буренка не сопротивлялась, смирившись со своей участью, поняв, что идет домой. Когда дорога пошла на косогор, телка остановилась и не могла сдвинуть телегу с места. Дедушка и дети навалились на телегу и помогли Буренке вывезти воз на ровное место. Приехав во двор, брикеты торфа уложили под навес для просушки. Агафья Прокопьевна вынесла приготовленное для Буренки пойло и поставила перед распряженной телкой, приговаривая:

– Пей, моя хорошая, тебе еще расти надо, а тебя запрягать удумали.

Дымок

Меня всегда удивляла способность собак мыслить, принимать верное решение на охоте, их преданность человеку и готовность ценой своей жизни защищать хозяина. Это случилось, когда Дымку было шесть месяцев. Он был постоянным спутником Валентина в странствиях по тайге и болотам, когда он работал на нефтепромыслах месторождения Оленье.

В погожий жаркий день Валентин шел на рыбалку по трассе, проложенной из железобетонных плит среди кедрового леса. Впереди показался КрАЗ, с большой скоростью ехавший навстречу. Неожиданно автомашина завиляла и перевернулась на бок в болото у обочины дороги. Из кабины вылез водитель, посмотрел на результат своей оплошности и пошел навстречу Валентину. Поравнявшись, вместо приветствия спросил:

– Далеко до поселка?

– Километров двадцать.

– Что случилось? – спросил Валентин.

– Черт попутал, – ответил он, – надо идти за краном.

Подойдя к месту аварии, Валентин увидел валяющиеся в болоте задвижки и фланцы, а на обочине – задавленного зайца, который подавал еще признаки жизни. «Тебя не черт попутал, – подумал Валентин о водителе, – а Бог наказал за браконьерство». Погибшей оказалась зайчиха с шестью крупными зайчатами в утробе. Посылая в адрес шофера ругательства, Валентин выпотрошил тушку и положил в холодную воду болота, чтобы забрать на обратном пути.

Пробираться к озеру пришлось через моховое болото, на котором росли редкие сосенки. Вытянувшись на три-четыре метра, они засыхали на корню. Здесь было царство комаров, лягушек и змей. Лягушки постоянно прыгали из-под ног в воду, а змеи, свернувшись в клубок на кочках, принимали солнечные ванны.

Озеро вытянулось на четыре километра в длину, и около двух в ширину. Противоположный холмистый берег покрывал кедрач. Многие годы там размещалось стойбище хантов. Со строительством дороги и развитием нефтепромыслов они откочевали с родовых мест.

Разыскав в кустах надутую камеру от колеса КамАЗа, Валентин выплыл на озеро и проверил сети. Улов был хорошим. Каждый из окуней весил около килограмма, и рюкзак едва вместил всю рыбу.

На обратном пути он заметил, что на кочках стало меньше змей. С озера периодически тянул слабый холодный ветерок. «Видимо, они чувствуют перемену погоды и спешат в укрытия», – подумал Валентин. Выбравшись на край трассы, снял рюкзак и решил отдохнуть, дожидаясь попутного транспорта. Дорожные плиты нагрелись от яркого солнца и приятно грели бок растянувшегося на них Валентина. Проснулся он от яростного лая Дымка. Открыв глаза, увидел под своим боком змею, издающую слабое шипение на нападающую на нее собаку. Собравшись с духом, вскочил на ноги. Щенок моментально схватил змею поперек туловища. Она, изогнувшись, ужалила его в нос. Выпустив ее из пасти, он затряс головой, а Валентин наступил сапогом на рептилию и задавил. Нос Дымка распухал на глазах. Попытки хозяина выдавить яд из двух ранок приносили щенку дополнительную боль. Он вырвался из рук, побежал к лесу и стал поедать какую-то траву. Хозяин последовал за ним, стал рвать листья и голубые цветочки неизвестного ему растения, растирать и прикладывать к носу щенка. Позже он узнал название целебной травы. Это была вероника болотная из семейства подорожниковых, которую иногда называют «змеиной травой». Когда они добрались до дома, аккуратный маленький нос щенка распух до ушей и стал похож на бульдожий.

К счастью для собаки и ее хозяина эта история закончилась благополучно, и в дальнейшем Дымок еще не раз выручал Валентина в его охотничьей жизни.

МАРАЛЫ АЛТАЯ

Путешествуя по Горному Алтаю мы не могли вернуться домой, не увидев чудо местной природы – красавцев маралов. Этот благородный олень очень осторожен и пуглив, живет высоко в горах. Столкнуться и увидеть его в природных условиях вблизи себя практически невозможно. У него прекрасный слух и обоняние. Почувствовав опасность, он тут же уходит. Догнать его в горах дело безнадежное.

В Горном Алтае сохранилось несколько мараловодческих хозяйств. Мы свернули с Чуйского тракта и поехали по грунтовой дороге вдоль крутого склона по долине реки Каракол. Нас окружали горы высотой до двух тысяч метров, на вершинах которых лежал еще снег. Проехав селение Боочи, мы заметили, что долина реки сузилась. На противоположной стороне вершины высоких гор сияли в лучах вечернего солнца. Через несколько километров переехав ручей по зыбкому мостику, остановились на крутом склоне около одинокого домика, из которого вышел мужчина средних лет и удивленно посмотрел на непрошеных гостей. Наша спутница Людмила Анатольевна поспешила сказать:

– Валентина Ивановна разрешила нам посмотреть маралов.

– Раз хозяйка разрешила – открывайте ворота и езжайте, смотрите.

Дорога, круто поднимающаяся в гору, раздвоилась. Я повел машину по правой развилке. Вскоре на дороге появилась глубокая колея с водой и грязью. Пришлось свернуть в сторону. Под колесами машины оказался моховой покров, по которому можно было ехать только на пониженной скорости. Мы подъехали к Ниве, стоящей на дороге. Женщина держала мешок, а мужчина ссыпал в него кедровые шишки.

– Добрый день, – поздоровался я. Неужели на Алтае кедровые орехи поспевают весной?

– Это прошлогодние шишки, – улыбаясь, ответила женщина.

– Неужели за зиму не сгнили?

– Прекрасно сохранились, попробуйте.

Она протянула нам несколько шишек. В это время наш проводник Анатолий Унуков заговорил с мужчиной на родном алтайском языке.

– Нам следует вернуться к развилке дорог и поехать по левой дороге, – сказал Анатолий, – она приведет к кормушкам. Там возможно увидим маралов.

Дорога привела к забору из сетки рабица. Вдали у склона горы виднелся табун маралов. Оставив машину у забора и, легко проникнув через ворота, мы стали приближаться к животным вдоль широко разлившегося ручья, берущего начало высоко в горах из родника. Нам приходилось перепрыгивать с камня на камень. Маралы насторожились при нашем приближении. Они как изваяния застыли в гордой позе, высоко подняв головы. Мы увидели красоту и силу крупных и сильных животных. Они недолго позировали нам. Легкими прыжками умчались по распадку между гор. Здесь они живут в естественных условиях на большой территории, огороженной забором. Жизнь в дикой природе, постоянно опасаясь волков и человека, сделала их осторожными и пугливыми.

Ареал обитания маралов – горы Алтая, Тянь-Шаня и Красноярского края. Рост взрослых зверей достигает 160 см, вес до – 300 кг. Самки несколько мельче. Рога у взрослого самца достигают длины до 120 см и весят до 12 кг. Шерсть маралов буровато серая. Весной, после линьки, становится рыжевато-красной. Маленькие маралята – пятнистые. Они рождаются в конце мая, начале июня. Впервые дни совершенно беспомощны и обладают врожденной способностью к маскировке. До месячного возраста не бегают от опасности, а затаиваются в укромном местечке. От хищников маралы защищаются не столько рогами, сколько копытами передних ног. Маралуха способна отогнать от детеныша росомаху,

рысь и одинокого волка. Волки или медведь способны задавить марала только загнав на лед реки или в глубокий надув снега.

В природных условиях маралы живут в среднем 12-14 лет. В заповедниках и оленеводческих хозяйствах маралы, окруженные заботой человека, доживают до 30 лет. Они не требуют за собой большого ухода. Их подкармливают только в суровые зимы, когда не могут сами добыть корм. Животные привыкают к месту подкормки и часто его посещают даже при изобилии корма в горах. Эта их привычка позволила нам в мае, когда уже зеленела трава, увидеть и сфотографировать главную достопримечательность Алтайских гор.

Оленеводческие хозяйства разводят маралов ради ценнейших пантов – молодых рогов самцов, которые используют в медицине для изготовления многих лекарственных препаратов. Всем хорошо знакомы целебные свойства пантокрина.

Мы покидали Горный Алтай с твердым намерением вернуться в этот красивейший и живописный край с уникальной природой.

ФАГОТ И ГУСИ

В детстве родители читали мне рассказ об охотнике, который охотился на гусей с рыжей дворняжкой. Я не помню автора книги, но рассказ так удивил меня, что помню его до сих пор. Перед глазами стоит картинка с бугорком на берегу озера, недалеко собака и летящие гуси.

Охотник прятался в вырытой яме, бросал кусочки хлеба в разные стороны, а собака бегала по берегу за ними. Гуси, приняв собаку за лису, поднимались с озера и летели отогнать ее от места своего обитания.

Прожив большую охотничью жизнь, я не встречал такого метода охоты и стал сомневаться в правдивости рассказа.

Несколько лет назад мой школьный товарищ Арнольд Атавин пригласил меня принять участие в утиной охоте. За два дня до открытия охоты мы приехали в приписные угодья около села Усть Сумы Каргатского района Новосибирской области. Озеро раскинулось на несколько километров. По мелководью около берегов тянулись заросли камыша с многочисленными плесами, удобными для охоты. Прибрежную полосу покрывала скудная растительность, приспособившаяся расти на солонцах. Вдали виднелись березовые колки.

Первый день мы потратили на получение путевок у егеря, обустройство бивуака и установку чучел на приглянувшихся плесах. На следующий день я решил прогуляться по окрестностям. Со мной был молодой гончак Фагот светло чепрачной масти. Дома его не с кем было оставить и пришлось взять с собой. «Пускай побегает, – подумал я, – может быть зайца поднимет». Мы прошли несколько березовых колков, и вышли на большое поле, покрытое стерней. По его кромке лежали кучи соломы. Я присел отдохнуть, а Фагот, учуял чей-то след, побежал через поле. Достав бинокль, стал наблюдать за

собакой. На другом конце поля увидел табун кормящихся гусей. Когда собака приблизилась к ним, они взлетели и набросились на нее. Фагот со всех ног помчался ко мне. Гуси пикировали на него и старались клюнуть. Только недалеко от меня они оставили собаку и пролетели низко над моей головой.

«Как хорошо, что со мной нет ружья, – подумал я, – мог бы не удержаться от верного выстрела».

ЗУБРЫ АЛТАЯ

В Горном Алтае уникальная природа, сохранившаяся в первозданном виде до наших дней. Оказавшись здесь, чувствуешь ее величие и суровую красоту. Весной горы раскрашены обильно цветущими кустарниками маральника. (Рододендрон алтайский.) Их густые заросли напоминают голубые водопады и потоки рек, текущих от вершин в ущелья. Мы ехали по Чуйскому тракту, периодически останавливались и щелкали фотоаппаратами.

От нашего проводника я узнал, что в Шабалинском районе расположен зубровый питомник. Для меня даже пропал интерес к красотам гор. Так захотелось увидеть красавцев-гигантов – современников мамонтов.

На обратном пути после села Черга мы свернули на ухабистую дорогу вдоль притока реки Чергушки. Через два километра довольно крутого подъема остановились у ворот питомника. За забором из сетки рабица стояло несколько домиков. Нам навстречу вышел мужчина в камуфляжной форме. Это был работник питомника Владимир.

– Мы хотели бы увидеть зубров, – представившись, произнес я, – это возможно?

– Открывайте ворота и заезжайте. Я поеду с вами. Утром видел стадо пасущихся зубров недалеко отсюда.

Владимир сел на переднее сиденье рядом со мной, и мы поехали в гости к зубрам. Нива-шевралет с натугой поднималась по крутому склону бездорожья. Впереди показались животные. Остановившись за пятьдесят метров от них, мы продолжили путь пешком. Перед нами паслось стадо голов в двадцать. Здесь были зубры разных возрастов, которые не обращали на нас внимания. Только один самый крупный бык поднял голову и пристально следил за нашим передвижением.

– Дальше не пойдем, – произнес Владимир. – Зубры выглядят неповоротливыми, но при необходимости способны быстро бегать и преодолевать препятствия.

Сделав снимки и вдоволь налюбовавшись доисторическими крупными животными, уцелевшими до наших дней, мы отправились в обратный путь.

В восемнадцатом веке эти гиганты были почти полностью уничтожены в Европе. В начале двадцатого века в природе зубры были полностью истреблены. Сохранились только в заповедниках Беловежской пущи и Кавказа. Началось целенаправленное разведение в зоологических парках и садах, лесных резервациях. В восьмидесятых годах прошлого века в России сохранилось менее двухсот особей. В 1982 году по предложению академика Д.К.Беляева в Горном Алтае был создан центр по изучению и сохранению перспективных для науки животных. Местом разведения зубров была выбрана территория на землях совхоза «Чергинский» в Шебалинском районе. В питомник завезли трех быков и восемь самок. Сейчас их около пятидесяти особей разного возраста. Они разделились на три стада. Вожаком каждого стада является самый сильный самец, который завоевал лидерство победой в схватке с предыдущим вожаком. Живут в естественных условиях и не нуждаются в опеке людей. Их подкармливают только в неблагоприятные по погодным условиям зимы. Вес лесных великанов достигает тонны, длина до трех метров. Высота в холке до двух метров. Холка образует высокий горб. Голова большая, тяжелая. Рога короткие. Под горлом борода. Шерсть на голове, плечах, передних ногах густая, более длинная, чем на задней части тела Взрослые зубры не боятся хищников. При нападении волков или медведей они выстраиваются в круг и дают отпор противникам. Малыши прячутся в центре круга.

Брачный сезон у зубров проходит в августе – сентябре. В это время они становятся агрессивными. Детеныши рождаются в мае – июне. Рожденные малыши весят до двадцати килограммов. Молоком матери питаются до года. Продолжительность жизни до тридцати лет.

Живут зубры на территории заповедника, огороженного сеткой рабица. Местность разделена на три парка. В каждом парке живет свое стадо. На этом пространстве есть горы высотой до полутора тысяч метров, лесные массивы, луговые участки. Много ручьев и родников. Здесь растут лиственницы, кедры, березы, черемуха, рябина, ива. Разнообразен животный мир.

Змея

Мой одноклассник Слава Пустыльников с первого класса, а может быть и раньше, увлекался бабочками, жуками, мышами и всякой другой живностью, которую многим противно взять в руки. Он часто приносил в школу гусениц, жуков - носорогов или оленей. Выпускал на парту, чтобы похвастаться своей ценной находкой. Кто-нибудь из ребят хватал жука и делал попытку посадить за воротник ученицам. Девочки с визгом и шумом разбегались. Славе всегда попадало от учительницы. Она запрещала приносить ему в класс насекомых, но он не мог утерпеть, чтобы не похвалиться перед товарищами своей новой находкой. С тех пор мне в природе не встречались жуки носороги и олени. Наверное, Слава и такие же «любители» природы их всех переловили.

Любимым развлечением Пустыльникова было посещение зоопарка. Он готов ходить там часами. Позже стал постоянно навещать зоомагазины и присматривать животных, которых можно приобрести и содержать в квартире. Когда мы начали изучать зоологию, он стал лучшим учеником. О животном мире знал много больше, чем написано в учебнике.

Однажды, во время летних каникул, когда мы гоняли мяч, на школьной площадке появился Слава. Он протянул нам руку со словами:

– Кто готов со мной поздороваться?

Из его рукава высовывалась змея, часть туловища лежало на ладони, которое он придерживал большим пальцем у основания головы.

– Ну, ты даешь! – сказал кто-то.

Ему посыпались вопросы:

– Как называется змея?

– Не знаю, – уклончиво ответил он, пожимая плечами.

– Она ядовитая.

– Конечно не ядовитая.

В разговор вмешался Олег.

– Пойдемте к моей тете и узнаем, как называется змея. Она учитель биологии.

Мы втроем поднялись на третий этаж панельного дома. Олег позвонил в знакомую ему квартиру. Дверь приоткрыла Надежда Федоровна. На ее лице промелькнуло удивление, быстро сменившееся на любопытство.

– Тетя, можно к вам войти? – спросил Олег.

– Входите, – сказала она и распахнула дверь.

Мы топтались у двери. Видя нашу нерешительность, учительница спросила:

– Что-то случилось?

– Мы хотим узнать, что это за змея, – сказал Слава и протянул к ней руку. Из рукава рубашки высовывалась, изгибаясь змея.

– Вы пришли, чтобы меня разыграть?

– Мы не разыгрываем, – сказал Олег.

– Резиновые змеи продаются во всех магазинах детских игрушек.

– Она не резиновая, – произнес Слава и разжал руку.

Змея поползла из рукава по его ладони, увеличиваясь в длине. Глаза Надежды Федоровны расширились от удивления и страха. Рептилия упала на пол и поползла по комнате.

– Уберите ее немедленно! – закричала биолог и заскочила на диван.

Слава бросился ловить, но змея успела заползти под диван. Он распластался на полу и пытался рукой дотянуться до беглянки. Ему это не удалось.

– Олег, принеси какую-нибудь палку, – обратился он к другу.

– В ванной стоит швабра, – подала голос хозяйка квартиры.

Когда змея была поймана, Слава сказал:

– Не бойтесь, она ручная.

– Если ты держишь ее в руке – это не означает, что змея ручная, – назидательно произнесла Надежда Федоровна.

Ушли мы, так и не узнав породы рептилии.

Дрозды

Нашему садоводческому кооперативу отвели земельный участок за широкой лесополосой, проходящей вдоль железной дороги. В лесополосе росли рядами высокие сосны и березы с густым подлеском из черемух, рябин, кленов и кустов акации. Здесь было птичье царство. Каких только пород птиц не было?

Весной все птичье племя встретило нас доброжелательно, кроме дроздов. По утрам и вечерам в кронах деревьев соловьи услаждали наш слух трелями. Оранжевыми вспышками мелькали в кустах жарохвостки и чечевицы, радуя наши глаза и души. Скворцы заняли скворечники, самочки уже сидели на яйцах, а будущие отцы распевали серенады. Они и трясогузки быстро оценили соседство людей, расхаживали по грядкам, собирая дождевых червей и различных насекомых. Только дроздам не понравилось наше соседство.

На соснах около моего домика дрозды построили шесть гнезд. Под этими соснами проходила дорожка к хозяйственным постройкам. Стоит кому-нибудь из дачников появиться на этой дорожке, дрозды с шумом, похожим на кудахтанье кур, пикировали на них и, как пилоты бомбами, поливали головы экскрементами. Пришлось терпеть – не разорять же их гнезда. Как только птенцы подросли и встали на крыло, дрозды улетели в ближайший лес. Дачники с облегчением вздохнули, думали, что избавились от неприятного соседства, но они ошиблись.

Как только начала поспевать клубника, дрозды по утрам, пока спали нерадивые хозяева, ватагами, как казаки-разбойники, налетали на плантации ягод и успевали склевать самые спелые.

Я решил поставить около грядок клубники чучело. Вбил кол, прибил поперечину и надел рубашку с длинными рукавами, чтобы ветер мог их трепать. Голову соорудил из мешочка с сухой травой, на котором нарисовал страшную физиономию с открытым ртом и большими зубами. В довершение надел соломенную шляпу. Отойдя в сторону, посмотрел на чучело и подумал, что я бы в детстве испугался такого страшилища. Дрозды оказались умнее, чем я о них думал. Они смогли отличить чучело от человека. Утром появились на грядках раньше меня. Пришлось махнуть на них рукой и сказать жене, что дрозды тоже хотят кушать.

В текущем году, приехав на дачу, был удивлен: дрозды устроили гнездо на наличнике окна домика соседней дачи. Позже я осмотрел гнездо – оно было сплетено из сухой травы и обмазано внутри, как штукатуркой, землей. Дроздиха сидела на яйцах, из гнезда торчали только хвост и голова. Она внимательно наблюдала за мной, подошедшему на пять метров к домику, и не слетала с гнезда. «Место удобное для защиты от дождя под карнизом крыши, – думал я, – но в двух метрах находится входная дверь в домик. Как поведут себя дрозды с хозяевами дачного участка?» Пожилые люди на дачу не приехали. Дрозды вырастили птенцов, а мне представился случай ежедневно наблюдать за их поведением.

Птенцы оказались прожорливыми. Родители трудились с утра до вечера, чтобы прокормить пятерых отпрысков. Подлетев с червяком в клюве, дрозд садился недалеко от гнезда и оглядывался по сторонам. Его беспокоило мое присутствие на соседнем участке. Птенцы высовывали головы из гнезда и устраивали концерт. Я отошел дальше от соседнего участка и продолжал наблюдать из укрытия. Дрозд мгновенно подлетал к гнезду, птенцы смолкли, раскрывали свои клювы и вытягивали шеи за пределы гнезда. Только один заморыш сидел на дне гнезда. Вот ему мать и отдала принесенного червяка и улетела за новой добычей. Мне пришлось не первый раз убедиться, что птицы руководствуются не только инстинктом, но и разумом.

Птенцы росли быстро, скоро стали встречать родителей с кормом сидя на кромке гнезда. Самый крупный и бойкий малыш так тянулся к корму, что вывалился из гнезда. Он еще не умел летать и прыгал по садовому участку. У родителей начался переполох. Они летали над птенцом и беспокойно кричали до тех пор, пока он не скрылся под кустом сирени.

Когда родители подлетали к гнезду с кормом, выпавший птенец выходил из своего укрытия, громко кричал, бил себя по бокам крыльями и требовал еды. Без корма он не оставался, родители следили за его передвижением по садовому участку.

Однажды его писк услышала кошка и стала осторожно, прижимаясь к земле, подкрадываться к нему. Ее с высоты деревьев увидели дрозды. Трудно сказать, были ли это его родители или другие сородичи, но птицы с яростью набросились на кошку, на их крик слетелось множество дроздов. Они с налета клевали и били крыльями охотницу на чужих детей. Кошке ничего не оставалось, как поднять кверху хвост и убежать с чужого участка под аккомпанемент победных криков дроздов.

Поселение дроздов колонией помогает им коллективно защищаться от хищников. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как они стаей отгоняли от своего участка леса сорок и ворон, пытавшихся полакомиться их яйцами.

Вскоре птенцы выросли и улетели со своими родителями с садового участка. Мне было жаль, что мои наблюдения за их семейством закончились.

Грачиные яйца

В послевоенный теплый майский день мы, ученики девятого класса, возвращались на обласках с охоты на озере Духовом, раскинувшимся под Колыванью. Обское водохранилище еще не было построено. Весеннее половодье залило всю пойму старицы Оби вдоль Кудряшевского бора шириной больше километра, скрыв под собой многочисленные озера и мочажины. Из воды выглядывали тальники,

обозначая берега затопленных озер. Около села Катково в воде стоял колок из старых высоких тополей.

На тополях чернело множество грачиных гнезд, как на новогодних елках игрушек. Мы плыли вдоль деревьев. Грачи устроили переполох при нашем появлении. Им не нравились непрошеные гости. Мне захотелось угостить приятелей яйцами и показать свое умение лазить по деревьям. Моя семья во время войны жила на берегу Черного моря в Анапе. Там все мальчишки с раннего детства учатся лазить по фруктовым деревьям. Все продукты мы съели утром, а путь предстоял неблизкий. Я попросил друзей подождать меня под деревьями. Привязал свою лодку к дереву, разулся и полез на тополь за грачиными яйцами. Яйца были в каждом гнезде. Я взял по одному яйцу из нескольких гнезд. Положил три яйца в фуражку и надел ее на голову. Этого мне показалось мало, положил несколько яиц за пазуху. Спускался очень осторожно, старался, чтобы всегда было три точки опоры при перемещении руки или ноги. Когда почти спустился, неожиданно, одна нога заскользила по стволу, и я животом ударился о ствол дерева. За пазухой почувствовал сырость.

Яйца, которые сохранились под фуражкой, мы выпили сырыми. Я снял рубашку и стал мыть живот. Рудик от души смеялся и сквозь хохот произнес:

– Жадность мальчика сгубила.

– Ты сам попробуй слазить, потом смейся, для всех старался, – обиделся я.

Жучёк

Агриппина Ефимовна всю жизнь безвыездно прожила в селе Осиновке в небольшом домике, срубленном из осиновых бревен еще ее дедом. Дети выучились в городе и там остались работать, мужа давно похоронила на деревенском кладбище. Жила за счет огорода и небольшой пенсии. Живность держать стало трудно. Остался у нее только старый беспородный пес Жучёк, очень похожий на мохнатого медвежонка. Он скрашивал ее одинокую жизнь. Часто поглаживая его длинную черную шерсть, она разговаривала с ним откровенно деревенским нецензурным языком, зная, что он её не осудит, и её речи не станут достоянием деревенских сплетниц.

Спокойную жизнь женщины нарушило письмо из Омской области. Ее сестра тяжело заболела. Агриппина быстро собралась в дорогу.

Через час должен пойти в райцентр автобус. Побежала к соседке с просьбой. Не поздоровавшись, выпалила:

– Макаровна, мне срочно надо уехать, возьми на время к себе моего Жучка.

– У меня своих две собаки, драться будут, нет у меня времени собаками заниматься.

Обескураженная Агриппина вышла на улицу и остановилась в раздумье – на кого бы оставить собаку. Мимо шли два местных тунеядца. После развала колхоза они лишились работы, земельные паи давно пропили, жили случайными заработками.

– Что задумалась, Ефимовна? – спросил Матвей.

– Надо срочно уехать к сестре, не знаю на кого Жучка оставить.

– Давай двести рублей, мигом пристроим в хорошие руки, - предложил Влас, мужчина с опухшим лицом.

Агриппина знала непорядочность этих мужиков, но оказавшись в безвыходном положении, согласилась:

– Пойдемте ко мне.

Она вынесла из дома деньги и поводок с ошейником, который давно не надевала на собаку. Присела около Жучка, погладила, прижала к себе и надела ошейник. Он лизнул ее в щеку и с удивлением смотрел на хозяйку. «Жди меня, дорогой, я вернусь, – произнесла Агриппина и передала поводок Матвею.

Оказавшись на пыльной улице с собакой, мужики стали советоваться:

– Что будем делать? – спросил Матвей.

– Надо идти в лавку, – предложил Влас

– Это само собой, а собаку куда девать?

– Отпусти ее и пусть бежит на все четыре стороны.

– Она побежит домой, а там Гапа.

– Пойдем ко мне и привяжем во дворе.

Вернулась Агриппина после похорон сестры в ненастную погоду. Переоделась, натянула на ноги резиновые сапоги и пошла разыскивать Жучка. Нашла его на цепи во дворе нежилого дома Матвея. Худая, обессиленная от голода собака с трудом поднялась на ноги. У Жучка не было сил, как обычно, прыгнуть передними лапами ей на грудь. Он жалобно заскулил. В его голосе слышались обида, тоска и горе.

Расстегнув ошейник и бросив его на землю, хозяйка с грустью произнесла: «Пойдем домой, больше я тебя никогда не оставлю у чужих людей».

Хитрая ворона

Новосибирские юннаты развешали в ботаническом саду сотни кормушек для братьев наших младших. Каких только кормушек там нет: площадки с крышами, домики и даже дворцы с колоннами и окнами. Кормушки постоянно посещают синички, воробьи, поползни и другие птицы.

Жители города, прогуливаясь по парку, приносят семечки и разные орехи. Им всегда доставляет большую радость увидеть в кормушке белочку. Белки оценили людскую доброту и безбоязненно берут из рук угощения.

Мы с четырехлетней Саррой прогуливались по аллее парка. На дорожку перед нами выскочила белочка, уселась на задние лапки и внимательно смотрела на нас черными глазками-бусинками. Сарра присела и протянула ей на ладони орех фундук. Зверек приняла угощение, попробовала, откусив кусочек, и, отбежав от нас метров на десять, закопала орех в снег под сосной. Мы подумали, что она сытая и делает запас впрок. Не успели мы продолжить свой путь, как белочка вновь выскочила на дорогу и всем своим видом требовала еще орехов. Так продолжалось несколько раз. Все орехи она закапывала в снег.

В это время прилетела серая ворона, уселась невдалеке на дерево и наблюдала за нами.

Покинув запасливого зверька, мы отправились разыскивать следующую любительницу орехов. Оглянувшись, увидели ворону на снегу под сосной выклевывающей орехи, спрятанные белкой.

Жук плавунец

К озеру Карасёво мы подъезжали во второй половине дня. Солнце клонилось к западу. Давно нетореная дорога с трудом угадывалась среди высокой травы. Справа тянулось узкой полосой озеро, заросшее кувшинками. Его поверхность напоминала вышитый ковер. Среди листьев-лапухов сияли бутоны желтых кувшинок.

Подъехав к излюбленному месту, мы, предвкушая хороший клев, установили палатку под знакомыми березами, заготовили

сухих веток тальника для костра и, взяв удочки, отправились к озеру по давно не топтаной тропинке. Вдоль берега узкой полосой росла осока, местами над водой нависали ветки кустов тальника. На противоположном берегу вдоль озера возвышался небольшой осиновый колок.

Наживив на крючки удочек дождевых червей, забросили лески в воду и стали ждать поклёвки. Караси клевать не хотели.

– У них, наверное, сегодня пост, – произнес Толя, не хотят мясного блюда. Схожу к машине и принесу другую наживку.

Он принес кусок теста, приготовленного из манки, насадил кусочек величиной с горошину на крючок и стал ждать результата. Караси упорно не хотели клевать.

– Следи за удочками, – сказал Анатолий, – я пойду, займусь приготовлением еды. Сегодня нам, видимо, ухи не едать. Вечером поставим сеть – уха будет завтра.

Я устроился удобно на кочке, положив на неё кусок доски. Мое внимание привлекла серая ворона, сидящая на вершине осины на противоположном берегу озера. Она периодически срывалась с дерева, пикировала к воде и возвращалась на своё место. Странное поведение птицы разжигало мое любопытство. В какой-то момент увидел жука-плавунца вылезающего из воды по стволу камышинки. Его длина составляла около четырех сантиметров. Темно-зеленая спина казался лакированной. Он ловко цеплялся ногами с крючьями за ствол камыша. Поднявшись на полметра от воды, пополз по листу. Неожиданно сорвался и стал падать к воде. «Зачем ты бедолага пополз по тонкому листочку?» – посочувствовал я жуку. Он в это время распустил крылья и полетел.

Мне стало понятно пикирование вороны над водоемом. Она ловила улетающих жуков.

Не поймав ни одного карася на удочки, мы вечером поставили сеть. К нашему удивлению, утром в сети оказалось всего два карася, которые на половину были съедены жуками.

Жуки-плавунцы – прожорливые хищники. Мы были свидетелями массового перелета жуков с водоема, обедневшего живностью, на другие водоемы.

Нерпа

Камчатка славится высокими отливами и приливами. Суточное колебание уровня воды океана достигает более двух метров. На пологих берегах бухт во время отлива вода отступает на сотню метров. На берегу остаются морские водоросли, малюски, раковины, морские звезды и другие обитатели моря. Обилие морских деликатесов привлекает на прибрежную полосу медведей и других животных. Весной на суше часто остаются льдины, занесенные приливом.

Мы любили возвращаться домой из школы по берегу, с которого вода отступила далеко в океан. Здесь воздух был насыщен запахом йода, который исходил от морских водорослей. Листья ламинарии – морской капусты удивляли своей длиной в несколько метров. Ребята собирали раковины для поделок.

На одной из льдин лежал детёныш нерпы и спал, пригревшись на весеннем солнце. Когда мы, громко разговаривая, подошли к льдине, он проснулся, соскочил на землю и заковылял в сторону океана. Мы последовали за ним. Вскоре малыш выбился из сил и безвольно опустил голову на грунт.

– Что будем делать? – спросил Коля Вохрушев.

– Надо его оставить в покое, – сказал Витя Заиграев, – начнется прилив и он уплывет к своей родне.

– Его могут найти собаки или медведь. Тогда ему не поздоровится. Его надо спасти – отнести к воде, – предложил Слава Бисеров.

Взять в руки нерпенка оказалось не просто. Он не оценил наши намерения и всячески сопротивлялся. Тогда Слава снял плащ, накинул на испуганного малыша и завернул его как куклу.

Оказавшись в воде, прирожденный пловец тут же нырнул и скрылся под водой. Недалеко от берега над поверхностью моря торчали головы любопытных нерп. Мы пожелали спасенному малышу счастливого плавания.

Норка

Поселок Лисица раскинулся по берегу одноименной реки на севере Томской области. Река протекает по живописной таежной местности и впадает в реку Кеть, которая в свою очередь впадает в Обь. В реке водится всевозможная рыба. Особенно много ельца,

который активно клюёт на удочку. Для всех ребят рыбалка – любимое времяпровождение на реке.

Лена Басина в свои десять лет считается опытным рыбаком. Так думает её любимая кошка Мурка, которая любит свежую рыбу, и всегда с нетерпением ждет возвращение хозяйки с реки.

У Лены на реке есть любимые места, на которых всегда хорошо клюет рыба. На этот раз выбрала место около кустов тальника, ветки которых свисали над водой. Она закидывала леску выше по течению. Стоило поплавку подплыть к кустам, он моментально исчезал под водой и на удочке оказывался серебристый елец. Девочка снимала с крючка добычу и бросала в траву недалеко от себя. Рядом на берегу лежала большая куча хвороста с мусором, вынесенном весной рекой при паводке.

Все внимание Лена было приковано к поплавку. На противоположном берегу реки куковала кукушка. «Интересно сколько раз успеет прокуковать кукушка до следующей поклевки», – подумала она. В это время боковым зрением заметила, что кто-то движется около пойманной рыбы. Повернув голову, увидела коричневого зверька похожего на крупного котенка, только с коротким хвостиком. Грудь около шеи зверька украшало белое пятно.

– Брысь! – произнесла Лена, – я не для тебя ловлю рыбу.

Норка схватила рыбешку и скрылась за кучей хвороста.

Через некоторое время норка вновь появилась около рыбы. Из-за кучи хвороста выглядывали головки четырех маленьких котят-норчат в ожидании матери с добычей.

– Бери рыбок, – произнесла Лена, – мне не жалко их для твоих деток.

Норка несколько раз прибегала за ельцами, пока каждого детеныша не обеспечила рыбкой.

Лебединая верность

Майское солнце заливало яркими лучами солонцы вокруг озера Беляниха с бедной растительностью, прошлогодние пожелтевшие камыши вдоль берегов озера и на многочисленных островах, разбросанных на широких плесах. Лед на озере недавно растаял, остатки снега сохранились лишь в густом осиновом колке, протянувшемся невдалеке от озера, да в густых камышах, препятствующих проникновению в них солнцу.

Начинался прилет водоплавающих птиц. Над озером пролетали табуны различных пород уток – они спешили к местам своих гнездовий. Неспеша, пролетали кряквы и серые утки, торопливо махали крыльями нырковые утки – гоголи и чернеть. Высоко в небе с гоготом шли клиньями табуны гусей, издавая трубное клокотание, проплывали белоснежные лебеди. В этих звуках слышалась радость прихода весны и поры любви.

За пролетом птиц наблюдал охотник, притаившийся на лодке в камышах. Он ожидал, когда к его чучелам, поставленным на воде вдоль мыса зарослей высоких камышей, подсядут утки. Пролетные табуны уток проходили высоко над плесом, не обращая внимания на его чучела. Местные утки, остановившиеся на Белянихе для вывода потомства, тоже не интересовались его чучелами. Селезни гонялись за своими избранницами, одинокие самки крякали в камышах, зазывая селезней. По озеру разносились мелодии весеннего утиного концерта, птицы радовались хорошей погоде, прилету на родину, возможности завести потомство и продолжить свой род. Они были счастливы.

Охотник не разделял их радости, ему хотелось увидеть селезня вблизи своих чучел, чтобы выстрелом превратить его в кусок мяса. Он заметил, что табун лебедей, снижаясь, делает полукруг над озером. «Наверное, хотят сесть на воду и отдохнуть перед дальней дорогой», – подумал он. Когда лебеди довольно высоко пролетали над ним, он поднялся на ноги в лодке, вскинул ружье и выстрелил. Один лебедь начал снижаться в камыши, затем его крыло надломилось, и он глухо ударился о воду. Табун красавцев лебедей взмыл под небеса и продолжил свой путь на север к местам своего гнездования – в безлюдный край полярного лета. Только один отделился от табуна и, летая высоко над озером, издавал тревожные печальные трубные звуки.

Охотник схватил в руки шест и, торопясь, начал проталкивать плоскодонную деревянную лодку сквозь густые заросли камыша к месту падения птицы. Лабза – плавающие островки из густо переплетенных корней камыша и водной растительности мешали быстрому продвижению лодки. Он торопился найти добычу.

Густые камыши, стоящие островами среди водоема, смягчили удар Лебедушки о воду. У нее было перебито крыло и от удара о воду болело все тело. Она слышала голос своего суженого. Это придало ей силы плыть от шума лодки, на которой пробивался через камыши охотник. Округа оглашалась лебединым плачем в небесах. Ей хотелось ответить своему возлюбленному, но она боялась выдать охотнику свое местонахождение. Когда шум лодки остался далеко позади, Лебедушка подала свой голос. Лебедь услышал его, но не полетел к ней, а протрубив протяжное «ганг-га, ганг-га», удалился от озера в сторону степи. Он боялся выстрелов, раздававшихся в разных концах озера. Только в сумерках Лебедь сел на воду и разыскал в камышах свою Лебедушку. Он подплывал к ней с высоко поднятой головой на длинной шее и поднятыми с изгибом над спиной крыльями, выражая свою любовь и преданность подруге.

2

В летние каникулы пятиклассник Сева из поселка Новопокровский Новосибирской области часто ездил с отцом на озеро Беляниху ловить рыбу. Сегодня они привезли на телеге, запряженной Буланкой, лодку, лошадь привязали около колка пастись, а сами проверяли накануне поставленные сети. Отец вынимал из сети пятиперстки крупных золотистых карасей и бросал на дно лодки. Оказавшись в необычной среде, караси разевали рты, глотали воздух, били хвостами по дну лодки, пытаясь плыть, но вместо движения вперед, подпрыгивали вверх. Севе стало жалко пойманных рыб, и он начал осматривать просторы большого озера. Там проходила своя жизнь. Над озером с криком летали чайки. Маленькие юркие крачки с черной головкой, молниеносно падали к воде и поднимались в воздух с мелкими рыбешками в клювах – гольянами. Озерные чайки величиной с ворону степенно парили над озером, поблескивая серыми крыльями и белыми туловищами в лучах летнего солнца. Они высматривали крупную добычу. Еще выше в небе парила скопа. Она без взмахов крыльев, используя потоки воздуха, делала над озером круг за кругом. Вот из камышей выплыла черная как уголь лысуха. Покачивая головой с белым клювом, проплыла несколько метров вдоль камыша и вновь заплыла в него. Провожая лысуху взглядом, Сева замер от удивления. Через редкий камыш он увидел на соседнем плесе огромных белых птиц. У одной на спине сидели серенькие птенцы. Он никогда не видел лебедей, но по картинкам, встречавшимся ему в книгах, сразу понял, что это за птицы.

– Папа, посмотри, за камышами плавают лебеди, – тихо произнес Сева.

– Не может быть, лебеди здесь никогда не водились, – ответил отец, вынимая из сети очередного карася. Затем посмотрел по направлению указанному сыном.

– Они впервые здесь загнездились, – удивился отец, – давай-ка сеть переставим в другой конец озера, чтобы их не тревожить.

– Папа, а чем лебеди питаются?

– В озере много мормыша, ряски и другой водной растительности. Это их обычный корм.

Шесть лебедят спрыгнули на воду со спины матери, и дружное семейство скрылось в редких камышах.

Рыбаки сняли сети и больше не рыбачили поблизости от лебединого выводка.

3

Осенью в центре озера среди многочисленных утиных стай плавал табун лебедей. Два выделялись крупными размерами и белизной оперения.

Лебедь обучал потомство летать. Он, хлопая крыльями по воде, поднимался на поверхность воды. Затем, шлепая лапами и крыльями по воде, делал разгон и тяжело поднимался в воздух. Вес лебедей достигает десяти килограммов. После нескольких взлетов, лебедята стали ему подражать и взлетать вместе с отцом. Тренировки продолжались ежедневно. По вечерам Лебедь со своим выводком

ходил кругами над огромным озером, готовя лебедят к продолжительному перелету на юг. Лебедушка всегда следила за их полетом. Ей хотелось подняться в воздух вместе с ними, но сломанное крыло удерживало ее на воде.

Начался осенний отлет перелетных птиц. Над озером все чаще высоко в холодном небе проходили на юг косяки гусей и табуны лебедей. Лебедь несколько раз поднимал в воздух выводок и устремлялся с ними за пролетающими лебедями. Отлетев от озера на значительное расстояние, он возвращался назад. Лебедята не хотели улетать без отца и возвращались вместе с ним. Лебедушка радостно встречала их, хотя понимала, что скоро они должны покинуть ее. Так продолжалось несколько раз.

Беляниху давно покинули утки, улетев в теплые края. Под напором северного ветра тревожно шумели камыши, в воздухе стали появляться снежинки, предвестницы холодов и приближения зимы. В осеннем небе появился запоздалый табун лебедей – кликунов. Отец поднял потомство в воздух и устремился за стаей. Догнав сородичей, пристроился со своим выводком в хвосте цепочки лебедей.

Лебедушка с грустью провожала свое семейство. Она желала им добра в дальней дороге и счастья в теплых краях.

Отлетев от озера на многие километры, когда молодежь вошла в темп ритма полета, Лебедь, отвернув в сторону, пропустил вперед себя молодых лебедей, а сам пристроился за ними. Убедившись, что стая приняла в свои ряды его потомство, начал постепенно отставать, а когда расстояние значительно увеличилось, повернул назад к своей суженой Лебедушке.

Встреча любящей семейной пары была радостной и трогательной. Они сплылись вплотную и коснулись друг другу длинными белыми шеями.

4

Наступил осенний сезон охоты на пушного зверя. Землю сковал мороз, озеро покрыл тонкий слой льда, по которому можно передвигаться только на лыжах. Охотник со связкой капканов и длинной палкой в руке шел вдоль зарослей камыша, разыскивая хатки ондатр. Между одной хаткой и высокой стеной камыша он увидел двух замерзших лебедей. Они сидели рядом, прижавшись, друг к другу. У одного лебедя не было половины одного крыла. Ему сразу же вспомнилась весенняя охота, табун лебедей парящих над озером, неверный выстрел второпях и подранок лебедь, падающий в камыши.

Охотник снял шапку, перекрестился, глядя на замерзших птиц, и тихо произнес: «Господи, прости меня грешного». У него появились слезы на глазах, и комок подкатил к горлу. Он раскаивался за злодейство бывшее свое.

Кроша

Отпуск семейство Рябининых проводило на берегу реки Уень. Палатки поставили на небольшой поляне около излучины реки. На изгибе реки

образовалась глубокая яма, в которой водились щуки, окуни и разная мелкая рыбешка. Вся местность вокруг поляны заросла трудно проходимыми тальниками, вдоль берега росли толстые ивы с косматыми вершинами. Местные жители называют эти деревья ветлами. За небольшой гривой среди зарослей камышей раскинулось озеро Елбаки, славившееся золотистыми карасями и линями.

Лето в тот год выдалось солнечным и жарким, дети Миша и Оля постоянно загорали, купались, плавали в долблённой лодке - обласке с дорожкой. Дорожкой называется снасть, состоящая из лески с привязанной блесной. Весной в Уень заходило множества щук для икромета на заливных болотах и кочкарников. Со спадом воды отметавшая икру рыба спускалась в Обь, в Уене оставались мелкие щуки - щурагайки. Обычно Миша разгонял лодку одним веслом, а Оля опускала в воду блесну и разматывала леску метров на десять от лодки. Соблазнившаяся легкой добычей щука хватала блесну, дергая Олю за руку. На реке раздавался крик: «Ой! Попалась!» По этому крику родители определяли о количестве пойманной рыбы.

Отец Радик выезжал на рыбалку рано утром, когда семейство еще спало. Он блеснил окуней. Веслом в одной руке удерживал лодку в нужном месте, второй непрерывно дергал коротким удилищем блесну, опущенную ко дну реки. Рыбы ловил столько – сколько надо для питания.

Эля, накормив детей и мужа, обычно укладывалась загорать с книгой в руках.

Время тянулось интересно, но однообразно, пока на стане не появился птенец сороки.

Как-то пообедав, вся семья отправилась купаться.

– Оля, почему не прибрала продукты и не вымыла посуду? – спросила мама.

.

– Быстро искупаюсь и все приберу, – ответила дочь.

Оля первой вышла из воды и увидела, что по столу ходит сорока. Столом для семьи служила целлофановая плёнка, растянутая на траве

– Скорее плывите к берегу! – закричала она, – у нас гость!

По столу бесцеремонно ходил птенец и клевал хлебные крошки.

– Гоните этого тунеядца, – сказал отец.

– Тебе, что жалко еды для птенца? – обрушилась на мужа Эля.

Птенец, увидев людей, бросился бежать, дети за ним.

У пойманного птенца оказалось повреждено крыло. Он отчаянно сопротивлялся неволе, клевал Мишину руку.

– Что с ним будем делать? – спросил Миша.

– Надо лечить, – ответил отец.

– Здесь нужен хирург, тебе приходилось делать птицам операции?

– Нет, не приходилось.

– Может, отвезем в поселок к ветеринару, – предложила Эля.

– Сами справимся. Несите две щепки и изоленту, – потребовал Радик.

Птенец вырывался из рук, клевал пальцы. Мише пришлось в одной руке держать его с прижатым здоровым крылом, второй рукой держать птицу за клюв. Когда на крыло была наложена шина, птенца поместили в большой садок из металлической сетки, предназначенный для хранения живой рыбы в воде.

За несколько дней птенец привык к людям, охотно клевал с ладони крошки хлеба и мальков. Когда крыло зажило, его выпустили на свободу. Он не замедлил скрыться в кустах.

– Как думаете, он вернется к нам? – спросила Оля.

– Думаю, мы его скоро увидим, – ответил отец. Он недавно выпал из гнезда и повредил крыло. Добывать пищу еще не умеет. Судя по его аппетиту, наше меню ему понравилось.

– А может он побывал в когтях хищника, – предположил Миша.

– Из когтей хищника ему вряд ли удалось бы вырваться.

Птенец постоянно появлялся вблизи лагеря, с удовольствием поедал оставленный ему корм, перестал бояться людей, клевал крошки хлеба с ладони.

В заботах о птенце жизнь в лагере стала интересней. Ему дали кличку Кроша, поскольку был птенцом - крошкой и любил клевать хлебные крошки. Он научился летать, подолгу пропадал, но всегда возвращался в лагерь к обеду и ужину, оповещая свое появление стрекотанием: кры-р-р, кры-р-р. Этот звук он произносил разными интонациями. Однажды друзей навестил приятель с собакой, Кроша уселся на палатку и громко, часто и тревожно начал оповещать об опасности. Во время обеда, сидя на краю стола, он стрекотал тихо, прося подачку.

Когда дети выплывали на лодке, Кроша сопровождал их. Полетав немного над водой, усаживался на нос лодки, что-то сообщал по поводу очередной рыбалки и начинал чистить клюв о планширь лодки.

Кроше очень понравилась перекладина на высоких кольях для сушки сети, он перестал улетать из лагеря на ночь, облюбовав ее для ночлега.

Приезжающий периодически в лагерь егерь Саша Афанасов немало удивлялся ручной сороке, которая по зову прилетала в лагерь, безбоязненно садилась на плечи и голову людям.

Закончился отпуск, настало время возвращения в Новосибирск. Родителям пора выходить на работу, детям готовиться к школе. Радовала предстоящая встреча с друзьями, одновременно было жалко покидать обжитое место. Они начали сворачивать лагерь и укладывать вещи в машину. Солнце высвечивало на земле пятна, оставшиеся от снятых палаток, тропинку к озеру, где была оборудована пристань для удобной швартовки лодки. «Все это скоро зарастет травой, – думал Радик, – и не останется следа от их пребывания». Эта мысль навевала грусть, которую усиливало поведение сороки.

Кроша летал над лагерем и беспокойно стрекотал, несколько раз садился Радику на плечо. Его тревожный крик можно было перевести так: «Зачем вы уезжаете, не покидайте меня, без вас я погибну».

– Что будем делать с Крошей? – спросил Радик.

– Возьмем его с собой домой! – закричали дети, – не бросать же на произвол судьбы преданного друга.

2

Кроша благополучно перенес поездку в клетке до Новосибирска на улицу Проектную, протянувшуюся вдоль речки Тулки. На противоположном берегу речки проходила санитарнозащитная зона, заросшая березами.

Радик хотел выпустить Крошу во дворе своего частного дома, но Эля возразила:

– Улетит, и мы больше его не увидим, пускай поживет несколько дней на веранде, привыкнет к новой обстановке, к людям.

Так и поступили. Первый день у Кроши не было времени тосковать по свободе. К Рябининым постоянно заходили соседи посмотреть на ручную сороку. Ему предлагали всевозможные яства. Радик, как цирковой артист, предлагал Кроше сесть ему на голову или плечо. Зрители выражали восторг, каждому хотелось, чтобы Кроша сел ему на плечо. На их похлопывания по плечу и команду: «Кроша ко мне», он не торопился выполнять просьбу незнакомых людей. Сорока потешно склоняла голову и смотрела на человека, оценивая, стоит ли его осчастливить своим визитом на его плечо. Затем взлетала на диван или на спинку стула.

На второй день Кроше надоело заточение, он стал биться в окна. Радик в сопровождении всей семьи вынес сороку во двор и посадил себе на плечо. Кроша отряхнулся, подпрыгнул и взлетел на крышу дома. Сидя на коньке, поворачивал голову в разные стороны, осматривал двор и окружающую застройку. Затем пролетел по кругу над домом и скрылся в неизвестном направлении.

В семье Рябининых начались споры – вернется Кроша к людям или улетел навсегда. Их беспокойства были напрасны – Кроша летал по окрестностям и всегда возвращался к людям, приютившим его. Он стал знаменитостью. Ребята со всей улицы, да и взрослые, часто приходили к Рябининым посмотреть на ручную сороку. Кроша с удовольствием демонстрировал свои способности, но незнакомых людей к себе не подпускал. Если кто-нибудь из ребят пытался его погладить, он взлетал на одну из берез, росших вдоль забора участка, и недовольным голосом произносил свое кры-р-р, кры-р-р.

Уход за Крошй взяла на себя Эля. Она его чаще всех кормила, на ночь закрывала на веранде. Там он облюбовал себе нашест на спинке стула. Кроша привязался к хозяйке и всегда сопровождал ее в магазин, расположенный на улице Ватутина. Бывало, идет она по улице, а он пролетит над ней вперед, усядется на дерево или крышу частного дома и ожидает, когда она пройдет мимо. Затем вновь делает такой перелет. Около магазина ожидал ее, сидя на дереве. Выйдя из магазина, Эля всегда его чем-нибудь угощала, и они возвращались домой. Она очень любила Крошу, хотя он доставлял ей много хлопот и неприятностей.

Кроша был очень вороватым. Когда она мыла во дворе у крана посуду, он всегда сидел в сторонке и наблюдал за блестящими ложками. Стоило ей отойти от стола с посудой, он моментально утаскивал ложку и где-нибудь прятал или садился на крышу дома и крутил головой с блестящим предметом.

– Кроша, лети ко мне, верни ложку, – уговаривала его Эля, – зачем она тебе, ты же при еде не пользуешься ложкой.

Он невозмутимо сидел на коньке дома и продолжал крутить головой, считая добычу своей собственностью. Эля шла в дом, приносила кусочек колбасы и клала его на виду у сороки. Заметив любимое кушанье, Кроша выпускал из клюва ложку и летел к колбасе. Ложка скатывалась по крутой металлической крыше дома и останавливалась на пологой участке веранды. Эле приходилось приносить лестницу и залазить на крышу веранды за ложкой.

Однажды он выбрал единственную серебряную чайную ложку среди нескольких мельхиоровых, утащил ее и где-то спрятал.

Вечером за ужином, рассказывая детям о пропаже ложки, Эля спросила:

– Как вы думаете, почему Кроша выбрал серебряную ложку?

– Потому, что умный, понимает, что серебро дороже, чем другой металл, – ответила Оля.

– Ничего он не понимает, просто серебряная ложка сильнее блестела на солнце, – возразил Миша.

– Сам ты ничего не понимаешь, – возмущалась Оля. Он все понимает, знает у кого хлеб из рук можно брать, а у кого нельзя, к кому на плечо можно садиться, а к кому нельзя.

Ложка нашлась только весной при перекопке огорода.

Однажды Эля сидела на веранде с соседками и мирно беседовала. В открытую дверь влетел Кроша и уселся на спинку свободного стула.

– Эля, – обратилась к ней соседка, – попроси сороку что-нибудь продемонстрировать.

Элла достала блестящую монету и бросила на пол. Кроша моментально спрыгнул со стула, схватил монету и начал метаться с ней по веранде, соображая, куда бы ее надежнее спрятать. Не найдя подходящего места, взлетел на диван и подсунул монету под Элю.

– Надо же! – удивилась соседка, – он вернул тебе монету, чтобы ты не разбрасывалась деньгами.

Кроша отошел на край дивана и, наклоняя голову из стороны в сторону, смотрел на место захоронения монеты. Видимо, решив, что монета спрятана ненадежно, подошел к хозяйке, вытащил из-под нее монету и слетел с дивана на пол. Походил с монетой в клюве по полу и подсунул монету под коврик у дверей. Вскоре он решил, что и новое место не отвечает требованиям хранения кладов, вынул монету из-под коврика и стал искать более надежное место. Проходя вдоль плинтуса, заметил щель у стены. Немного поразмыслив, опустил монету в щель, она мигом провалилась. Это его озадачило. Он пытался достать монету из-за плинтуса, но клюв не пролазил в узкую щель. После нескольких попыток

просунуть клюв в щель, он решил, что монета спрятана надежно и вылетел в открытую дверь.

– Как теперь ты сама будешь доставать монету? – спросила Элю соседка.

– Ты думаешь у меня это единственная потеря? Я часто мою посуду во дворе под краном. Стоит мне оставить на столе ложки, обязательно одной не досчитаюсь.

– Расскажи еще что-нибудь о его проделках?

– Как-то дочка соседей вышла во двор с блином. Откусила один раз и, держа блин на вытянутой руке, стала кричать: «Кроша! Кроша!» Он мгновенно спикировал с дерева и сел ей на руку. От неожиданности девочка испугалась и выпустила из руки блин. Кроша подхватил блин и полетел с ним на крышу дома. Вы бы только видели его полет. Блин больше Кроши, в средине дыра от откусанного кусочка девочкой. С большим трудом ему удалось долететь до тубы и на ней расположиться. Прижав блин лапой, Кроша отщипывал от него кусочки и наслаждался вкусной пищей. Мне пришлось извиниться перед Машей за недостойное поведение Кроши.

– Почему он у вас такой нахальный? – спросила Маша, – я сама хотела с ним поделиться.

– Обязательно проведу с ним беседу по правилам хорошего тона, – ответила я.

– Вы же учительница, давно надо было научить его не пугать людей.

– Приходи ко мне чаще, вместе займемся его воспитанием.

Перевоспитать Крошу не удалось. Он стал надолго отлучаться и не прилетал домой на ночь, а вскоре исчез на несколько дней. Семья Рябининых горевала, особенно дети Миша и Оля. Строили разные версии гибели сороки.

Однажды утром, выйдя на крыльцо, Эля увидела на березе двух сорок. Она смотрела на белобоких птиц с длинными черными хвостами и не могла определить, какая из них Кроша. В том, что одна из птиц Кроша сомнений не было. Эля побежала в дом, схватила кусок хлеба и вернулась на крыльцо. Бросая мелкие кусочки хлеба на землю, ласково звала: «Кроша, Кроша, Крошушка иди ко мне». Одна сорока смело подлетела к ней и торопливо клевала хлебные крошки. У Эли от радости появились слезы на глазах, а к горлу подкатил комок. Она стояла неподвижно, боясь спугнуть Крошу, и разговаривала с ним: «Мы думали, что ты погиб, а ты, оказывается, нашел себе подругу. Дай Бог тебе птичьего счастья».

С тех пор Рябинины больше не встречали Крошу. Соседи говорили, что видели иногда на березе в их дворе сороку, но был ли это Кроша точно утверждать нельзя.

Дружок

Алёна возвращалась из института в приподнятом радостном настроении. Она сдала на отлично последний экзамен летней

сессии. Яркое солнце нежно ласкало ее лицо и ей казалось, что оно радуется вместе с ней. Девушке хотелось обнять и расцеловать каждого прохожего и поделиться своей радостью.

На обочине дороги около тротуара сидел маленький щенок. Рядом проносился поток автомашин. Алёна присела около него и спросила: «Как ты сюда попал?» Щенок не мог ответить на её вопрос. Он внимательно смотрел на незнакомку большими темными глазами. «Кто тебя здесь бросил?» – задала еще вопрос девушка. Щенку понравился нежный сочувствующий ему голос, и он, вильнув коротким хвостиком, потопал к ее ногам.

Алёне стало жалко щенка, она взяла его на руки, поднялась и произнесла: «Пойдем со мной, будешь моим дружком».

Родители удивились, увидев дочь со щенком на руках. Они даже забыли спросить, какую получила оценку за экзамен. Первой заговорила мать:

– Ты где его взяла?

– Нашла.

– Может быть, он больной и его выбросили.

Алёна опустила щенка на пол, и он неуверенно пошлепал по комнате.

В разговор вмешался отец:

– По внешнему виду не похоже, что больной, вымоем с дегтярным мылом, и я сношу его в ветеринарную клинику.

– Какой он породы? – поинтересовалась Лидия Ефимовна.

– Скорее всего «дворянин» с примесью благородных кровей, – ответил муж.

У Приваловых появился новый член семьи по кличке Дружок. Лидия Ефимовна его кормила, муж регулярно выгуливал, а дочь только играла. На ночь Петр Силантьевич клал щенка спать на свою кровать в ноги.

На дачном участке Дружок ходил за Петром Силантьевичём как привязанный. Идет хозяин на рыбалку – Дружок с ним. Сядет рядом и наблюдает, как тот на удочку рыбу из реки вытаскивает. Стоит хозяину собраться за грибами, взяв в руки корзинки, он уже около него и ждет выхода в лес. В лесу бегает, резвится, но хозяев из вида никогда не выпускает. Домой всегда возвращались вместе.

Через год Дружок вырос в крупного рыжего пса, преданного и любящего хозяев. Он считал себя членом стаи, Петра Силантьевича

признал вожаком и считал своим долгом всегда находиться около него.

Соседи по даче стали выражать недовольства его беготнёй по их участкам. Петру Силантьевичу пришлось сделать вольер для своего любимца.

Сидит как-то Пётр на берегу реки и наблюдает за поплавком. Неожиданно что-то холодное и мокрое толкнуло его сзади в шею. Обернулся и увидел Дружка готового от радости облизать его лицо. Пришлось погладить и ответить взаимными чувствами радости видеть его рядом.

Вручая жене улов, Пётр спросил:

– Зачем ты выпустила Дружка из вольера?

– Я не выпускала. После твоёго ухода он долго скулил и метался по вольеру. Затем с разгону легко перепрыгнул ограждение и умчался, видимо, к тебе.

– Придётся увеличить высоту вольера.

Через неделю Дружок вновь прибежал к реке и разыскал хозяина. «Неужели ты смог перепрыгнуть двухметровую изгородь? – удивлялся Пётр Силантьевич. На даче выяснилось, что Дружок сделал подкоп и покинул своё заточение.

Прошло два года, Алёна вышла замуж и переехала от родителей к мужу, а через несколько месяцев скончался Пётр Силантьевич. Дружок тяжело переносил утрату. Он часами лежал на кровати хозяина и тихо скулил. Его поведение надрывало сердце Лидии Ефимовне. Она садилась на кровать рядом с ним, клала руку ему на голову и была готова завыть вместе с ним.

Жить без мужа на одну небольшую пенсию стало трудно, и Лидия Ефимовна устроилась работать уборщицей в жилищно-коммунальное управление.

В первый же день, оставшись в квартире один, Дружок устроил концерт. Соседка по квартире позвонила приятельнице и спросила:

– Лида, ты где?

– В соседнем доме, мою полы в лестничной клетке.

– Твой Дружок не дает покоя соседям.

– В чём дело?

– Он воет и царапает наружную дверь.

– Маша, дорогая, подойди к моей двери и поговори с ним. Он тебя знает, должен успокоиться.

Мария Федоровна вышла из квартиры на лестничную площадку, подошла к двери соседки и стала упрекать пса: «Дружок, как тебе не стыдно беспокоить соседей. Я всегда считала тебя умной взрослой собакой, а ты как маленький не можешь без хозяйки один дома посидеть».

Дружок притих, слушая знакомый голос. Мария Федоровна постояла около двери минут пять, и отправилась в свою квартиру. Как только она захлопнуть дверь, вой возобновился. Она вновь подошла к двери соседки уже со словами возмущения. Собака притихла. Стоило ей уйти от дверей – концерт в квартире соседки продолжался.

Лидия Ефимовна, вернулась с работы и застала приятельницу сидящей на стуле около двери своей квартиры, разговаривающей с Дружком. С тех пор она стала оставлять ключ от квартиры соседке. У Марии Федоровны не всегда было время оставаться сиделкой, и Лидия Ефимовна стала брать Дружка с собой. Она привязывала его на площадке между восьмым и девятым этажами и начинала мыть лестничную клетку с верхнего этажа, затем привязывала на этаж ниже. Собака спокойно сидела и наблюдала за работой хозяйки, не обращая внимания на проходящих жителей подъезда. Вымыть подъезд Лидия Ефимовна старалась до шести часов утра. Домой они возвращались вместе довольные друг другом.

Неожиданно Лидию Ефимовну вызвали к начальнику жилищно-коммунального хозяйства. Теряясь в догадках, с трепетом в душе она открыла дверь в кабинет начальника и остановилась у порога.

– Вызывали? – робко спросила она.

Полный мужчина с лысиной до затылка оторвал взгляд от просматриваемых бумаг, посмотрел на посетительницу и сообщил:

– На вас поступила жалоба.

– Я плохо делаю уборку?

– По работе у нас к вам претензий нет.

– Тогда в чем дело?

–Жители подъезда жалуются на то, что вы приходите на работу с собакой.

– Дайте лист бумаги, я напишу заявление на увольнение. Мне собаку дома не с кем оставлять.

– Нет, нет! Только не это. У нас не хватает работников по уборке подъездов. Мы переведем вас работать в соседний дом.

Возможно, и сегодня Лидия Ефимовна ходит на работу с Дружком.

Щенок и ворон

Среди тундры на сухой гриве рос единственный кедр – исполин. Его длинный ствол диаметром в несколько обхватов поддерживал развесистую крону. В нескольких сотнях метров от него за болотом раскинулся кедровый лес, в котором не было таких великанов, как этот кедр. Возможно, он был родоначальником этого лесного массива и сохранился единственный от росшей здесь сотни лет назад кедровой тайги.

Старый кедр облюбовал такой же старый ворон. Возможно, они были ровесниками из прошедших веков. Им было, что вспомнить из увиденного за свою долгую жизнь. Ворон каждый вечер прилетал к своему другу и ночевал на ветках в густой кроне. Кедр не раз укрывал своего приятеля от непогоды и кормил орехами.

Шли годы, менялись столетия, и вот в тундре появились нефтедобытчики. Они обустроили гриву под свой поселок. Установили вагончики для жилья, поставили столовую, а недалеко от кедра устроили помойку.

Старый ворон по-прежнему прилетал поздно вечером к кедру, ему не нравилось соседство непрошеных гостей, но он не мог изменить своей привычке и покинуть преданного друга. Вскоре ворон понял, что от соседства людей можно извлечь пользу. На помойке всегда можно найти достаточно корма, если не удалось его раздобыть в тайге.

В тени под кроной кедра облюбовал место щенок. Ворон знал, что на дереве любая собака птицу не достанет. Поэтому не обращал внимания на щенка, который ростом был меньше его.

На кедре созрели орехи, и ворон решил ими полакомиться. Он не мог, как кедровка, сидеть на тонкой ветке и шелушить шишку. У него был свой метод, отработанный за многие годы. Тяжелым крепким клювом ударял по шишке и сбивал ее на землю. Затем слетал к шишке и добывал из нее орехи. Так поступил и на этот раз. Резким ударом клюва оторвал шишку от ветки, которая полетела на землю и ударила дремавшего щенка. Тот взвизгнул от неожиданности и вскочил на ноги. Увидев катящуюся от него шишку, бросился за ней и, схватив ее в пасть, со злостью начал жевать. Кедровая смола прилипла у него во рту, и он выплюнул жеваную шишку.

Ворон с любопытством наблюдал за щенком. Ему не понравился соперник, который подобрал сбитую им шишку. Он сбил еще одну, щенок мгновенно бросился за ней, но в пасть брать не стал. Ворон продолжал сбивать шишки, а щенок бегать за ними. Наконец, ворону надоело дразнить щенка, и он полетел в тайгу, где можно без помех полакомиться орехами.

Как-то ворон увидел, что щенок грызет мясистую аппетитную косточку. Он слетел на землю и стал прыгать около щенка. Тот бросился на ворона, который

ловко увернулся и отлетел дальше. Щенок вернулся к косточке. Ворон вновь подлетел к нему и стал дразнить, издавая хриплые звуки. Щенок бросился на него, ворон отлетел метра на два и стал манить щенка за собой, тот вновь бросился за птицей. Так продолжалось до тех пор, пока щенок не отбежал от косточки на приличное расстояние. Ворон взлетел, пролетел над щенком, схватил косточку и уселся на дерево. Обескураженный щенок задрал вверх голову и стал тявкать на умную птицу.

Ворон не мог, сидя на ветке, держа в клюве косточку, ей воспользоваться. Он привык добычу клевать на земле. Сделав попытку прижать косточку лапой к ветке, уронил ее на землю. Щенок мигом подхватил косточку и начал обгладывать мясо. Ворон слетел с дерева и, притворившись раненым, стал манить щенка за собой. Эта сцена повторялась несколько раз, косточка переходила от одного владельца к другому.

Хозяин щенка наблюдал из окна вагончика и думал: «Ворон тренирует будущую охотничью собаку».

К осени щенок подрос, возмужал и поумнел. Как-то ворон увидел его, лежащего без признаков жизни. Каркал с дерева, чтобы разбудить и подразнить, но щенок не реагировал на все его попытки. «Может, он околел, – подумал ворон, – и пора собирать на пир своих сородичей». Чтобы убедиться в своем предположении, ворон слетел на землю и, каркая с приличного расстояния, постепенно приближался к жертве. Щенок не дрогнул ни одним мускулом, казался мертвым. Ворон с опаской приблизился к хвосту и клюнул в кончик. Реакции щенка не было. Осмелев, ворон подошел ближе. Щенок молниеносно вскочил и вцепился в бок противника. Ворон хлопнул по земле большими крыльями и взлетел в воздух, оставив в пасти щенка пук черных перьев.

Так щенок отомстил ворону за издевательства над собой в детстве.

Шилохвость

Прошло семьдесят лет. Я давно состарился, исчезли угодья, в которых охотился в юности. Моя память сохранила красоту исчезнувшей природы и случаи удачных и не удачных охот, которые часто тревожат душу.

Стоял мертвый сезон. Так охотники называют период осени, когда местные утки улетели на юг, а перелет северных уток ещё не начался. Я сидел на обласке в кусте тальника, который рос в воде рядом с берегом. Две ветки стянутые шнуром создавали верткой лодочке устойчивость. Место очень удобное – хороший обзор в обе стороны озера Каменного. Не зря его давно облюбовали охотники и соорудили скрадок, навесив на ветки куста сухой травы и камыша.

Мне уже надоело смотреть на деревянные чучела, поставленные правее скрадка, на листья лилий, покрывавших прибрежную полосу озера, на осеннее серое низкое небо, и я уже собрался выйти на берег, чтобы пройти с

ружьем вдоль мочажины, как раздался шум крыльев. Табун шилохвостей прошёл низко над водой мимо чучел и сел около берега в десяти метрах от меня. Через просветы в кусте четко виделось их оперение. Мой взгляд привлек крупный селезень, настороженно вытянувший шею. Видимо он был вожаком стаи. В скрадке не было бойницы в эту сторону. Выждав некоторое время, я стал осторожно просовывать ствол ижевки между веток. Утки поднялись и улетели. Сожалея о не состоявшемся выстреле, я провожал табун печальным взглядом. Шёл послевоенный голодный год. Мне нужна была добыча. Вспомнил как бабушка, провожая меня на охоту, перекрестила и сказала: «С Богом, дай Господи тебе удачи». «Почему же Бог не дал мне удачи», – сетовал я.

Утки сели в конце озера. Торопясь, развязал шнур, за ветки подтянулся к берегу и вылез в высокую осоку. Вдоль озера была натоптана тропа охотниками, промышляющими уток с подхода. Согнувшись в три погибели, спешил по тропе, повторяя про себя: «Только бы не улетели». Когда до конца озера оставалось метров пятьдесят, опустился на колени и пополз. Несколько раз через траву смотрел на озеро, но уток не видел. Когда тропа повернула от озера, встал на колени, держа ружьё на изготовке. Уток на воде не было. Меня охватила досада и разочарование.

Неожиданно из кустов свечкой поднялся шилохвостый. После выстрела, он упал на то же место, с которого взлетел. Радость охватила меня. Соскочив на ноги, побежал поднимать утку. В это время из кустов стали подниматься одна за другой утки. Они заплыли в ручей, впадающий в озеро. У меня ружьё было не заряженным.

Держа в руке увесистую добычу, представил, как обрадуется бабушка моей добыче и подумал, что Бог не причём, в моих промашках. В скрадке надо было дождаться, когда утки успокоятся, и только после этого шевелить ружьём. Прежде, чем бежать подбирать добычу, надо было перезарядить ружьё.

Первые охоты на зайцев

В школьные годы я всегда завидовал сельским ребятам-охотникам. У них охотничьи угодья начинались сразу за деревней, а чаще всего за собственным огородом. Нам, городским ребятам, приходилось с рюкзаком, ружьем и лыжами на городском транспорте добираться до вокзала, затем на электричке до какого-нибудь полустанка, а потом пешком до места охоты. Каждое воскресенье мы ездили на электричках в разные направления, изучая местность и охотничью фауну. В послевоенные годы зайцы водились повсеместно. Не имея опыта охоты, мы не каждый раз возвращались с добычей. Чаще всего мы ехали в южном направлении от Новосибирска до остановки – Четвертый разъезд. Около платформы стояли два деревянных барака, в которых проживал стрелочник и путевые рабочие. Недалеко раскинулся широкий лог. На его склонах росли березы и всевозможные

кустарники, внизу протекал ручей, впадающий в реку Бердь. По обе стороны раскинулись колхозные поля с множеством березовых колков. Вот вдоль этого ручья мы и охотились, уходя от железной дороги на десять – пятнадцать километров, не боясь заблудиться.

С тех пор прошло больше полвека. У меня было много удачных и неудачных охот. Большинство из них давно забылись, а вот три случая из первых охот помню до мельчайших подробностей.

След беляка привел меня к поваленной березе с широкой ветвистой кроной. Остановившись, стал размышлять: «Залег заяц или, проскочив под кроной, ушел дальше. Ветви мешали увидеть угонный след. Тогда я поднялся по склону метров на десять от березы, чтобы был хороший обзор для выстрела, и громко крикнул. Сжимая в руках ружье, приготовился к выстрелу. Эхо покатилось вниз по логу. Заяц из-под березы не выскочил. «Значит, ушел дальше», – подумал я. Обойдя березу, остановился у вершины, рассматривая снег. Выходного следа не было. Оглянулся назад и увидел скачущего во всю прыть от березы зайца. Густая крона березы не позволила сделать выстрел.

Второй случай был более забавный. Заяц с жировки около лога направился через поле к видневшему вдали березовому колку. Среди поля свернул к одиноко стоящей небольшой березке. Подойдя к деревцу, я увидел наметённый сугроб, в который уходила нора. «Ага, попался дружочек», – подумал я. Взял ружье наизготовку и крикнул: «Выходи, хватит спать». Кричал и шумел довольно долго, но заяц не хотел вылизать. Тогда я воткнул ружье прикладом в снег, снял лыжи и одой лыжей как лопатой стал раскапывать нору. Прокопал метра два борозду, но зайца не нашел. Неожиданно впереди в трех метрах от меня взметнулся фонтан снега. Я вздрогнул от испуга. Из сугроба вылетел крупный русак и помчался по полю. На фоне белого снега серая спина зайца быстро превратилась в темную точку. Стоя в оцепенении, я не сделал попытки схватить в руки ружье. Третий случай охоты был удачным, добыл первого зайца при комических обстоятельствах.

Охотники спортивного общества «Спартак» организовали коллективный выезд на зимнюю охоту в Кудряшовский бор. Я в то время учился в восьмом классе и с нетерпением ждал дня выезда. В послевоенные годы дороги в Кудряшовский бор не было. Добирались до него летом водным транспортом, а зимой пешком по льду Оби. Мы на трамвае доехали до конечной остановки около Заельцовского бора, на лыжах прошли несколько километров вниз вдоль Оби, пересекли реку, по знакомой просеке прошли через Кудряшовский бор и оказались на рыболовно-охотничьей базе.

Между бором и озером Кривым на десятки километров тянулась согра шириной метров триста. В ней водились зайцы, косули, нередко заходили на кормежку лоси. Здесь нам предстояло охотиться на зайцев.

Председатель охотколлектива Аркадий Степанович Хорошков разделил охотников на две бригады по пять человек, за каждым подростком закрепил наставника. Моим наставником оказался Осипов, охотник среднего возраста,

сухопарый, очень подвижный, с маленькими усиками. К сожаления, я забыл его имя. Бросили жребий: какой бригаде первой стоять на номерах и двинулись вдоль бора. По дороге Осипов инструктировал меня: на номере надо стоять тихо, не кашлять, не шевелиться, не отвлекаться, не дай Бог, чтобы скрипнул снег у тебя под ногой. . .

Вот мы стоим с ним на небольшой поляне среди зарослей тальника. Через поляну зайцы натоптали тропы, по которым им удобно бегать в холодные зимние ночи. Вдали слышен треск кустов и разговор загонщиков, пробирающихся сквозь заросли. Я сжимал в руках одноствольное ружье ижевского завода и думал: «Хоть бы заяц выскочил на меня». Загонщики приближались все ближе и ближе, левее от меня за кустами раздался выстрел. Когда один из загонщиков приблизился на несколько десятков метров, на кромку поляны, против нас, выскочил заяц, сел на задние лапы спиной к нам и стал прислушиваться к надвигающемуся шуму. Я успел заметить, как шевелятся черные кончики его ушей на фоне белого снега. Долго не думая, прицелился и выстрелил. Это был мой первый выстрел по зайцу и первая добыча. Необычайная радость охватила меня. В голове мелькнула мысль: «Почему Осипов не выстрелил первым». Повернулся к нему и увидел его застегивающим ширинку на брюках, ружье стояло рядом воткнутым прикладом в снег. Когда подошли загонщики, он рассказал им, при каких обстоятельствах я добыл зайца. Охотники от души смеялись над ним и поздравляли меня.

Хитрец

С Алексеем Ивановичем Дуровым я познакомился на озере Чаны. Он приехал на утиную охоту с моим однокурсником по институту Максимом Кудрявцевым. Мы остановились в домике гостеприимных ихтиологов, хозяйство которых раскинулось на длинной косе между огромными плесами. Они изучали разведение пеляди в этом водоеме, а мы охотились на уток. Алексей Иванович оказался эрудированным человеком и приятным собеседником. Мы сразу почувствовали духовное родство, общность интересов и охотничьих помыслов. Из разговоров я узнал, что он заядлый гончатник, его собаки неоднократно становились победителями выставок и состязаний. Уезжали с охоты мы уже друзьями, и он пригласил меня на охоту с его гончей собакой. С детства я любил охоту на зайцев. Тропил в одиночку, с товарищами, принимал участие в загонных охотах, но вот с гончей собакой охотиться не доводилось.

С трепетом я ждал открытия зимнего сезона охоты, несколько раз звонил Алексею Ивановичу. В его голосе звучало сожаление, что в Сибири открывают охоту позже, чем в европейской части страны, не каждый год удается поохотиться с гончими по чернотропу. Что такое чернотроп я не знал, но догадался.

На охоту мы поехали в первых числах ноября. Путь лежал по Гусинобродскому тракту. На заднем сидении Нивы сидела русская гончая Дымка. За лето, сидя в вольере, она изрядно пополнела. Истомившаяся по охоте, смотрела в окно, временами поскуливала, и периодически клала голову на плечо хозяина. Он гладил ее и ласково с ней разговаривал: «Я тоже соскучился по охоте, потерпи немного, скоро приедем».

Нас окружала живописная местность с полями, березовыми перелесками и логами. Накануне выпал снег, прикрыв белоснежной скатертью землю окружающей местности. Отъехав тридцать километров от Новосибирска, Алексей Иванович предложил свернуть на полевую дорогу, которая тянулась по скошенному полю. Из-под снега торчала стерня, шурша под колесами тихо двигающейся машины. Мы ехали около колка, тянувшегося вдоль автомобильной трассы, пересекли поле и остановились на кромке глубокого и широкого лога, по которому протекал ручей. Вдоль ручья темнели кусты тальника, на склонах лога росли редкие березы, встречались заросли кустарников и сухой травы, преимущественно полыни и крапивы. Местность отличалась особенной красотой и привлекательностью. Этот уголок природы был идеальным местом для охоты.

– Я всегда начинаю осеннюю охоту в этих угодьях, – произнес Алексей Иванович.

– Мы проехали около километра по полю и не встретили ни одной жировки, – засомневался я в выбранном месте охоты.

– После первого снега следы зайчишки увидишь, если его поднимешь.

– Давай проедим вдоль лога, если встретим следы зайчишки, тогда и пустим Дымку.

– Езжай потихоньку согласился он.

Мы проехали несколько километров в северо-восточном направлении. Иногда приходилось объезжать по полю ложбины, спускающиеся в лог. На снежном покрове не было видно ни одного отпечатка звериных лап. Вскоре лог повернул вправо, в сторону автомобильной трассы. Внизу блестел лед небольшого пруда, и виднелась плотина, перегораживающая ручей. Еще дальше на противоположном берегу ручья стояло несколько заброшенных домиков бывшего поселка Мостового. Замкнув круг, остановились около березового колка, и вышли из машины. Дымка осталась в машине, топталась на заднем сидении и скулила, просясь, чтобы ее выпустили.

Я с интересом всматривался в колок, надеясь увидеть следы. Солнце уже поднялось над горизонтом, ослепительная белизна снега выжимала слезы из глаз. Заячьих следов не увидел. В лесу торчали пни от спиленных когда-то берез на дрова жителями поселка Мостовой, вдали лежали сваленные деревья. Меня смущало отсутствие следов, и я предложил:

– Может, переедим в другое место, здесь не видно следов зайцев.

– После первого снега увидишь только тогда, когда взбудишь зайчишку, – спокойно ответил Алексей Иванович, вынимая из чехла ружье.

Собрав и зарядив ружье, он попросил меня выпустить Дымку из машины. Я открыл дверцу. Она не стала ждать приглашения, выскочила на снег и легкой рысью направилась в лес.

– Полаз, – крикнул ей вслед хозяин, но она не ускорила бега.

Немного постояв, Дуров сказал:

– Я перейду на противоположную кромку колка, и начнем порскать.

Мне не было знакомо значения этого слова, но я не стал его спрашивать, подумав, что скоро узнаю.

Алексей Иванович поднял сучек и с силой ударил им по стволу березы.

– Что вы делаете? – удивился я.

– Надо помочь Дымке поднять зайца.

В лесу стояла тишина. Белоствольные березы, казалось, заснули, не дрогнув ни одной веточкой. Мягкий пушистый снег не издавал шума под ногами, на его поверхности не было даже признаков наличия в колке зверя. Идти было легко, слабый морозец бодрил и придавал силы. «Вряд ли мы здесь поднимем зайца», – думал я.

Вскоре раздался голос Алексея Ивановича: «Ах, буди, буди его!».

Продвигаясь вдоль колка по разным кромкам мы кричали каждый на свой манер. Лес ожил от наших криков. По нему неслись протяжные крики Дурова: «Ах, поднимай, поднимай его!». Я кричал: «Подъем, подъем косой!». Дымка мелькала впереди, обследуя каждый куст и пень. Несколько раз при неожиданном появлении ее из кустов, я вздрагивал, приняв ее за лису. Ее багряный окрас очень напоминал лисий.

Неожиданно впереди раздался голос гончей. Я увидел за поваленной березой убегающую по прямой линии Дымку. Подойдя к березе, мы обнаружили лежку и следы убегающего зайца. Зверек сделал несколько коротких прыжков, присел на снег и помчался через поле огромными прыжками. Рядом шли следы собаки. Заяц и собака пересекли поле и скрылись в логу, по кромке которого мы проехали на машине.

– Иди по следу, – сказал Алексей Иванович, – может понадобится помочь Дымке, а я посижу на березе.

Перебежав поле шириной больше километра, я услышал гон далеко на противоположном склоне лога. Мое сердце колотилось от быстрой ходьбы и волнения. Прижавшись к стволу березы, немного отдохнул и решил, что бежать в гору по следу нет смысла. Спустился в лог до средины склона, встал у березы против кустов тальника, росших по берегу ручья и стал вслушиваться в гон. Мне прекрасно были видны следы зайца и собаки, прошедшие через эти кусты. Неожиданно голос гончей смолк. «Неужели потеряла след», – подумал я. Мне очень хотелось добыть первого в жизни зайца из-под собаки. Мои размышления прервал беляк, спокойно скакавший по противоположному склону лога. Он спустился вниз, перепрыгнул ручей в не досягаемости выстрела и помчался вниз по ручью.

Я не знал, что мне делать: идти по следу зайца или пойти к гончей и поставить ее на след. У меня появились сомнения в успешной охоте с гончей. Но вот послышался долгожданный звук – гончая отдала голос. Вскоре

появилась Дымка, она с голосом шла по следу. Мое настроение улучшилось. Подождав некоторое время с надеждой, что заяц, сделав небольшой круг, вернется ко мне, но гон уходил все дальше и дальше по логу. Мне ничего не оставалось делать, как последовать по следу. Метров через двести я увидел след зайца, поднятого с лежки гоном. «Значит, здесь живет не один заяц», – подумал я.

Беляк сделал полукруг по логу и направился в колок, в котором был поднят. Вскоре раздался одиночный выстрел Алексея Ивановича. Эхо гулко покатилось в морозном воздухе, наполняя радостью мое сердце. Я поспешил напрямую к своему приятелю. Его застал у березы, из-под которой подняли зайца. Дымка лежала рядом и жевала пазанки передних лап зверька.

Алексей Иванович перерезал охотничьим ножом перегородку между ноздрями зайца, приподнял его за задние лапы и спустил кровь. Затем взял одной рукой за уши, а второй надавил на низ брюшка, выжав мочу. После этих процедур, которые для меня были открытием, протянул мне зайца и произнес:

– Поздравляю с полем!

Тарантул

Над Кулундинской степью стояло знойное лето. На безоблачном небе ярко пылало солнце. Люди спасались от жары около водоёмом.

Наша семья и семейством Рябышевых отдыхали на берегу озера Сумы. Жили в палатках. Мужчины рыбачили, женщины готовили еду на костре, дети загорали и купались.

Ветер не тревожил гладь озера. Листья камыша и осоки на его берегах понуро поникли. Всё в природе затихло и замерло. Только на плёсе плавали выводки уток, а в воздухе кружили чайки.

Дима заметил около палатки норку диаметром около пяти сантиметров и позвал Олега Рябышева.

– Кто живет в норе? – спросил у приятеля.

– Надо выяснить.

– Как ты выяснишь?

– Неси ведро с водой.

Олег вылил полведра воды, прежде чем из норы выскочил огромный черный паук. Он бросился наутек от возмутителей покоя. Его тело покрывали круглые черные пупырышки. Дима преградил дорогу беглецу прутом, чтобы лучше его рассмотреть. Паук проскочил под прутом, задев его спиной. С него стали соскакивать крохотные паучки. Их было несколько десятков.

Ребята не знали, что это ядовитый паук тарантул. Они с недоумением смотрели на разбегающееся семейство.

Укус тарантула для человека не смертелен, но очень болезненный. Он сравним с укусом шершня.

Тарантулы обитают в засушливых степных и пустынных районах. Днём укрываются в норах, ночью выбираются на поверхность охотиться на насекомых. Они не плетут ловчих сетей, паутину используют для покрытия стен норки и строительства яйцевого кокона. Самка откладывает яйца и оплетает их паутиной. Яйцевой кокон до вылупления молоди носит на паутинных бородавках. Молодые особи после выхода из яиц некоторое время остаются на брюшке матери.

Крачка

Над степью поднималось солнце, обогревая землю от ночной прохлады. Озеро оживало от ночного сна. В прибрежных камышах слышалась возня лысух. Они периодически выплывали на чистую воду и вновь исчезали в зарослях камыша. Утренняя роса на листьях камышах сверкала каплями бирюзы. Мы спешили на шпоновой лодке к ловушкам. Вёсла дружно всплёскивали воду, нарушая утренний покой. Вода плотная и вязкая не давала лодке разогнаться. Спешить следовало, чтобы мормыш не успел съесть веники в ловушках, опущенных в воду и подвешенных на жердях, воткнутых в илистое дно озера.

Объезжая ловушки, я сачком поддевал в воде веник и вынимал в лодку. Стряхнув добычу, ловушку опускал в воду. Среди мормыша в лодке оказывались мелкие рыбёшки – гольяны. Я собрал их и бросил в озеро. Многие, оказавшись в родной стихии, моментально нырнули и ушли ко дну. Некоторые оставались на поверхности воды. Это моментально заметили небольшие с чёрной головкой чайки-крачки. Они с писком носились около лодки и собирали рыбешку. За месяц нашего отдыха чайки привыкли к нам. Завидев лодку, подлетали и кружились над нами, ожидая гостинцы.

Чайки всегда сопровождали лодку до стана. Там при выгрузке мормыша всегда встречалась мелкая рыбёшка. Я собирал её и бросал в воду. Одна чайка успевала подхватывать рыбку на лету. Она оказалась самой проворной и доверчивой. Летала в нескольких метрах над головой. Бросая рыбу над головой, я свистел. Вскоре крачка поняла, что на свист надо лететь ко мне. Стоило мне засвистеть, находясь в лодке или на берегу, она тут же подлетала ко мне. Я никогда не обманывал её ожидания, всегда бросал ей рыбку.

Перед отъездом я наловил гольянов и свистнул своей приятельнице. Она мигом подлетела ко мне, а следом за ней и другие чайки.

Покидал стан с чувством печали расставания с полюбившейся мне крачкой и надежды на встречу в следующем году.

Кабарга

Санаторий «Байкал» расположился на склоне горы против истока Ангары, единственной реки, вытекающей из озера. С балкона нашего номера был виден Шайтан камень, стоящий в воде при вытекании реки из озера. Вода с шумом проносилась вокруг него, создавая буруны. Глубина воды в этом месте, видимо, была приличной. Около камня периодически проходили суда в оба направления. Мой однокашник Лёва Баев ходил капитаном на буксире. Проходя мимо санатория, подавал сигнал. Мы с женой Наташей выскакивали на Балкон и приветствовали его маханием рук.

Всё свободное время я проводил в походах по горам. Ходил по падям вдоль ручьёв по неизвестно кем натоптанным тропам. Меня окружал хвойный лес, среди которого встречались кедры. К сожалению, кедровые шишки еще не созрели. А ват подстилка леса состояла из зарослей брусничника и черничника. За моими плечами висел рюкзак с прямоугольным ведром и едой на день. Мне хотелось добраться до перевала, посмотреть панораму гор за Байкалом. Местные жители говорили, что там сохранились бараки золотоискателей. «Может мне удастся увидеть золотую песчинку на дне ручья», – думал я, вглядываясь в дно ручья, вдоль которого шёл. К этим мыслям меня побуждали встречающиеся по пути старые шурфы.

Неожиданно среди шума бурлящего ручья послышался слабый плачь. Я остановился и прислушался. В какой-то момент мне показалось, что ребёнок зовет маму. Подбежав к ручью, снял кеды, засучил брюки и ступил в воду. Ледяная вода обожгла ноги, скользкие обточенные голыши не давали быстро идти. Как ошпаренный, выскочил на противоположный берег. Ноги сводила судорога. Прислушался и осмотрелся. В стороне стояла маленькая козочка и смотрела на меня. Обычно кабарга очень пугливое животное, а эта не хотела убегать. Мне казалось, что мы стояли очень долго, прежде, чем она произнесла звук, напоминающий что-то среднее между «Ма» и «Мя». Я направился к ней и увидел глубокий шурф, в котором лежал козлёнок. «Как мне тебя спасти? – думал я, – если спрыгнуть в шурф, могу сам не выбраться».

Снял с плеч рюкзак, сшитый по военному образцу, развязал узел лямки, вынул ведро и отрезал перочинным ножом один конец лямки. Этот конец привязал к корню куста, росшему около шурфа. Прыгать в шурф не ста, чтобы не попасть на козлёнка, а спустился по лямке рюкзака. Обессиленный козлёнок не сопротивлялся. Дал возможность вытолкнуть его на кромку шурфа.

Когда я поднялся на поверхность, счастливое семейство уже скрылось в лесу.

Фёдор

После продолжительной полярной ночи, солнце, наконец, выкатилось над тундрой. Несколько дней оно только выглядывала из-за горизонта, улыбалось всему живому на земле и исчезало за горизонтом.

Борис Сергеевич подошёл к окну и стал разглядывать местность. Она была знакома, но всё-таки не такой, какой запомнил осенью. Дома поселка Усть-Куйга скрывали сугробы снега, из труб вертикально струился дым. На реке Яне среди

белого снега блестели кучи мелко наколотого льда. Рядом стояли воткнутые пешни. Это местные рыбаки всю зиму ставят сети.

Сигнал рации заставил его отойти от окна и переключить тумблер. Начался сеанс радиосвязи. Закончив работу, Борис Сергеевич надел меховую куртку, покрытую чёрным брезентом, пыжиковую шапку и отправился домой. Идти недалеко: квартира Козловых располагалась во второй половине здания радиостанции. Он остановился на высоком крыльце и еще раз окинул взглядом местность. Перед ним предстала не веселая картина: маленький посёлок, река и бесконечная тундра. Радиостанция стояла на возвышенном берегу реки рядом с поселком. На улице уже стоял полумрак.

Когда он открыл дверь квартиры, в комнату ворвался белый клубок холодного воздуха. Быстро захлопнуть дверь не дала лайка Люся, устремившаяся на улицу. Дома его встретила жена и дочь Марина.

Люсю в зимние холода держали в квартире, с наступлением тепла привязывали на цепь около дома. До позднего вечера она не вернулась домой. Внимание Марины было приковано к двери. Она ждала царапание лап о дверь любимой собаки, ночью плохо спала, часто просыпалась и прислушивалась.

Утром отец и дочь обошли поселок, никто из жителей не видел их собаку. Кто-то предположил, что её могли съесть волки. Борис Сергеевич очью слышал волчий вой в тундре. Для семьи начались тягостные дни. Люся была для них членом семьи.

Весна в заполярье наступила в июне. Яркое северное солнце круглосуточно сияло на небосводе. Ещё не успела освободиться ото льда Яна, не растаял полностью снег в тундре, а уже летели на родину табуны перелетных птиц. На каждой проталине можно было видеть разноцветных куличков – турухтанов. Около озёр ходили гуси и казарки.

В один из теплых дней около поселка послышался волчий вой. Борис Сергеевич и Марина вышли на крыльцо. Метрах в тридцати от них стояла Люся со щенком в зубах. Вдали виднелось несколько волков.

– Люся, ко мне! – закричал Борис Сергеевич.

Она повиляла хвостом и продолжала стоять на месте. Марина бросилась к ней. Отец остановил её, взяв за руку, и снова закричал:

Люся, ко мне!

Собака повиляла хвостом, положила щенка на землю и подтолкнула носом к людям. Ему не было месяца, он ещё не мог бегать. В стае раздался протяжный вой одного волка. Из соседних домов выбегали мужчины с ружьями в руках.

– Не стреляйте! – во всё горло закричал Борис Сергеевич, – это Люся.

Она ещё раз повиляла хвостом людям и прыжками унеслась к стае.

Марина взяла в руки пушистый комочек. Он дрожал и смотрел на неё удивлённо-испуганными глазами.

– Как мы его назовём?

– Федей.

– Почему Федей.

– У моёго приятеля по школе был такой же взгляд.

– Пускай будет Федей, – согласилась Марина.

Первое время Фёдор доставлял много хлопот. Он часто оправлялся в квартире после выгула. Мама ворчала на дочь:

– Завела собаку – следи за чистотой.

– Я не заводила, нам всем её подарила Люся.

Щенок быстро рос, его держали на привязи около Люсиной будки. Скоро ростом стал превосходить деревенских собак. Толстая шея и пушистая грива выдавали в нём волка. Он научился снимать ошейник и уходить по ночам гулять. После прогулок возвращался сытым и отказывался от еды. Однажды утром мама Марины – Марианна Станиславовна обнаружила задавленную курицу. Фёдор подбежал к ней и завилял хвостом. Вместо похвалы услышал от хозяйки ругань.

– Как тебе не стыдно давить чужих кур! У нас будут неприятности с соседями.

Фёдор поджал хвост и отошел в сторону.

Через несколько дней на крыльце вновь лежала курица. Рядом стоял довольный Фёдор. Марина Станиславовна обрушила на собаку всё своё красноречие, пнула ногой несушку и ушла в дом.

Понял ли Фёдор причину недовольства хозяйки – неизвестно. Через несколько дней на крыльце лежал дикий гусь. В период линьки поймать гуся собаке труда не составляет.

Курица и студентка

Вера Васильевна вышла из дома во двор накормить кур. Её окружили несушки, петух козырем ходил вокруг них, приглашая к завтраку. Одной курицы не хватало. Хозяйка взглядом обвела двор и ужаснулась. Её любимая хохлатка висела на заборе наткнутая зобом на острую штакетину.

– Господи! – закричала Вера Васильевна, – кто же это натворил?

На её крик выскочили из дома сын Сергей и невестка Валентина.

– Мама, что случилось? – спросил сын.

– Ты посмотри, что случилось с нашей хохлаткой.

Сергей подошел к забору, снял курицу и констатировал:

– Она ещё теплая.

– Отнеси её в огород и закопай.

– Зачем закапывать? Сейчас ощиплю, и сварим суп, – предложил Сергей.

– Я дохлятину есть не буду, – твёрдо заявила мать.

– Мне тоже дохлая курица противна, – поддержала её невестка Валентина.

С крыльца раздался голос сестры Сергея Вали:

– А я буду, есть – студенты все едят.

Она училась в ветеринарном техникуме в городе Камень на Оби и приехала домой на каникулы.

– Вы мне только скажите, как она оказалась повешенной на забор?

Сергей пояснил сестре:

– Куры живут на чердаке сарая. Они спокойно слетают с небольшой высоты во двор, а эта решила перелететь через забор к соседям, а сил не хватило.

Когда суп был готов, по кухне разносился аппетитный аромат куриного бульона. Брат с сестрой дули на ложки горячего супа и наслаждались едой. Глядя на них, Валентина присоединилась к трапезе. Вера Васильевна ушла из кухни, чтобы не видеть, как поедают её любимую курицу.

Охотхозяйство Ирмень

Жители новосибирского Академгородка, отдыхающие на пляже Обского моря, заметили приближающего к берегу пловца. Когда он приблизился на расстояние хорошей видимости, им оказалось животное.

– Кто это плывет? – спросила девушка своего парня.

– Похоже, что крокодил, – пошутил молодой человек.

– Не выдумывай, в Сибири крокодилы не водятся.

Животное приблизилось к берегу и, почувствовав под ногами твердое дно, остановилось. Им оказался молодой лось. Он боялся выйти на берег, заполненный отдыхающими, а плыть обратно через водохранилище не было сил.

– Зачем он приплыл сюда? – спросила девушка.

– Наверное, чтобы мы могли им полюбоваться.

– Тебе вечно шуточки. Он сильно переутомился, переплывая море?

– Спросишь у него, когда выйдет на берег.

– На берег, наверное, он выйдет ночью, когда разойдутся отдыхающие.

– Для него это не безопасно. За береговой полосой проходит сильно нагруженная автотрасса. Он может попасть под машину.

– Что его заставило отправиться в плавание? – допытывалась девушка.

– Его кто-то преследовал, и он вынужден был спасаться вплавь.

– Неужели волки?

– Волков здесь нет.

– Кто же тогда?

– Скорее всего, люди или стая бродячих собак.

– Как ему помочь?

– Надо звонить в МЧС.

Через час после звонка молодых людей, к ним подъехал охотовед Новосибирского района Путинцев Сергей Дмитриевич со своими сотрудниками. Он оценил обстановку, затем позвонил охотоведу охотхозяйства Ирмень Сергею Болтову и спросил:

– Вашему воспроизводственному участку копытных животных нужна молодая лосиха?

– Нужна!

– Тогда приезжайте на пляж Академгородка.

Сергей Сергеевич с ветеринаром и зоотехником на машине с прицепом примчался к месту события.

Молодая лосиха выстрелом шприцом была обездвижена и доставлена в Ирменьские охотугодья.

Узнав об этом случае, я загорелся желанием посетить охотхозяйство Ирмень.

И вот мы со старейшим охотоведом Новосибирской области Виктором Александровичем Игнатьев мчимся на машине по трассе Новосибирск – Камень на Оби. В семидесяти километрах от Новосибирска на свертке в поселок Ирмень нас встретил Сергей Сергеевич Болтов.

После встречи с руководителем агрофирмы Ирмень Юрием Федоровичем Бугаковым и знакомством с производством, мы поехали в охотугодья, раскинувшиеся на двадцати семи тысячах гектаров земель ЗАО «Племзавод Ирмень». Достопримечательностью охотхозяйства является участок по воспроизводству копытных животных.

Мы въехали на холмистый участок местности, огороженный забором из сетки. На нашем пути встречались пруды, на которых плавал выводок лебедей и несколько крякв с утятами, селезни, сбившись в табун, строем поплыли от берега, услышав шум техники. Сергей Сергеевич пояснил, что перелетные птицы остаются здесь на зимовку. В прудах разводят карпов, белого амура и толстолобиков. Зимой в прудах ведется аэрация воды и птицам достаточно участков незамерзающей воды. На пути среди лиственного леса встречались солонцы, и кормушки для зимнего подкорма зверей.

На одной из полян пасся табун маралов. Крупный красавец самец поднял голову с ветвистыми рогами и взглядом сопровождал нас. На соседней поляне паслись пятнистые олени. Несколько раз через заросли кустарников мы видели сибирских косуль. Попытки подойти к ним и сфотографировать успеха не имели. Они молниеносно исчезали в зарослях.

Увидеть кабанов нам не удалось. В жаркий день они забились в крепи. Спасенная лосиха паслась на отгороженной для нее территории. Мы проехали мимо, наблюдая за ней издали.

Объезжая участок по кругу, на обратном пути встретили стадо коров породы герефорд, которые круглогодично живут в полевых условиях. У этой породы скота ценится сочное мраморное мясо. Агрофирма планирует заняться разведением коров этой породы.

На следующей поляне встретили табун неприхотливых алтайских лошадей, которые способны переносить любые сибирские морозы.

Покидая Ирменьское охотхозяйство, мы увозили массу незабываемых впечатлений, с чувством, что посетили парк сибирской фауны.

Подводная охота

Река Или при впадении в озеро Балхаш образует широкую дельту с многими рукавами и обширными заливами, берега которых заросли тростниками. Плёса со стоячей водой покрывают пестрым ковром кувшинки и лилии. Подводная растительность напоминает джунгли с деревьями, кустарниками и подлеском из водорослей. Многие водоросли в отличие от привычного для нас зеленого цвета, имеют яркую красную, оранжевую и бордовую окраску. Богатый растительным

кормом водоем привлекает к себе множество видов рыб. Здесь водятся караси и сазаны, сомы и щуки, толстолобики и главная мечта любого охотника – белый амур. Увидеть экзотический подводный мир можно, приняв участие в подводной охоте или спокойно поплавав в ластах и маске по водоему. Своими впечатлениями о подводной охоте со мной поделились Александр Хмелевский и Геннадий Дякин.

От Александра я услышал интересный рассказ: «Медленно плыву с подводным ружьем в руках в гидрокостюме, маске и ластах по заливу глубиной около трех метров. Дышу через трубку, выведенную над поверхностью воды. Видимость около пяти метров. Крупные сазаны обнаруживают меня раньше, чем я успеваю прицелиться в них, и скрываются в непрозрачной воде. Серебряным веером рассыпаются во все стороны большие косяки тарани, с достоинством заходят в заросли с моего пути караси. Встретившиеся сомы длиной около метра не заслуживают моего внимания. Они остаются неподвижными, когда я проплываю над ними. Вот в придонных водорослях обнаружил тропу. Ее проложила при кормежке крупная рыба. Медленно плыву над тропой, ружье держу на изготовке, сердце тревожно бьется в груди. Успех будет обеспечен, если рыбу замечу раньше, чем она обнаружит меня. Впереди увидел крупного амура. Он спокойно стоял и шевелил передними плавниками. После выстрела рыба мгновенно исчезла из поля зрения, шнур с большой скоростью раскрутился с катушки ружья. Мне с трудом удалось удержать ружье в руках.

Вес добытой рыбы составил двадцать два килограмма, она заняла второе место после двадцати четырех килограммового амура, добытого в этих местах».

Вечером у костра бывалые охотники рассказывают новичкам забавные истории. Что в них больше: правды или вымысла судить сложно. Мне запомнились два рассказа.

Плывет охотник медленно по мелкому водоему и видит впереди крупного амура. Второпях плохо прицелился и промахнулся. По инерции проплыл несколько метров и оказался над рыбой. Осторожно вынув из ножен охотничий нож, нанес удар в бок амура, который с силой рванулся вперед и распорол себе бок. На стан счастливчик вернулся с потрошеной рыбиной.

Во втором рассказе незадачливый охотник выстрелил в хвостовую часть сома. Крупная рыбина потащила его за собой на буксире. Приятели удивились, когда увидели плывущую по воде голову друга с возрастающей скоростью. Ему пришлось выпустить ружье из рук, когда сом потащил его в заросли. На берег он вернулся без ружья.

Не менее интересна и увлекательна в этих местах ловля рыбы на удочку. Увлекательна ловля сазанов на пареную кукурузу. Попавшая рыба на крючок достойно сопротивляется и не так просто подвести ее к лодке и вытащить с помощью подсака. Любители белого амура насаживают на крючок листья тростника и, набравшись терпения, ждут рыбацкого счастья. Сомов ловят на кусочки жереха. Эту рыбу почему-то здесь считают сорной рыбой и используют на наживу.

Александру довелось поймать сома длиной больше двух метров. Его аккуратно на носилках донесли до весов, сфотографировались с ним, а затем опустили в

водоем. Сом долго лежал, не шевелясь, приходя в себя после перенесенного стресса. Затем вильнул на прощание хвостом и скрылся в глубине водоема.

Фотоохота в Казахстане

В июле в Казахстане стоит жара, температура воздуха выше тридцати градусов, никакой охоты быть не может. Неожиданно мой племянник Геннадий Дякин приглашает составить компанию на охоту с фотоаппаратом. Он по образованию биолог, несколько лет работал в Устюрском заповеднике орнитологом, а в настоящее время, хотя по работе не связан с зоологией, но в свободное время увлекается наблюдением за птицами.

Мой охотничий стаж более шестидесяти лет. Охотиться приходилось в разных регионах нашей страны, встречался со многими страстными и неутомимыми охотниками. И вот впервые встретился с одержимыми, страстными охотниками с фотоаппаратом, которые собрались на охоту за куликами. Вооружившись биноклями и фотоаппаратами фирмы Кэнон, мы ранним утром выехали из Алма-Аты. За рулем сидел Геннадий, на заднем сидении его жена Лена и бердвочер – любитель птиц Аскар Исабеков. Они не убивают птиц. Их гордостью являются цифровые фотоальбомы, в которых сотни фотографий птиц, встречающихся в Казахстане. Одни постоянно здесь живут, другие появляются при перелетах, третьи случайно залетают из соседних регионов. Геннадию за 6 лет увлечения фотоохотой удалось сфотографировать 330 видов птиц. В 2013 году в Казахстане проводились соревнования «Большой год», суть которого – кто больше видов птиц снимет за один год. Геннадию удалось сфотографировать 268 видов, а Аскару – 253. Все снимки выложены в интернете на веб-сайте www.birds.kz.

По дороге я узнал, что в Казахстане можно встретить около пятисот видов птиц.

Проехав несколько поселков, мы оказались на холмистой полупустыне, заросшей бедной растительностью, высохшей под палящим солнцем. Растительный покров в основном составляли типчак, полынь и желтые плешины ковыля. Через восемьдесят километров мы достигли конечной цели. Перед нами простирался огромный водоем Сорбулак. В переводе это слово означает – солончаковый ручей. Сегодня в него сбрасываются стоки очистных сооружений Алма-Аты, и водоем тянется почти на сотню километров. С невысокого бугра мы увидели царство птичьего племени. С мелководья поднялись белые и серые цапли, лысухи устремились подальше от берега. Им, видимо, был знаком страх перед автомашиной. В воздухе кружили озерные чайки и крачки, над ними парил орлан-белохвост. На берегу в раздумье стояли чибисы, по воде у берега чинно выхаживал на высоких красных ногах ходулочник. Вокруг него плавали бойкие кулички-воробьи. Чуть в стороне Лена увидела круглоносого плавунчика. Она по образованию тоже биолог и часто сопровождает мужа в его поездках.

Сфотографировав куличков, Гена повел машину вдоль водоема. Обрывистый берег, заросший коноплей, не позволял подъехать близко к воде. Запах растений проникал в машину через открытые окна и дурманил голову.

– Мы не станем наркоманами? – спросил я своих спутников.

– От одной поездки ничего не случится, не беспокойся, – ответил Аскар.

– Почему коноплю не уничтожают? – задал я наивный вопрос.

– Она никому не нужна, а для нас это место находка, – сказал Гена.

– Зачем она вам?

– Зимой сюда слетается множество птиц полакомиться семенами.

– Какие интересно?

– Прежде всего, коноплянки, щеглы, чечетки, длиннохвостые снегири и другие.

Вскоре нам удалось съехать на песчаную отмель. Кроме перечисленных птиц, перед нами красовались турухтаны, шилоклювки и редкая гостья этих мест – бурокрылая ржанка.

Продвигаясь дальше вдоль водоема, нам удалось увидеть и сфотографировать кроншнепов, краснозобиков, мородунок и других куликов. Больше всего меня удивили бекасы. Они долго не подпускали нас на выстрел из фотоаппарата, мгновенно перелетали на новое место при приближении нашей машины. Когда, наконец, нам удалось подъехать к ним, они мастерски притаились в углублениях грунта, что даже в бинокль их трудно было заметить.

Постепенно мы подъехали к лесополосе, часть которой была затоплена водоемом. На стебле тростника красовался зимородок, а на вершине дерева сидела сизоворонка, поблескивая ярким оперением в лучах жаркого солнца. Здесь моим друзьям удалось меня удивить. Перед нами раскинулся остров бакланов. Крупные черные птицы сидели на берегу и на стволах затопленных деревьев. Правее располагался остров кудрявых пеликанов. Он был усыпан как снегом огромными птицами.

Налюбовавшись крылатым племенем, мы поехали домой вдоль лесополосы, в которой мои друзья обещали показать мне фазанов. Меня не покидали мысли, что охота с фотоаппаратом не менее интересна, чем с ружьем и доступна в течение всего года.

ВОСЬМИКЛАССНИКИ

Повесть

В Новосибирск на жительство наша семья приехала в первых числах сентября. Мама хотела пойти со мной в школу, познакомиться с учителями и объяснить причину моего опоздания к началу учебного года. Я запротестовал:

– Мне будет стыдно, что меня мама приведет за ручку в восьмой класс. Дорогу в школу смогу найти сам.

– Пусть будет по твоему, – согласилась мама, – бери документы и отправляйся, чтобы успеть до звонка зайти к директору.

Ближайшая школа находилась на улице 1905 года.

Я иду по незнакомой улице, рассматриваю частные дома по обе стороны пыльной дороги. На душе тревожно: как меня встретит директор, как воспримут ученики и, вообще, как сложится моя дальнейшая жизнь. Внезапно с левой стороны увидел зеленый оазис среди серой деревянной застройки. За густыми зарослями возвышались купола церкви. Прямо передо мной, на углу сквера, стояло кирпичное двухэтажное красивое здание школы. Подойдя к дверям, прочитал на красном фоне вывеску: «Общеобразовательная средняя женская школа №9». В те времена обучение в школах было раздельное. Меня охватило беспокойство: неужели соседи пошутили и отправили в женскую школу. Спутать меня с девочкой вряд ли они могли. Пришлось спросить у прохожего, где находится мужская школа. Она оказалась на этой же улице через квартал.

Директор школы Иван Григорьевич Богданов, мельком посмотрев табель, долго изучал меня внимательным, строгим взглядом и, наконец, твёрдым, как столь, голосом, произнёс:

– В каком классе сидел два года?

У него были строгие, колючие глаза. На приятном лице выделялся крупный нос, сжатые губы казались узкими, волосы зачесаны назад.

– Я не сидел по два года.

– По возрасту ты должен быть в девятом классе.

– У меня пропал один год во время войны.

– Почему пропал?

– Я был на оккупированной территории.

– Где проживал в это время?

– В Краснодарском крае, в городе Анапе.

Выражение его глаз сменилось со строгого на мрачно-задумчивое. Немного подумав, сказал:

– Пойдем в класс. У меня в твоем классе урок физики.

Когда мы поднимались на второй этаж, я заметил, что у него вместо одной ноги протез. Ему приходилось держаться за поручень и наклоняться в одну сторону, чтобы поставить ногу с протезом на очередную ступеньку.

Войдя в класс, он подождал, пока все встанут и успокоятся, поздоровался и твердым голосом сообщил:

– Прошу любить и жаловать, наш новый ученик.

Свободное место нашлось на третьем ряду, и я отправился к нему. Иван Григорьевич сел за стол, открыл журнал и произнес:

– Так, кого мы сегодня спросим?

В классе установилась тишина, никто не поднимал руку, чтобы идти отвечать урок.

– Надо бы спросить Рябышева, – продолжал он, – вчера было воскресенье, он, наверное, был на охоте, уроки не выучил. У него больше всех оценок, правда, из пары оценок, первая двойка, вторая четверка. Двойки получал в понедельники. По закономерности сегодня должна быть двойка.

– Рудик, был вчера на охоте? – обратился он к Рябышеву.

– Был!

– Урок выучил?

– Учил.

– Вы смотрите, какой дипломат, как ловко отвечает: учил, а не выучил.

Иван Григорьевич вызвал к доске другого ученика. Моё сердце чаще заколотилось, я радовался тому, что в классе есть охотник, надо с ним познакомиться. С нетерпением дождался перемены и, подойдя к нему, сказал:

– Давай познакомимся, я – Алик и тоже охотник. Моя семья недавно приехала в город, и я не знаю мест охоты.

– Рудик, – сказал он и протянул руку.

Так состоялось наше знакомство, которое переросло в крепкую дружбу, длившуюся более пятидесяти лет. Он был выше среднего роста, крепкого телосложения. В глазах виделась веселая хитринка. Кучерявые волосы густой шапкой покрывали голову. Быстро растущие волосы доставляли ему немало хлопот. В то время в школе требовали,

чтобы ребята были коротко подстрижены. Я подстригался не чаще одного раза в месяц. У Рудика через неделю отрастала густая шевелюра. Классный руководитель, Ольга Николаевна, придя на урок, первым делом задавала ему вопрос:

– Рябышев, ты, когда подстрижешься?

– Я подстригался на прошлой неделе.

– Почему тогда на голове такая копна?

– Наверное, потому, что волосы растут.

– Завтра не приходи в школу лохматым.

Мы учились в мужской школе, требования к внешнему виду и поведению ребят были высокими.

При знакомстве Рудик предупредил меня:

– Никому в школе не говори, что ты охотник, ко мне больше не подходи, поговорим после уроков, по дороге домой.

После окончания уроков, я дождался его около школы, и мы пошли по улице Бурлинской, в сторону его дома.

– Зачем нам нужна такая конспирация? – спросил я.

– Разве ты не понял, что происходило на уроке физики? – удивился он.

– Что произошло? Я не заметил происшествий.

– В нашей школе очень не любят охотников и рыбаков. Зная, что в воскресенье нет времени учить уроки, обязательно спрашивают по понедельникам. Так что, если не хочешь попасть в немилость и получать двойки, не подходи ко мне на переменах, будем общаться после уроков.

После обмена мнениями по поводу охоты и ружей, Рудик спросил:

– У тебя есть охотничий билет?

– Нет.

Я тогда понятия не имел, что каждый охотник должен иметь охотничий билет. До Новосибирска жил на Сахалине. Наш домик стоял среди леса. В свободное время беспрепятственно ходил с ружьём по окрестностям.

– Тебе надо вступить в общество охотников. Завтра клубный день в охотколлективе «Спартак». После уроков пойдем туда вместе.

Небольшое деревянное здание клуба охотников находилось на территории спортивного комплекса «Спартак», на месте современного бассейна. Когда мы вошли в клуб, я был немало удивлен. На стенах висели чучела различных уток, тетеревов, рябчиков, куропаток, глухаря. Рога лося, марала, косуль вызывали

мое восхищение. Я не мог себе представить, что можно охотиться на такую дичь. Красочные стенгазеты притягивали к себе мой взор. На маленьком столике были разложены машинописные журналы: «На Уень реке». Позже я узнал, что редактором журнала был писатель Кондратий Никифорович Урманов, а художником архитектор Георгий Карчевский. За столом сидел председатель коллектива Аркадий Степанович Хорошков. Он за руку поздоровался с Рудиком, подал руку и мне. Такого демократичного отношения к себе, как равному, я еще не встречал.

Узнав цель моего появления в клубе, Аркадий Степанович протянул мне лист бумаги и маленькую книжицу.

– Напиши заявление о приеме в общество охотников. Когда выучишь охотничий минимум, скажешь мне. По пятницам прием экзаменов.

Перед сдачей охотничьего минимума я волновался больше, чем перед экзаменами в школе, хотя охотничий минимум выучил досконально. Для меня было много открытий. Я узнал, что на охоте нельзя подходить к людям с заряженным ружьем, нельзя направлять ствол ружья на человека, даже если ружье разряжено, нельзя стрелять по невидимой цели и многое другое. Меня всегда удивляло: почему ствол ружья двенадцатого калибра имеет диаметр больше, чем ружьё шестнадцатого калибра. Теперь я узнал, что калибр ружья определяется количеством пуль, которые можно изготовить из фунта свинца для данного ружья.

Экзамен принимали три пожилых охотника. Старшим был охотник высокого роста, с большим орлиным носом на морщинистом лице. Я на всю жизнь запомнил его странную фамилию: Баньолеси. После экзамена, он написал резолюцию на моем заявлении: экзамен принят.

Через неделю я получил охотничий билет, в котором было написано, что я имею право охотиться на всей территории Советского Союза, за исключением заповедников и заказников. В охотбилет было вписано мое ружье и поставлен его номер. На этом заканчивалась регистрация оружия в те времена. Я храню этот билет более шестидесяти лет.

Кроме охотничьего билета, мне было выдано маленькое красное удостоверение с эмблемой общества «Спартак». По этому удостоверению я беспрепятственно проходил на стадион и стал заядлым футбольным болельщиком за команду «Спартак». . .

В пятницу, во время большой перемены, когда большинство ребят бегали с мячом по баскетбольной площадке, ко мне подошел Рудик и сказал:

– Завтра мы едем на утиную охоту, поедешь с нами?

– Конечно, поеду, – обрадовался я.

Исполнялось мое желание – увидеть охотничьи угодья, принять участие в охоте. Для меня не имело значения с кем ехать, куда ехать, лишь бы только ехать на охоту, поэтому я не задавал вопросов.

– Сегодня вечером принеси ко мне домой свое ружье и вещи. Моторка от Чернышевской пристани отходит в два часа, нам надо успеть после уроков зайти ко мне переодеться и добежать до пристани.

Последние уроки прошли у меня под впечатлением разговора, я был не внимательным, думал, что взять с собой на охоту, сколько взять патронов, в мечтах стрелял по уткам.

Домой, после уроков, я летел, как на крыльях. На остановке трамвая Бурлинская, запрыгнул на «колбасу» трамвая, и, держась руками за ограждение заднего окна трамвая, думал: почему сегодня трамвай идет так медленно? Третий номер трамвая ходил по улице Гоголя от вокзала до сада Дзержинского. Доехав до остановки Ипподромская, я помчался вдоль забора ипподрома домой. За забором проходили бега, через щели деревянного забора было видно мелькание лошадей, запряженных в коляски. В этот день меня бега не интересовали.

2

В субботу, после последнего урока, мы встретились с Рудиком за углом школы и пошли по тротуару, заросшему спорышом, вдоль частной застройки. Карнизы и окна домов были украшены резьбой по дереву, около всех домов стояли высокие заборы с калитками и воротами. Тополя, посаженные около тротуара, бросали на нас тень, закрывая от теплых, ласковых лучей осеннего солнца. По пыльной дороге ходили куры, лошадь везла бочку с бардой, жители с ведрами выходили из дворов к ней навстречу. Отходами винного производства – бардой откармливали свиней. Вот таким был облик послевоенного Новосибирска. Сегодня на этом месте стоят высокие панельные дома. . .

Мария Павловна, мать Рудика, накормила нас борщом. Ели мы, торопясь, почти не жуя пищу. Переодевшись в старую, видавшую виды охотничью одежду, надев на ноги растоптанные ботинки, я

закинул на плечи ружье и зеленый отцовский фронтовой рюкзак, в котором лежали плащ – палатка, противоипритные чуни, патроны и провиант. Рудик торопил меня: время было в обрез. Почти бегом мы пронеслись мимо вокзала, через туннель под железной дорогой и по крутому Чернышевскому спуску – на пристань. Около пристани, через Обь был наведен понтонный мост, по которому изредка проходили грузовые автомашины. До отхода моторки оставались считанные минуты. На дебаркадере нас ожидал Арнольд Атавин. Он был на год старше меня, белобрысый, с пухлыми губами и небольшим шрамом на щеке. Познакомив нас, Рудик сказал, что Арнольд живет на одной с ним улице, учился в одном с ним классе, но ушел из школы после седьмого класса.

Меня не удивило его имя. В начале тридцатых годов прошлого века, после заключения мирного договора с Германией было модно давать детям немецкие имена. В нашем классе учились Адольф Пархоменко, Герман Мелихов и другие ребята с иностранными именами. С началом войны я стал стесняться своего имени и всегда представлялся Аликом. В те годы самым оскорбительным прозвищем было имя Фриц, так как всех фашистов называли Фрицами.

Купив билеты, мы прошли на корму моторки, заваленную березовыми дровами, и очень удобно, на наш взгляд, разместились на дровах. Нам предстояло плыть больше часа до Кудряшовского бора. В то время по Оби ходили моторки, в топках которых сжигались дрова. На корме, то и дело, из люка появлялся кочегар, набирал охапку дров и исчезал в трюме. Он не мешал нам любоваться просторами огромной реки, несущей массу воды в океан. Лопасти колес моторки глухо шлепали по воде. Она медленно развернулась у причала и двинулась вниз по течению. Я впервые видел просторы Оби и берег со стороны реки. Правый высокий был застроен трущобами, всюду на отмели лежали лодки. Заметив мое пристальное внимание к берегу, Рудик сказал, что этот район называется Нахаловкой за самовольную застройку. Левый низкий берег утопал в зелени. Вблизи берега, на мелководье, с криком носились чайки. Они постоянно хватали из воды мелкую рыбешку, проглотив ее, вновь бросались в атаку. На их крик спешили другие чайки, чтобы не опоздать к обеду.

Начиналась первая волна осеннего перелета птиц. Низко над водой иногда проносились табунки уток, часто-часто махали крыльями, словно торопились подальше улететь от надвигающейся

осени с ее ветрами и холодами. Высоко в голубом небе, как корабли, выстроившись в клин, проплывали гуси.

Моторка проходила мимо большого острова, на правом высоком берегу реки был виден Заельцовский бор, левый берег был заросшим тальниками. Мои наблюдения прервал голос Арнольда. Он рассказывал о своей охоте на Толмачевских болотах. Жестикулируя руками, показывал, как из неудобного положения сбил летящую утку, которая упала в болото. Пробираясь к ней по кочкам, провалился в трясину и с трудом из нее выбрался, благодаря палке, которую предусмотрительно взял с собой. Не менее поучительный для меня случай рассказал Рудик. Время пролетело незаметно, моторка подходила к дебаркадеру пристани Кудряшовский бор.

Я подружился с Арнольдом, и он стал постоянным моим спутником на охоты до конца его жизни. Он был просто болен охотой. Поговорку-шутку: «если учеба мешает охоте, брось учебу», он понял в прямом смысле. Неоднократно уезжал на несколько дней на охоту, пропуская уроки, сильно запустил учебу, и его отчислили из школы после седьмого класса. Его отец преподавал на кафедре химии в институте водного транспорта. Чтобы отвлечь сына от охоты и друзей-охотников, перевёлся работать в Иркутск, где Арнольд окончил вечернюю школу, потом институт и вернулся работать в Новосибирск.

Моторка пришвартовалась к дебаркадеру, на котором её ожидала толпа грибников. У всех были корзины с груздями. Стояли последние дни бабьего лета, солнце ярко светило, но уже слабо грело. Мы сошли по узкому трапу на песчаный берег и по проселочной дороге направились через сосновый бор. В те годы автомобильной связи с Кудряшевским бором не было. Он находился на острове. Восточный берег омывала Обь, на западе располагалась система озер и болот, на юге остров от материка отделяло озеро Кривое, которое соединялось с Обью, на севере протекала река Чаус.

Мы шли по узкой просеке, по обе стороны стеной стояли огромные сосны, их вершины смыкались над нашими головами. На дороге и стволах деревьев играли тысячи зайчиков от лучей солнца проникающих через густые кроны сосен. Около дороги попадались темно-зеленые ковры брусничника и черничника. Воздух был насыщен приятным ароматом хвои и лесных растений. Я был

очарован окружающей красотой, мне казалось, что я попал в сказку и скоро увижу избушку на курьих ножках. Чем дальше мы продвигались по лесу, тем больше открытий я делал для себя. С одной из сосен неслись звуки морзянки, которую отбивал крупный дятел в черном, как кардинал, одеянии, с красными перьями на голове. Неожиданно дорогу перебежал бурундук, заскочил на ствол сосны и стал наблюдать за нами, словно соображая: стоит ли ему убегать от нас выше по стволу дерева.

Вот в конце просеки появился просвет, бор закончился, все пространство перед бором, заросшее тальниками, вербой, красноталом было залито солнечным светом. На кромке бора стояла охотничье-рыболовная база. Два небольших домика и навес для лодок, казалось, прислонились к бору. Невдалеке, около зарослей тальника, поблескивал на солнце небольшой плес. Нас, как своих родных детей, встретила заведующая базой Екатерина Васильевна Мелихова. Она записала наше прибытие в журнал, оставила у себя охотничьи билеты, выдала карточки отстрела и долбленые из толстого дерева лодки – обласки, на которых предстояло плыть к месту охоты. Мы донесли лодки до воды и сплавились по вырытому каналу в озеро Кривое. Эти лодки напоминали индийские пироги, были очень узкие и верткие. Грести надо было одним веслом. Я никогда не плавал на таких лодках. Рудик и Арнольд ловко гребли веслами с одного борта, и их лодки двигались в прямом направлении. Моя лодка виляла из стороны в сторону, приходилось грести поочередно с каждого борта, чтобы плыть в нужном направлении. Наблюдая за движением рук и весел своих товарищей, я постепенно освоил искусство гребли одним веслом с одной стороны лодки.

Местом охоты было выбрано большое болото, с множеством плес, на противоположном берегу озера Кривого. Эта местность называлась Мочажиной. Мы перетащили лодки по узкой тропе через заросли тальника и оказались на берегу довольно большого водоема. Лодки приятелей спустили на воду, мою спрятали в кустах. Ребята помогли мне сделать скрадок. Нарубили веток тальника, воткнули их у уреза воды, среди осоки, нарезали камыша и замаскировали им мое укрытие. Я принес из лодки беседку, уселся на нее в скрадке и согнул камышинки, чтобы удобно было осматривать окрестность. Мои приятели поставили невдалеке четыре деревянных чучела уток и уплыли подыскивать себе места для охоты. С моего плеса были проходы через редкие камыши на

другие плеса. Оставшись один, я стал осматриваться. По периметру водяное зеркало заросло высоким камышом, вода была подернута ряской, на ее тихой поверхности дремали листья кувшинок. Я, как зачарованный, смотрел на эту удивительную поверхность воды и думал, что в воде есть своя жизнь. Там наверняка есть личинки комаров и стрекоз. Если в этом месте водится рыба, она охотится за этими личинками более успешно, чем я сейчас за утками. Меня окружало зеленое царство тальников, осоки, камыша. Я чувствовал себя частицей этого удивительного мира, впитывал в себя тепло осеннего солнца и все прелести окружающей меня природы. «Какое счастье все это видеть! Как люди могут жить в городе, не выезжая на природу», – думал я. Каждый шорох, каждое движение привлекали мой слух и взгляд. Вот перед моим лицом на лист камыша уселась тоненькая, изящная голубая стрекоза. Ее выпуклые глаза были больше головы. Она не боялась меня, словно зная, что я не причиню ей вреда. Таких стрекоз мы называли коромысликом. Над водой носились ласточки, выписывая сложные виражи, видимо, гоняясь за насекомыми. Иногда в стороне пролетали утки. В небе парила скопа, выискивая свою жертву. Мне хотелось узнать, какая ей нужна добыча, но она ни разу не спустилась со своей высоты.

Солнце клонилось к закату, в его лучах зелень имела множество оттенков. Даже гладь воды казалась зеленой. Я радовался и удивлялся окружающей меня красотой. Это был неизвестный для меня ранее мир. Я чувствовал, что в камышах и зарослях тальника происходит своя жизнь, слышал шорохи и всплески воды. Вот кто-то с шумом и треском пробирался через камыши и кустарники. Меня охватило беспокойство. Сидя в укрытии, сжимал в руке ружье и вглядывался в сторону удаляющегося шума. Над плесом и надо мной иногда пролетали утки, но я не успевал вскинуть ружье и с сожалением провожал их взглядом. В другом конце Мочажины слышались редкие выстрелы. Комары без предупреждения, бесшумно садились на мое лицо. Приходилось постоянно их наказывать, нанося себе удары по лицу.

Постепенно солнце спряталось за горизонт, исчезли яркие краски, все предметы стали серыми. Вдали прокричала выпь, извещая, что вечерняя зоря закончилась. Вскоре послышались всплески весел и ко мне подплыли Рудик с Арнольдом.

– Кого убил? – Весело спросил Рудик.

– Только комаров, – ответил я.

– Сколько?
– Не считал.
– Следующий раз считай.

Место для ночлега мы облюбовали около копны сена. Развели костер, приготовили чай заваренный веточками черной смородины и корнем шиповника, на плащ-палатку выложили свои незатейливые продукты и начали трапезу.

Из разговоров у костра я узнал, что наступил «мертвый сезон» – большинство местных уток улетело, а северные утки еще не прилетели. Арнольд видел двух косуль, которые убежали по кустам в сторону озера Каменного.

У меня ещё не было опыта устраивать ночлег под открытым небом, поэтому полностью положился на своих новых друзей и старался во всем им помогать. Мы надёргали сена из стога, устроили мягкую постель, накрыли плащ-палаткой, сверху палатки ещё наложили сена. Втроем залезли под плащ-палатку и оказались в мягкой душистой постели. Я лежал и смотрел в чистое ясное небо, усыпанное множеством звезд. Вдыхал аромат свежего сена, слышал мерное дыхание своих друзей. Вокруг ни звука. На душе было радостно и спокойно. «Какое счастье! – подумал я. – Быть на природе, видеть незабываемые красоты, спать под звездным небом». Ковш Большой медведицы сделал четверть оборота вокруг Полярной звезды, а я все еще не мог уснуть, думал о прошедшем и завтрашнем дне.

Во сне я видел летящих уток, стрелял по ним, но звука выстрела не было слышно, и утки улетали. Проснулся от толчка в бок.

– Пора вставать, надо разжигать костер. До рассвета должны быть на своих местах, – командовал Рудик.

Утро было прохладное, звезды исчезли с небосвода, густая темнота не позволяла даже увидеть чучела на воде. Вскоре на восходе обозначилась светлая полоса неба, затем она окрасилась в розовый цвет, постепенно переходя в ярко-красный. Когда из-за горизонта показался краешек солнца, ярким пламенем запылала утренняя заря. Природа начала оживать от ночного сна. В камышах слышалось хлюпанье и кряканье утки, на кромку камыша вышла маленькая черная болотная курочка, в тальниковых зарослях пересвистывались какие-то пичуги. Над болотом пролетел табун уток и опустился на озеро Каменное. Пришлось присесть на беседку, чтобы не быть пугалом. Мое внимание привлекли чучела, их стало пять. Все были

неподвижны и походили друг на друга. Я пересчитал их несколько раз. «Наверное, ребята утром поставили мне еще одно чучело», – подумал я и стал оглядываться по сторонам в надежде увидеть подлетающих уток. Боковым зрением заметил, что одно чучело стало медленно удаляться от остальных. Не мешкая, вскинул ружье к плечу, прицелился и выстрелил. Утка перевернулась на воде. Это была первая добытая мной утка! Радости я не испытал, скорее была досада, что добыл ее таким способом.

Над Мочажиной утки стали пролетать чаще. Я, как и вчера, не успевал вскинуть ружье и выстрелить влет. Вот к моим чучелам направился табун чирков. Я присел, ожидал, что они сядут около чучел, но чирки, издавая свист крыльями, пронеслись мимо. Сопровождая табун взглядом, заметил, что чирки, сделав круг над угодьями, вновь направились к чучелам и опять со свистом пролетели мимо. Когда табун сделал третий разворот, я прицелился над чучелами и стал ждать его приближения. В момент пролета первого чирка против ствола ружья, выстрелил. К моему удивлению, из табуна выпали два чирка, которые летели последними в табуне. Сердце радостно забилось: домой приеду не с пустыми руками.

Зорька закончилась, утки перестали летать, ко мне подплыли приятели. Собирая мои чучела и уток, Арнольд спросил:

– Алик, ты стрелял два раза. Почему на воде лежат три утки?

– Надо уметь стрелять! – с гордостью ответил я.

– Не хвастайся, у нас добычи больше, – сказал Рудик и предложил перетащить лодки на озеро Кривое и порыбачить.

– Я не предполагал рыбачить, у меня нет удочек, – ответил я.

– Есть запасные, – произнёс Рудик, – и протянул мне подергушку.

В моих руках впервые оказалась удочка с очень коротким удилищем, на котором была намотана леска с крупной окуневой блесной.

Мы сидим в лодках на озере, которое протянулось на многие километры от Оби в сторону Колывани. Одной рукой я держу весло, опущенное в воду, которым удерживаю лодку в нужном месте, другой рукой непрерывно дергаю подергушкой. Легкий ветерок пытается направить лодку к берегу, поэтому приходится постоянно работать веслом.

Весной озеро проточное. Вода из Оби проходит по нему и другим озерам, очищая их от растительности, и впадает в реку Чаус под Колыванью. Его берега высокие, песчаные поросли трудно

проходимыми кустарниками ивы и тальника. На затопленные луга и кустарники устремляется масса рыбы на икромет. Когда вода спадает, в озере остается много рыбы.

Приятели часто выдергивали из воды окуней, у меня не было ни одной поклевки.

– Подплыви ближе, – крикнул Рудик – здесь яма.

На новом месте я сразу же почувствовал удар по блесне, рука непроизвольно сделала подсечку и леску задергала рыба. Выдернув окуня в лодку, я долго не мог снять его с блесны. Он подпрыгивал, не давался взять в руку, уколол мне палец колючкой плавника. Мне стало жаль его – он боролся за свою жизнь, но первобытное чувство добытчика не позволило отпустить его в воду. Окуни набрасывались на блесну, как голодные волки на падаль, были очень красивы нарядом, но колючки были с ядом. Иногда крючок блесны приходилось вынимать не изо рта, а из жабры, глаза или бока окуня. Меня это удивляло, но размышлять об этом феномене, не было времени. При одной подсечке что-то серьезное на другом конце лески тянуло мою удочку, пригибало руку к воде, сопротивлялось и не хотело идти к лодке. Меня пронзило, как током, в теле появилась дрожь. Мелькнула мысль: поймал крупную рыбину, только бы не порвала леску, надо ее помучить, прежде чем вытаскивать в лодку. Я несколько раз подтягивал рыбину на полводы, затем давал ей возможность уйти ко дну. Когда всё же вытащить добычу в лодку, был сильно разочарован: на блесне оказался обычный окунь весом граммов двести. Крючок впился ему в хвост.

Скоро дно лодки было усыпано красавцами окунями с яркими красными плавниками и темными полосами поперек тела, напоминающими тельняшки матросов. Намучился я с ними чуть не до слез, исколол в азарте обе руки. Душу переполняла радость: домой вернусь с хорошей добычей. Ради такой добычи можно вытерпеть не только уколы рыбьих колючек.

По песчаной отмели против нас ходил мужчина и рыбачил на спиннинг. Блесна его спиннинга иногда падала в воду недалеко от наших лодок.

Солнце поднялось высоко, залило своими лучами прибрежные тальники, песчаная отмель сияла золотом, легкий ветерок рябил поверхность озера, и она напоминала рыбью чешую. Рыба перестала клевать, мужчина на берегу давно развел костер и колдовал около него. Мы причалили лодки недалеко от костра. Рудик и Арнольд

подошли к костру и поздоровались с мужчиной. Я понял, что они были знакомы, и направился следом за ними.

– Прошу к моему шалашу, берите свои ложки и присаживайтесь к костру, уха уже готова, – сказал мужчина.

Мои приятели не заставили себя долго ждать, присели около котелка. У меня ложки не было, и я стоял, вдыхая аромат ухи из свежей рыбы.

– А ты почему стоишь? – обратился ко мне мужчина.

– У меня нет ложки.

– Молодой человек, запомни на всю жизнь: когда едешь на рыбалку, можешь не брать с собой продукты, но ложка всегда должна быть с тобой. У любого костра тебя накормят ухой. Быстро беги на базу и попроси у Екатерины Васильевны ложку.

До базы было метров двести. Преодолев их за считанные минуты, взял на базе алюминиевую ложку, полетел назад с не меньшей скоростью. Запах ухи придавал мне силы. Шел третий год после окончания войны, питание дома было очень скромным, с собой на охоту я взял только хлеб и кусок хлебной колбасы.

– Быстро ты сбегал, видно сильно проголодался, – с улыбкой сказал Рудик.

Уха была горячей, ароматной, необыкновенного вкуса. Я обжигал губы своей ложкой. У всех были деревянные ложки, и они спокойно ими орудовали. Окуней выложили на листья лопуха. К моему удивлению они были в чешуе. Мне хотелось взять окуня и есть его, запивая ухой, но не знал как есть рыбу в чешуе. Пришлось ждать, когда кто-нибудь займется рыбой. Арнольд первым взял окуня, положил его на ладонь левой руки, вынул спинной плавник и ловко снял чешую вместе со шкурой. Мне не хотелось пачкать руки рыбой, и я стал ложкой снимать чешую. Снималась узкая полоска, шкура рвалась, часть чешуи оставалась на рыбе.

– У нас так рыбу не едят, – сказал Рудик, – учись пока я живой. В его руках окунь быстро оказался очищенным, и он, прищурив глаза, стал с удовольствием его есть.

Для меня был хороший урок. Я купил себе деревянную ложку и ни когда с ней не расставался. Научился готовить уху. Главные условия для ухи: рыба должна быть свежей, лучше живой, окуней и ершей не чистят.

Рыбака, который преподал мне этот урок, звали Кондратий Никифорович. Ребята его хорошо знали, и между ними велся непринужденный разговор, как между равными.

– У вас рыба крупнее, чем у нас, – сказал Рудик, протягивая руку за очередным окунем.

– У меня блесна крупнее, мелкой рыбе она не по зубам. За моей блесной вдогонку бросается хищник, который надеется на свои силы. Вот щука сегодня ни одна не польстилась на мою приманку.

– Много вы сегодня поймали рыбы? – вмешался я в разговор.

– Я поймал ровно столько, сколько мне надо на уху, чтобы угостить вас.

Такой ответ меня озадачил. Мы-то рыбачили, пока был клев. Каждому хотелось привезти домой больше рыбы.

– Завтра поплыву к первым воротам, там должны клевать щуки. Хочется сразиться с достойным противником. Если клева не будет, перетащу лодку через гриву на озеро Подстанки. Там необъятный простор для рыбалки и охоты, – продолжал разговор Кондратий Никифорович.

– Разве на озере есть ворота? – удивился я.

– Воротами называются изгибы озера, там глубокие ямы, в которых водятся щуки.

– Там водятся не только щуки, мне однажды на блесну попались два крупных налима, – сказал Рудик.

Я, как губка, впитывал в себя новые названия, завидовал Кондратию Никифоровичу – ему не надо спешить домой. Мне хотелось увидеть первые ворота, озеро Подстанки, проплыть по озеру Кривому и изучить его окрестности.

Простившись с гостеприимным рыбаком, поблагодарив его за вкусную уху, мы поплыли на базу.

Около навеса для лодок стояло корыто и несколько ведер с груздями залитыми водой. Мне не приходилось видеть такое количество грибов, и я, присев около корыта, стал их разглядывать. Это были сухие грузди средней величины одного размера, как калиброванные. Внезапно кто-то оказался у меня на спине и больно ударил по голове. Я резко поднялся и хотел схватить обидчика, но не успел. От меня убегал крупный красивый петух. Он гордо держал голову и что-то рассказывал курам о своем подвиге. Мне захотелось запустить в него камнем или палкой, но поблизости ничего не оказалось. Рудик и Арнольд закатывались от смеха.

– Грибом, грибом в него запусти. Куры любят грибы, – хохотал Рудик. – Это тебе крещение.

– Петух нападает на всех новичков, нельзя к нему поворачиваться спиной, – сквозь смех произнес Арнольд.

Мне было не до смеха, голова болела, из пробитой клювом раны сочилась кровь.

Екатерина Васильевна, увидев наш улов, предложила:

– Ребята, зачем вам везти всю рыбу свежей, в такую погоду она долго не сохранится, часть закоптите.

– Мы её не посолили, чтобы коптить, – сказал Арнольд.

– Это поправимо. Насыпьте под жабры соли, и она просолится во время копчения, соль я вам сейчас принесу, – ответила Екатерина Васильевна.

Невдалеке от домов было место для костра. Рядом стояли два металлических ящика. Я внимательно следил за приготовлением к копчению рыбы. Приятели положили на дно ящика сухие ветки тальника, на вынутые из ящика металлические сетки рядами уложили окуней, установили сетки в ящик и плотно закрыли его крышкой. Под ящиком, подвешенным на металлических кольях, развели костер.

– Следи за костром, – обратился ко мне Рудик, – как только из-под крышки повалит дым, засекай время. Через двадцать минут рыба будет готова.

Окуни горячего копчения оказались необыкновенно вкусными. Съев по паре окуней, мы начали собираться домой. Екатерина Васильевна подарила мне корзинку, которая вошла в рюкзак. На дно я положил свежую рыбу, прикрыл её листьями лопуха, на которые аккуратно уложил копчёных окуней.

– Алик, ты уток понесёшь в рюкзаке? – обратился ко мне Арнольд.

– Конечно, а как надо?

– Я всегда вешаю уток на рюкзак – для показухи.

Мы идем по бору, спешим на шестичасовую моторку. Рюкзак приятно давит мои плечи. Если бы он был тяжелее, то такой груз не был бы в тягость. Каждый думает о своем. Я обдумываю, как буду паять блёсны к следующей поездке, где во дворе разведу костер. Паяльник придется попросить у соседа. Представляю, как обрадуются мои домочадцы, увидев мою добычу, как я буду показывать брату и сестре нехитрый прием снятия чешуи с окуней. По их выражению лица определю: понравилась ли им копченая рыба.

К дому подходил, когда солнце готовилось спрятаться за горизонт. Тень от деревьев, растущих вдоль тротуара, пересекала улицу. Около дома соседей на лавочке сидели женщины и о чем-то судачили. Приосанившись, сделав бодрый вид, поздоровался. Женщины ответили на приветствие, никто не обратил внимания на мой рюкзак. Когда я шел по улицам с Арнольдом и Рудиком, многие встречные оборачивались и восхищались утками на рюкзаках моих приятелей. Решил впредь всегда уток вешать на рюкзак.

3

Во дворе меня встретил Рекс. В знак приветствия вилял хвостом и лизал руки. Около его миски копошились куры, он ни когда не трогал своих кур. Они это понимали и всегда склевывали остатки его еды.

Мы жили в небольшом домике по улице Партизанской. В доме была одна большая комната, (так мы ее называли). Она имела два небольших окна, выходящих на улицу, перед которыми в палисаднике росли черемуха и сирень. Кроме этой комнаты были спальня и кухня. С предчувствием радости встречи я переступил порог. Вся семья была в сборе. Бабушка всплеснула руками и произнесла:

– Слава Богу, наконец, вернулся, я Бог знает, что передумала.

Мама вторила ей:

– Алик, когда ты будешь учить уроки? Скоро уже ночь!

Моё хорошее настроение испортилось, рюкзак показался очень тяжелым, я снял его и положил на пол. Брат Гена вмиг оказался рядом и начал развязывать его:

– Сейчас посмотрим, что принес охотник.

Он извлек из рюкзака трех уток. Они не произвели впечатления. Когда достал корзинку с рыбой, удивлению не было предела. Аромат копченой рыбы распространился по комнате.

– Копченая рыба не ловится, он, наверное, купил её, – произнесла сестрёнка Нина.

– Ты сначала попробуй, потом будешь судить: ловится или не ловится, – ответил я, протягивая сестренке очищенного окуня.

Рыба всем понравилась. У бабушки появилась забота: как сохранить свежую рыбу. В то время холодильников не было. Моё настроение улучшилось, захотелось пить. Подошел к баку для воды, но он был пустой. Пришлось взять ведра, талоны на воду и пойти на водокачку, которая размещалась в конце квартала, на проезжей части улицы.

Улица была широкой и водокачка не мешала проезду редкого транспорта.

Вся домашняя мужская работа у нас была поделена между мной и Геной. Носить воду входило в мои обязанности. В моё отсутствие Гену было трудно заставить сходить за водой. Зимой я чистил проезжую часть дороги против дома, а Гена тротуар. Я приносил в дом воду, Гена – дрова и уголь. Мне приходилось ходить на базар за продуктами, Гене – в магазин за хлебом. Бабушка говорила, что я мог выбрать мясо не хуже, чем она.

Когда я вернулся с водой, бабушка уже разогрела борщ, налила мне в большую тарелку и положила маленький кусочек мяса. Основным нашим питанием были овощи из огорода. Огород был большой. В нем выращивали картофель, капусту, морковь, свеклу, лук, горох, фасоль. Мама всегда выкраивала место для репы и брюквы. К сожалению, сейчас об этих овощах забыли. Вдоль забора с одной стороны огорода рос паслен. Его ягоды по форме и цвету напоминали чернику, а листья были, как у картошки. Мы с удовольствием поедали эти ягоды. Несколько лет назад мне захотелось найти паслен, но он, вероятно, бесследно исчез с территории города.

– Садись, кушай, внучек, наверное, два дня ел всухомятку, – произнесла бабушка.

Я рассказал, какой вкусной ухой угощал нас Кондратий Никифорович.

– Видимо, он очень добрый и любящий детей человек, – произнесла бабушка, – не то, что твой отец, бросил троих детей и ни какой помощи, – добавила она.

Мне этот разговор был неприятен и я сказал: «Какой я ребенок, мне уже шестнадцать лет».

На следующий день я шел в школу с невыученными уроками. Мой путь лежал по улице Ипподромской до остановки трамвая на улице Гоголя. На подошедшем трамвае места на «колбасе» не было. Колбасой называлась деталь трамвая, выступающая сзади для сцепления вагонов. Пришлось дождаться, когда все пассажиры зайдут в вагон, стать на подножку и, держась руками за поручни, ехать «зайцем». Мама давала мне деньги для проезда и на школьные обеды. Я тратил их на рыболовные снасти и на охотничье снаряжение.

На уроках был невнимателен, мысли часто возвращались к охоте и рыбалке, мечтал о будущей поездке на озеро Кривое. К счастью, в тот день меня не вызвали отвечать уроки. Рудика вызвал к доске Иван Григорьевич. Во время перемены я поздоровался с Рудиком за руку,

мы перекинулись несколькими фразами и больше не подходили друг к другу, чтобы не афишировать нашу дружбу.

По пятницам – клубный день в коллективе охотников «Спартак». Решались текущие вопросы: о работе секций, о соревнованиях по пулевой и стендовой стрельбе, об испытаниях охотничьих собак, о коллективных выездах на охоту и многие другие вопросы. Работала секция «Молодой охотник». С нами проводили беседы, обучали стендовой стрельбе, приглашали на коллективные охоты. Здесь встречались друзья – единомышленники, делились впечатлениями о поездках на охоту и рыбалку, договаривались о новых поездках. Я внимательно слушал и запоминал все услышанное, меня очень интересовали и волновали рассказы об охоте, хотелось побывать в тех местах, о которых охотники рассказывали друг другу. Большинство разговоров сводилось к тому, что скоро пойдет северная утка, надо во время быть в угодьях, чтобы встретить ее пролет. Многие легенды пересказывались из года в год. Я их слышал впервые, и они захватывали мое воображение. Один охотник рассказывал:

– Приехал на озеро в октябре, снег идет, северный ветер камыши к воде клонит. Думаю: какая может быть в такую погоду охота? На всякий случай поставил чучела на воду, забрался в густой камыш, чтобы ветер не сильно продувал и стал ждать охотничьего счастья. Внезапно над камышом пролетел табун уток, от неожиданности я не успел выстрелить. Следующий табун сел около чучел. Табуны летели один за другим. В считанные минуты я расстрел все патроны.

– У меня был более интересный случай, – перебил его второй охотник, – долго я добирался до любимого озера, на котором охочусь много лет, и глазам своим не верю: озеро покрыто гладким, как зеркало, льдом. Настроение испортилось, надо возвращаться домой. Перед возвращением решил полюбоваться на свои новые чучела. Поставил их на лед, присел на кочку, достал бутерброд и стал жевать. Ружье в чехле лежит рядом. Неожиданно над озером появился табун гоголей. Приняв голубой чистый лед за воду, они сели на него и покатились по нему, как на коньках, к моим чучелам. Проехав мимо чучел, остановились у кромки берега около моих ног. Я чуть не подавился куском хлеба, бросил бутерброд и стал лихорадочно расстегивать чехол. Выстрелить я не успел. Вслед за этим табуном стали подлетать следующие. Некоторые пролетали над чучелами, многие садились на лед. Такую охоту я видел один раз в жизни и, наверное, больше не увижу, – закончил свой рассказ охотник.

В очередную пятницу я встретил в клубе Кондратия Никифоровича. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, и продолжал раскладывать на листе ватмана, с ярким заголовком «Охотник и Рыбалов», листочки бумаги с напечатанным текстом. Это были заметки охотников о поездках на охоту и рыбалку. Заметив мой интерес к стенной газете, Кондратий Никифорович спросил:

– Я помню, ты говорил при встрече на озере Кривом, что был на охоте впервые?

– Да, я тогда был первый раз на утиной охоте.

– Напиши в следующий номер газеты заметку о своей первой охоте, о своих впечатлениях, об угодьях.

– Вряд ли у меня получится.

– Пиши, как получится. Я отредактирую текст.

С тех пор я и мои друзья стали регулярно писать заметки в стенгазету. Заметок было много и через год было принято решение выпускать вторую стенгазету: «Молодой охотник». Меня выбрали редактором. Под руководством Кондратия Никифоровича Урманова, я выпускал стенгазету до ухода на службу в Армию. Вокруг газеты сплотилось много рябят, мы часто по пять, шесть человек выезжали на рыбалку и охоту. Наша дружба сохранилась на многие годы. Уехав из Новосибирска, я поддерживал связь с председателем коллектива Аркадием Степановичем. Приехав однажды в отпуск, зашел в клуб охотников и был немало удивлен: мои письма были опубликованы в стенгазетах.

4

Октябрь сорок восьмого года выдался теплым. Стояла сухая, по-осеннему теплая погода, дул слабый южный ветерок. Тучи словно забыли небосвод над Новосибирском. Мама радовалась такой погоде – мы успели убрать урожай в огороде. Картошку копали всей семьей. Мама и я орудовали лопатами, Гена, Нина и бабушка выбирали картошку из лунок. Какое-то первобытное чувство подсказывало мне, что такая погода скоро закончится, подуют пронизывающие ветра, пойдут холодные дожди, надо успеть последний раз съездить на охоту. В клубе охотников перестали появляться пожилые охотники, все уехали встречать северную утку. Мои приятели предложили мне поехать на несколько дней на охоту. Арнольд уже определил место охоты: Сорочья грива в угодьях Кудряшовского бора. В прошлом году кто-то видел там осенью массовый пролет уток.

– А как школа? – удивился я.

– Отпросись на два дня копать картошку, – предложил Рудик.

– Мы картошку уже выкопали.

– Чудак человек, это и хорошо. У нас в школе всегда отпускают на день–два копать картошку. Я уже отпросился.

В четверг мы вновь на моторке. Как всегда сидим на дровах в корме. С нами две собаки. Лайка Арнольда и пойнтер Рудольфа, с которым его отец охотился на дупелей и тетеревов. На душе приятное беспокойство: только бы не опоздать к пролету уток. Сбылись мои мечты, мы будем на охоте целых четыре дня. Арнольд, как старший по возрасту и опытней нас, стал давать советы:

– Когда приплывём на место, первым делом построим балаган на случай непогоды, наловим рыбы для себя и собак. Уток будем стрелять в общий котел, битых не торопитесь собирать, чтобы не терять время. Собаки помогут собрать всех уток.

– Рано мы едем, – засомневался Рудик, – дует южный ветер, утки отправляются в перелет с попутным ветром.

– Дома погоду не выбирают, она может испортиться в любой момент, – уверенно ответил Арнольд.

Для меня их разговор был открытием. Я молчал и запоминал все сказанное – в жизни может пригодиться. Позже я узнал, что отец Рудика, Аркадий Семенович, был заядлым охотником. Часто брал сына на охоту, и он от него узнал много премудростей, которые мне еще предстояло усвоить.

Мы плывем по озеру Кривому, которое вытянуто с юга на север. Его высокие берега не позволяют осматривать окрестность. Постоянно слежу за плывущими впереди меня лодками, стараюсь не отстать от них. В носу лодки лежит тощий рюкзак с продуктами и патронами, на нем старая ватная фуфайка с заплатами и дырами, на ней ружье направленное стволом вперед и вверх. Ружье готово для стрельбы в любой момент, если налетят утки. Пойма озера шириной около пяти километров. На ней расположено множество озер и болот. Когда-то по этой низине проходило русло Оби. Переместив свое русло в восточном направлении, река оставила старицу с богатейшими угодьями для охоты и рыбалки. Справа видны вершины соснового бора, слева, вдали, на возвышенности, еле заметны домики деревень Криводановки и Крохалевки. Проплываем первые и вторые ворота. От непривычки сидеть в узком обласке с поджатыми ногами ноет спина, руки устали от монотонной гребли одним веслом. Постоянно надо следить за равновесием тела, чтобы лодка не перевернулась. Наконец,

мои приятели направили лодки к берегу, и мы вышли на песчаную косу. Здесь через высокую гриву, заросшую густым тальником, была прорублена узкая просека для перетаскивания лодок в озеро Подстанки. Я чувствовал себя человеком, впервые проскакавший не мало вёрст верхом на лошади без седла. Такое «удовольствие» я имел в детстве, когда с друзьями гонял лошадей на водопой. Осматривая местность, чтобы запомнить место перетаскивания лодок, увидел вдали село. Ребята сказали, что оно называется Катково. Около села, против нас, был виден колок из высоких тополей, на которых было множество грачиных гнёзд, они выглядели, как игрушки на нбовогодней ёлке.

Сорочьей гривой оказался остров среди бескрайних водных просторов, заросших тальниками и камышом. Рядом находились озера Карасевое, Линево и Подстанки. На востоке, за торчащими из воды сухими ветками тальника, просматривался сосновый бор. На западе тянулась согра, залитая водой, с множеством плес. Деревья и кустарники давно сбросили листья, темно-серые и унылые, они приготовились к встрече холодов. Только камыши и заросли аира по кромке воды оставались зелеными и радовали душу. Центральная часть гривы до войны была сенокосом, высокая трава пожухла и полегла. Косить сено приплывали на лодках, вывозили зимой на лошадях по замерзшим озерам. Во время войны сенокос был заброшен.

Я чувствовал себя путешественником, попавшим на необитаемый остров, на котором предстояло провести три дня, питаясь добытыми утками и рыбой. Солнце клонилось к закату, мы разгрузили лодки, оборудовали ночлег и место для костра, заготовили сухих дров и поплыли добывать окуней. Собаки, выпущенные на гриву, носились друг за другом разминаясь после долгого плавания в обласках.

Мы рыбачили до сумерек, сменили несколько мест, на которых прежде ловился окунь, но поклевок не было. Я постоянно смотрел по сторонам в надежде увидеть летящих уток, на дне лодки лежало приготовленное ружье, но уток не было видно.

За чаепитием у костра, мы решили все продукты сложить в одну корзину и распределить так, чтобы хватило на три дня. Пятница прошла в бессмысленных попытках наловить окуней и дождаться летящих уток. Погода стояла теплая, солнечная. Надо бы радоваться такой погоде, а нам хотелось, чтобы она испортилась. Я снял с себя видавшую виды фуфайку и подложил в лодке под себя. Мне надоело бесполезное дерганье подергушкой, и я предложил:

– Может, нам сплавать на озеро Линево или Карасевое?

– Там водятся только лини и караси, – ответил Арнольд, – их подергушкой не поймаешь.

В субботу утром мы пошли в согру постоять у воды в надежде на успех. Мне повезло: я добыл выплывшего на плес из камыша чирка. Чирок был подранком и не смог улететь на юг со своими собратьями. Арнольд сбил пролетающую над ним ворону. Когда вернулись в лагерь, я спросил его:

– Зачем ты сбил ворону?

– Собакам скормим.

Он подозвал к себе собак, дал понюхать ворону и бросил её им под ноги. Собаки, даже не взглянув на ворону, отошли в сторону, всем своим видом показывая, что такая еда не для них. Разжигая костер, я услышал доносившуюся из шалаша ругань Рудольфа. Оказалось, в наше отсутствие, собаки съели все наши продукты, оставили только картошку, лук и соль. Мы приуныли. Решили сегодня обойтись картошкой, а завтра перед дальней дорогой сварить чирка и ворону. У меня в душе теплилась надежда, что вечером или утром полетят утки. Утро надежды не оправдало. Погода стояла без изменений. Арнольд и Рудик принялись щипать нашу небогатую добычу. Я вызвался сплавать к бору и поискать грибы. Каждая собака занималась своим делом. Пойнтер стоял перед Рудиком и жалобно канючил, требуя еды. Его бока подвело. Возможно, в силу своего благородного происхождения, он не участвовал в воровстве наших продуктов. Лайка была упитанной, ее бока раздуты. Она успешно охотилась на водяных крыс. На гриве водилось их множество. За охотой лайки было интересно наблюдать. Опустив голову к траве, она быстро шла по следу, затем поднималась на задние ноги, делала бросок в сухую траву и в ее пасти оказывалась крыса. Насытившись, она принесла задавленную крысу и положила перед Арнольдом, словно издеваясь: «кушай, она вкуснее, чем твоя ворона».

В бору мне попадались только маслята, они были крупные и червивые. Когда я привез грибы, «дичь» была уже ощипана, опалена на костре, вымыта и мелко изрублена, чтобы было труднее отличить кусок чирка от куска вороны.

– Как успехи, – спросил Арнольд.

– Грибы есть, но червивые.

– Это прекрасно, – отозвался Рудик, – черви тоже мясо.

В котел, кроме чирка и вороны, мы положили мелко изрезанные грибы, три небольшие картошки и лук. У костра орудовал Рудик, он любил готовить. Еда получилась вполне съедобной. Каждый, доставая ложкой кусочек мяса, произносил: « мне достался кусок чирка». Мясо вороны было жесткое. Мне в войну пришлось перепробовать разных птиц. Попадались птицы с мясом более грубым. Варево мы «прибрали» без остатка, так как в предыдущий день жили впроголодь. Хорошо подкрепившись, тронулись в обратный путь. На душе не было сожаления и огорчения за неудавшуюся охоту. Новые впечатления и приключения с лихвой восполняли несостоявшуюся охоту на северную утку.

В дальнейшем я неоднократно удачно охотился на Сорочьей гриве. А вот северной утки ни разу не встретил за все шестьдесят лет охоты.

5

Весеннее солнце радостно заглядывало в окна класса, за окном шалила весна, как девушка, манила за собой в след убегающим ручьям к Оби. Мне хотелось пойти на высокий берег Оби, посмотреть, не начался ли ледоход, не летят ли с юга в родные места перелетные птицы. Постепенно мои мысли переключились на воспоминание о моей первой охоте на зайцев.

Пока мои мысли летали в небесах, Ольга Николаевна проводила классный час. Она беседовала с каждым учеником о выборе будущей профессии. Я давно задумывался о своем будущем. Мне хотелось учиться в Московском пушно-меховом институте, на факультете охотоведения. Окончив этот институт, я смог бы совмещать свою страсть к охоте с выбранной профессией. Вместе с этим я понимал, что могу не получить стипендию, а мама не в состоянии оказывать мне материальную помощь. Мне даже было стыдно просить у нее денег на дорогу. Вторым приемлемым для меня вариантом был Новосибирский институт военных инженеров транспорта. В этом институте студентам выдавали форму, кормили в столовой. Стипендия была самой высокой среди всех институтов города. Поступив в него, я мог вносить приличную лепту в бюджет семьи. Конкурс в НИВИТ был очень большой, и я был уверен, что его не выдержу. Во время войны, когда мы жили у Черного моря в Анапе, я мечтал стать военным моряком. Этой мечте, как зерну, брошенному ранней весной в почву, требовалось время, чтобы прорасти. Обсуждать ее было преждевременно. Других вариантов пока у меня не было.

Прислушиваясь к рассказам одноклассников, я понял, что некоторые ребята фантазируют, чтобы показать себя с хорошей стороны. Я считал, что заветную мечту нельзя выносить на всеобщее обсуждение, ее надо хранить втайне пока она не сбудется. Когда подошла моя очередь, Ольга Николаевна спросила:

– Кайков, ты куда собираешься пойти учиться ?

– В Духовную семинарию, – неожиданно для самого себя ответил я.

Весь класс повернулся в мою сторону. На меня смотрели, как на какое-то чудо, как на человека с другой планеты. Ольга Николаевна остолбенела, ее глаза расширились, она в упор смотрела на меня. За долгую педагогическую практику, ей не приходилось слышать такого необыкновенного ответа. После длительной паузы, она произнесла:

– У тебя в роду были священники?

– Не было.

– Тогда в чем дело? Ты же комсомолец!

От дальнейшего разговора меня спас звонок. На следующий день меня в коридоре встретил секретарь комсомольской организации школы и сказал:

– Мы тебя приглашаем на комитет комсомола.

– Бить будете?

– Бить не будем, но мозги прочистим.

– Я пошутил с учебой в семинарии.

Мы оба рассмеялись.

Однажды, в воскресенье, в нашей хибаре появилась Ольга Николаевна. Вся семья была в сборе и на нее устремились взоры пяти пар глаз. Она поздоровалась и, обращаясь к маме, сказала:

– Я классный руководитель вашего старшего сына. Меня зовут Ольгой Николаевной, скоро экзамены, я пришла с вами познакомиться и побеседовать.

– Здравствуйте, ответила мама, – очень приятно. Меня зовут Марией Алексеевной. Я с вами давно заочно знакома по рассказам сына. Сожалею, что сама не могла прийти в школу и познакомиться с вами. Вы видите, какая у меня семья, приходится ежедневно задерживаться на работе, чтобы выполнять дополнительную работу.

Я позвал Гену, и мы вышли во двор, чтобы не мешать разговору взрослых. Мама за весь год ни разу не была на родительских собраниях. Она работала секретарем-машинисткой и постоянно задерживалась, печатая срочную работу для других отделов. За меня

она не беспокоилась, полностью мне доверяя. Часть разговора, состоявшегося в мое отсутствие, воспроизвожу по рассказу бабушки.

– Ваш сын по учебе считается середнячком, хотя мог бы учиться лучше. Меня беспокоит, что у него в классе нет друзей. Складывается впечатление, что он замкнутый, необщительный мальчик, – начала разговор Ольга Николаевна.

– Не может быть! – изумилась мама, – у него прекрасные друзья: Рудик Рябышев, Алик Атавин. Они бывают у нас, я о них очень хорошего мнения.

– Разве можно с ними дружить? Как это я просмотрела! Они же охотники! – с удивлением воскликнула Ольга Николаевна.

– Разве зазорно увлекаться охотой и рыбалкой? В моей семье, добытая Аликом рыба, хорошая прибавка к нашему небогатому столу. Мне приходится работать практически в две смены, чтобы одной содержать большую семью.

Мои опасения, что ко мне прилипнет клеймо охотника, не оправдались. Ольга Николаевна о своем открытии никому не рассказала. Ко мне стала относиться с какой-то уважительной теплотой.

Приближались экзамены. Поездки на рыбалку прекратились. Я усиленно повторял пройденный материал. У меня был стимул. Если успешно сдам все экзамены (не останется предметов на осень), смогу все лето заниматься любимым увлечением и помогать своей семье. Иногда, сидя за книгой, в памяти возникали воспоминания об охоте или рыбалке. Приходилось усилием воли отгонять эти мысли и повторять про себя: надо сдать экзамены, чтобы рыбачить не в мечтах, а наяву.

Гобой

Повесть

1

Всю ночь трубил Охотник в рог. Тревожные звуки неслись над садами совхоза «Мичуринец», по широкому глубокому логу и эхом отзывались вдалеке, у Гусиного брода, расположенного недалеко от Новосибирска. Он непрерывно подавал сигналы своему гончаку Гобою. Слева простирался склон лога, заросший березовым лесом. Справа раскинулись поля с редкими колками. Охотник шел по кромке поля, пшеничная стерня торчала из-под снега и шуршала под ногами. «Не может быть, чтобы собака ушла за пределы слышимости рога,

– думал он, – у гончих хороший слух, они слышат сигнал за несколько километров».

Пожилой мужчина тешил себя мыслью, что собака наткнулась на следы коз или лося и увязалась за ними, он не хотел верить, что с Гобоем случилась беда. Вспомнил, как два года тому назад с приятелем Алексеем Ивановичем Дуровым ездил в Алтайский край за щенком к известному заводчику гончих Филягину. Щенку было всего три недели, привез малыша за пазухой. По дороге он несколько раз мочил рубашку хозяина. Это не охладило пыл охотника вырастить себе помощника на охоте. В городской квартире полностью заменил ему мать. Первое время кормил молочными смесями для малышей, затем перевел на мясо и каши. Много играл и выгуливал. Щенки любят лежать около матери. Чтобы восполнить потерю этого удовольствия у рано лишенного матери щенка, хозяин часто ложился на ковер, покрывающий пол квартиры. Гобой моментально укладывался рядом, прижимался к его груди и начинал сосать рубашку. Он вырос крупным и сильным выжлецем (название самца у гончих собак). На выставке занял первое место среди собак младшего возраста, показал хорошие полевые качества. И вот теперь его хозяин с тревогой в груди подавал сигналы о своем местонахождении. К машине вернулся перед рассветом.

2

Вчера вечером со своим постоянным спутником на охоты Алексеем Дуровым они приехали в излюбленное место в Новосибирском районе, недалеко от села Плотниково. Пустили в поиск собак и, неторопливо двигаясь вдоль лога, с радостным приподнятым настроением вслушивались в звуки зимнего леса, ожидая симфонии гончих после подъема зайца. На старой березе со сломанной бурей вершиной дятел морзянкой оповещал обитателей леса о том, что обнаружил короеда и пробивает к нему дупло, которое на следующий год непременно будет занято под гнездо мелкими птичками. На соседней развесистой березе резвились непоседливые синички, порхали с ветки на ветку. В желто-зеленом оперении, с черной шапочкой и галстуком, они мелькали в воздухе на фоне белого снега. Синички цеплялись за ветки то одной, то обеими лапками, иногда повисая на концах веточек спиной вниз. К стайке синичек присоединилось несколько пепельно-голубых поползней с короткими хвостами. Они своими длинными крепкими клювами обследовали ствол березы, спускаясь по нему головой вниз.

Собаки быстро подняли зайчишку, не дав ему поспать до сумерек, и, заливаясь звонкими радостными голосами, погнали по логу. По лесу понеслась многоголосая симфония. Флейта шла с заливом, не ограничиваясь одной нотой. Тембр ее голоса переходил от низких к высоким нотам и наоборот. Как аккомпанемент звучал грубый яркий голос Гобоя. Создавалось впечатление, что зайца гонит свора собак.

Обычно заяц делает круг и возвращается к месту своей лежки, где его поджидают охотники. На этот раз косой ушел далеко по логу в сторону

покинутого поселка Мостовая и делал там круг за кругом. Голоса собак с трудом прослушивались.

– Может, пойдем на лай собак? – предложил Алексей Иванович, – поможем им.

– Пока мы идем по прямому направлению, заяц вернётся, миновав нас, – ответил приятель.

Вскоре собачья симфония, разливаясь по логу, стала приближаться к охотникам. Они стояли на склонах и всматривались вдаль. Вот вдоль ручья показался летящий белый комок. Он перелетел ручей, выскочил на кромку лога, вернулся по своему следу к кустам, проскочил через кусты и устремился вдоль ручья. В это время из-за поворота лога показались собаки. Если заяц казался летящим белым шаром, то они в длинных прыжках казались распластавшимися в воздухе.

Заяц бежал недалеко от Дурова. После выстрела перевернулся через голову и покатился по крутому склону лога.

Собаки, услышав выстрел, не пошли по двойному следу зайца, а помчались на выстрел. Они знали, что заяц добыт или его свежий след находится там.

Дуров не стал подбирать добычу, он ждал собак, стоя рядом. Разгоряченные и запыхавшиеся собаки обнюхали зайца и, убедившись, что это тот заяц, которого они гнали, тяжело дыша, отошли в сторону. Алексей Иванович не спеша достал из ножен охотничий нож, отрезал передние лапы зайца и отдал собакам. Гобой проглотил пазанок, не жуя, Флейта помусолила в пасти и тоже проглотила. По охотничьему поверью задние лапы давать собакам нельзя, чтобы не ходили в пяту (в противоположную сторону движения зверя).

Подобрав зайца, охотники направились по склону лога к машине, собаки шли сзади и нюхали добычу, которая досталась их тяжелым трудом.

Около машины друзья покормили собак и принялись разводить костер, чтобы вскипятить чай и подкрепиться. Дуров привязал Флейту к машине, Гобой разгреб снег под березой и улегся на прошлогоднюю сухую траву.

– Может быть, немного отдохнем и еще по лесу пройдем пока не стемнело? – предложил Алексей Иванович.

– Куда нам спешить? – ответил приятель. Переночуем в машине вместе с собаками, добудем завтра еще одного зайца. Разве тебе не нравится сидеть у костра и наслаждаться прекрасной погодой? Наступят холода – не захочется из квартиры выходить на улицу, не то, что в лес ехать.

– Это, как повезет, может еще одну ночь придется провести на свежем воздухе, – скептически ответил Дуров.

Не успели охотники напиться чая, как Гобой вскочил со своей лежки и, молча, умчался в лог.

– Кого-то причуял, – сказал Дуров.

– Побегает – вернется, – ответил приятель и продолжал наслаждаться душистым чаем.

Стемнело, на небе высыпали звезды, взошла, как лимон, желтая луна. Гобой не возвращался, охотника охватило беспокойство, и он отправился на поиски собаки.

3

К утру небо стало затягиваться тучами, за которыми скрылись звезды, и спряталась посветлевшая луна. На землю опустился предрассветный мрак, в воздухе чувствовалась прохлада, появилась изморозь. Легкий морозец и влажный воздух предвещали снегопад.

Как только наступил рассвет, и очертания деревьев выплыли из туманно-снежной мглы, Охотник надел широкие лыжи и отправился искать вчерашний след Гобоя.

Следы собаки нашел в логу около незамерзшего ручья и пошел вниз по течению. Следы вели по склону лога, спускаясь к густым зарослям тальника около ручья. Вот Охотник увидел следы зайца, спокойно уходящие из кустов по противоположному пологому склону. Собака пошла по ним. Не отрывая глаз от следов, Охотник шел вдоль лога, затем поднялся на сенокос. Здесь, возле стога, зайчишка предыдущей ночью долго жировал, истоптав всю поляну. «Ну и хитрец, – подумал Охотник о зайце, – чтобы сбить собаку со следа, прибежал на место старой жировки. Интересно, что он еще придумает?»

Охотник по следам, оставленным на снегу, читал как в книге о событиях прошлого вечера. Гобой сделал полукруг около стога, нашел угонный след и помчался к кустам, около которых из снега торчит пень. Подойдя к пню, Охотник увидел заячью лёжку. От неё заяц летел трехметровыми прыжками, за ним – следом собака. «Отсюда начался гон зайца по горячему следу, – подумал Охотник, – но мы на противоположной стороне лога не слышали музыки гона».

Погода стала портиться, ветер усилился, в воздухе замелькали снежинки. Охотник спешил изо всех сил, в душе молил Бога, чтобы не начался буран и не завалил отпечатки следов снегом. Следы привели в другой лог, затем пошли по склону в сторону деревни Издревой. Пробежав по логу больше километра, заяц начал делать круг и выбежал на кромку лога. Здесь след его прервался, на снегу были пятна крови и следы сапог человека. От места трагедии удалялись следы сапог и рядом следы Гобоя.

С тяжелым предчувствием Охотник последовал по направлению следов. Они привели к березовому колку, за которым на снегу виднелись следы УАЗа. Снег вокруг машины был истоптан людьми, обутыми в сапоги и чуни. Около следов протектора колес автомашины виднелось кровавое пятно. Видимо охотник бросил убитого зайца на снег, чтобы его приятели могли полюбоваться добычей. УАЗ уехал, увозя Гобоя в неизвестность.

Охотник стоял убитый горем. Свалившееся несчастье тяжелым грузом сгорбило его, пожилой человек постарел на несколько лет, слезы горести и обиды текли по его обветренным щекам. Он представил картину, разыгравшуюся прошлым вечером: «Заяц выскочил из лога на небольшую поляну. Стоящий в кустах охотник без труда добыл его. Следом прибежал Гобой и, прикусив добычу, стоя над зайцем, ждал поощрения. Хозяин всегда отрезал у зайца переднюю лапу и угощал его. Чужой человек решился на воровство, забрал зайца, привязал собаку чем-то за шею и увел к машине».

По законам охотничьей этики, добытый из-под чужой собаки зверь принадлежит хозяину собаки. Если он найдет нужным, может подарить его охотнику, который помог добыть зайца.

Возвращался Охотник, спотыкаясь о кочки и пеньки, натыкаясь на ветки деревьев. Его глаза затуманили слезы, он переживал потерю друга и помощника. На него свалилось горе, как цунами, словами боль его не передать. Он будет долгими ночами не спать, а горевать и думать, как отыскать друга.

Ветер усилился, жестко, как песком, хлестал снегом по лицу, но Охотник не чувствовал боли, душевная боль была сильнее. Пурга заметала за ним следы и прожитый кусок жизни.

4

В избе Шаламовых – пирушка, табачный дым завесой висит над столом. Как в тумане стоят бутылки с самогоном, на тарелках соленые грибы, капуста, картошка, вкусная закуска из зайчатины. Разговор идет на высоких тонах. Самогон привел людей в такое состояние, когда каждому хочется высказать свое мнение, кажется, что его плохо слышат, и он старается говорить громко.

Вчера из Новосибирска к хозяину приехали друзья, добыли из-под чужой собаки зайца и обсуждают ход охоты.

– Зря мы начали охотиться в садах, загоны по посадкам смородины не дали результата.

– Там было много следов зайцев, которые убегали по густым зарослям в разные стороны.

– Надо было делать загоны по логам, тогда бы добыли не одного зайца.

– Я, когда услышал лай в логу, побежал наперерез и остановился в кустах на кромке лога. Не успел осмотреться, как на поляну выскочил зайчишка.

– Мне не дали густые кусты добежать раньше тебя до лога.

– Собака оказалась доброй, долго без сколов гнала зайца.

– Ты молодец, что не промахнулся, но зачем забрал чужую собаку? Хозяин, наверное, переживает.

– Собака, видимо, заблудилась и не хотела отходить от меня.

– Друзья, уж если так случилось, оставим собаку здесь и будем приезжать по выходным дням охотиться с ней в свое удовольствие.

В разговор вмешался хозяин дома:

– Нельзя ее оставлять у меня, в селе мигом все узнают о собаке, и найдется ее хозяин.

– Собака, вроде, молодая, быть может, нам ее продать? – предложил самый молодой из участников застолья. – Цена, быть может, небольшая, но можно будет погулять.

– Тебе что мало водки на столе? – обрушились на него товарищи.

– На столе не водка, а самогонка, – парировал пьяным голосом собутыльник, внесший предложение о продаже.

– Самогонка полезней и чище паленой водки, – обидевшись, заявил хозяин, – у нас в селе после того, как мужики отравились паленой водкой, все употребляют только напитки собственного производства.

– Ну, ты и загнул – «напитки». Вы что, самогонку по сортам различаете?

– Темный ты, Вася, человек, хоть и в городе живешь.

– Просвети, если ты светлый.

– Пожалуйста, – сказал, икнув, хозяин, – медовуху и бражку ты пробовал?

– Не пробовал. Ну и что?

– А это значит, что ты темный человек, – самодовольно заключил хозяин.

В это время на другом конце стола продолжался разговор о судьбе гончака.

– Таким добром нельзя бросаться, собака рабочая, ей нет цены. Я ее нашел и возьму с собой в город.

– Как ты ее будешь содержать в квартире на четвертом этаже?

– Многие люди содержат собак, и я буду содержать. Ты еще не раз попросишься со мной на охоту.

– Ты бы сходил, накормил собаку, она, наверное, голодная.

– Потерпит до дома, голодная скорее привыкнет ко мне.

Эти разговоры слышал сын хозяина. Он пошел на кухню, отрезал краюху хлеба, положил в карман и, накинув на плечи куртку, тихонько вышел во двор.

Гобой, привязанный веревкой в хлеву, увидев ребенка, напрягся всем телом и жалобно заскулил. Он вырос среди внуков хозяина и очень любил детей. Мальчик подошел к собаке, легонько погладил по голове и протянул кусок хлеба. Гончак больше суток ничего не ел, но не выхватил еду из руки ребенка. Он обнюхал руку и хлеб, только затем осторожно взял в зубы предложенный кусок и, зажав его передними лапами, стал понемногу откусывать. Мальчик присел около собаки и стал нежно гладить ее по спине. Гобой съел хлеб и обнюхал мальчика, чтобы на всю жизнь запомнить запах человека, который его накормил. Его тонкое чутье улавливало запах человека среди множества других запахов: от коровы, стоящей в дальнем конце хлева у ясель и пережевывающей сено, от свиней в свинарнике, отделенном от коровника перегородкой, от кур в курятнике.

Мальчик присел рядом с собакой, его рука скользила по шерсти гончака. «Может мне отвязать ее и отпустить на свободу, – думал мальчик, – пускай бежит, ищет своего хозяина».

В это время со скрипом отворилась дверь дома, и на крыльцо высыпала шумная компания.

Новый хозяин собаки отвязал ее и вывел из хлева. Открыв заднюю дверь машины, тянул веревку изо всех сил. Гобой, как мог, сопротивлялся. Он уперся передними лапами в землю и не двигался с места. Силы были почти равны. Мужчине надоело упрямство собаки, и он со всей силой ударил ее ногой в зад. Гобой взвизгнул от боли и обиды. Его впервые ударил человек. Другая собака за нанесенную обиду набросилась бы на человека и могла бы завоевать себе свободу, но только не гончая. Столетиями выработанный инстинкт заставляет ее повиноваться человеку.

5

Алексей Иванович встретил приятеля вопросом:

– Куда привели следы Гобоя?

– Его украли.

– Как украли?

– Посадили в автомашину и увезли.

– Медальон на ошейнике был?

– Я пустил его без ошейника, чтобы не зацепился где-нибудь за сучок.

– Если бы на ошейнике нашли медальон с телефоном, могли бы позвонить о находке, – произнес Дуров.

Охотник понимал его правоту и свою оплошность, но чтобы оправдать себя перед собой, уныло произнес:

– Не для того воровали, чтобы потом возвращать.

Немного подумав, добавил:

– Надо будет во всех близлежащих селах повесить объявления. Собака – не иголка. Кто-нибудь из соседей заметит и сообщит за вознаграждение.

Охотник подробно рассказал приятелю обо всем, что прочитал по следам на снегу.

– При удобном случае Гобой может сбежать, – сказал Алексей Иванович, – оставь здесь какую-нибудь вещь, чтобы он около нее ожидал тебя.

– Если посадят на цепь, то не сбежит.

– Его же украли охотники, значит рано или поздно возьмут на охоту, и он сможет сбежать.

Охотник снял с себя куртку и положил под березу. Он вспомнил случай на охоте в Мошковском районе. Молодой выжлец Нагай увязался за косулями. Охотники целый день ходили по его следу, но найти собаку не могли. Вечером пурга замела следы, и им пришлось вернуться в деревню. На месте подъема коз хозяин Нагая воткнул в снег палки и повесил на них свои перчатки. Через сутки охотники пошли в лес. К их общей радости, они увидели около перчаток Нагая. Он разрыл снег до сухой травы и устроил лежку. Не меньше охотников обрадовался и Нагай. Соскочив с лежки, вилял хвостом, терся о ноги хозяина.

На следующий день, развесив объявления в Гусином Броде, Плотникове и Издревой с фотографией Гобоя и обещанием большого вознаграждения за сообщение сведений о собаке, Охотник заехал к месту охоты. Куртка лежала на своем месте, следов поблизости на свежевыпавшем снегу не было. Он забрал куртку, а к дереву прибил свой тапок, которым любил играть Гобой. С тяжелым чувством невосполнимой потери и горя поехал домой.

Развешанные объявления скоро дали о себе знать. Из Издревой позвонил Шаламов и сообщил, что собаку нашел житель их села Лебедев.

Радостный и счастливый, как на крыльях, полетел Охотник в село. Дом Лебедева нашел быстро. С замиранием сердца входил в дверь. Хозяин небольшого роста с небритым лицом встретил его растерянным взглядом.

– Вы нашли гончую собаку? – спросил Охотник.

– Да, я нашел.

– Где она?

– Я отдал ее хозяину за вознаграждение.
– Как фамилия хозяина?
– Я не спрашивал.
– Документы на собаку он тебе показывал?
– А зачем мне документы, я деньги получил и доволен.
– На какой машине он к тебе приезжал?
– На Ниве.
– Номер машины запомнил?
– Не запоминал.
– Какого цвета машина?
– Красного.
– Я думаю, что ты не говоришь мне всей правды. Скажи, как мне найти человека, которому ты отдал собаку, и я дам тебе денег столько же, сколько ты уже получил.
– Мне известна только дача, на которой он живет летом.
– Поедем, покажешь дачу.

Занесенная снегом дорога не позволила проехать на территорию дачного кооператива, пришлось идти пешком по глубокому снегу. Лебедев в валенках шел впереди, Охотник следовал за ним, черпая ботинками снег. Подойдя к даче с номером девяносто восемь, Лебедев остановился, показал на нее рукой:

– Вот в этой или соседней даче он живет летом. Здесь всегда стоит красная Нива.
– Как называется кооператив?
– Не знаю.
– Где мне найти сторожа кооператива?

Его дом на другом конце кооператива.

– Иди домой, а я отправлюсь искать сторожа, – сказал Охотник и побрел по занесенной снегом дороге.
– А где обещанное вознаграждение? – крикнул ему в след Лебедев.
– Деньги получишь, если я найду собаку, – ответил мужчина и продолжил свой путь.

У сторожа Охотник узнал, что дачный кооператив принадлежит институту Геодезии и картографии. Получив телефон председателя кооператива, с теплящейся надеждой найти друга, побрел к машине, не обращая внимания на мокрые ноги.

Узнав у председателя кооператива адреса и телефоны хозяев дач, у которых могла быть собака, Охотник не стал звонить им по телефону, чтобы не спрятали Гобоя, а поехал по адресам.

Первая квартира оказалась недалеко от Оперного театра. На звонок дверь открыл пожилой полный мужчина очень серьезного вида. «Наверное, профессор», – подумал Охотник, поздоровался и спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы на этой неделе ездили в Издревую?
– Побойтесь Бога! Что мне там делать зимой? А, собственно, в чем дело? Почему вы мне задаете такой вопрос? Заходите в комнату, через порог нельзя разговаривать.

Переступив порог и прикрыв за собой дверь, Охотник кратко рассказал о поисках Гобоя. Собеседник внимательно и с интересом слушал историю пропажи и поиска собаки. «Он умеет внимательно слушать», – подумал охотник.

– Примите мое искреннее сочувствие, я не причастен к краже и ничем не могу вам помочь – произнес мужчина, когда выслушал печальную историю, – я желаю вам успеха в поиске.

Он на прощание протянул пухлую мягкую руку и не закрывал дверь, пока посетитель спускался до нижележащего этажа.

Квартира по второму адресу, данному председателем садоводческого кооператива, находилась в Кировском районе. Дверь открыла моложавая женщина. Из-за ее спины выглядывал черный ротвейлер с мрачным тяжелым взглядом. «Такому только скажи «взять», мигом набросится на человека», – подумал Охотник.

– Скажите, пожалуйста, я могу поговорить с вашим мужем?

– Его нет дома, он в командировке.

– Мне сказали, что он купил недавно в Издревой гончую собаку.

– Зачем ему какая-то гончая, у нас своя прекрасная собака, – сказала женщина и погладила по голове стоящего рядом ротвейлера.

– Извините еще за один вопрос: ваш муж занимается охотой?

– Что вы! Какая ему охота? Он пишет диссертацию. Уже две недели сидит в Москве в библиотеке имени Ленина.

– Извините за беспокойство, мне дали ложные сведения.

Простившись с женщиной, Охотник с тяжелым чувством на душе медленно переставлял ноги по ступенькам лестницы, спускаясь с пятого этажа. Они словно налились свинцом. Он ехал с надеждой встретить Гобоя, вернуть деньги, потраченные новым хозяином на покупку собаки, но его ждало жестокое разочарование. «Зачем Лебедев обманул меня?» – думал он и не мог ответить на свой вопрос. Ему еще не пришла мысль о том, что Шаламов направил его по ложному следу, чтобы снять с себя подозрение в соучастии в воровстве.

6

Заместитель начальника Барышевского отделения милиции майор Свиридов, выслушав Охотника, сказал:

– Я сам охотник и понимаю, что значит потерять хорошую собаку. Сейчас я приглашу оперативного работника, и вы поедете с ним в Издревую.

В кабинет вошел молодой человек в кожаной куртке.

– Поедешь с этим товарищем в совхоз Мичуринский и хоть из-под земли доставь ко мне Лебедева.

– Это тот, что проходил у нас по делу о воровстве?

– Найдешь – узнаешь, – сказал майор.

Лебедева дома не застали, его нашли на ферме, где он работал скотником. Оперативник узнал своего бывшего знакомого и твердым голосом произнес:

– Садись в машину, поедем в отделение.

– Мне надо бы переодеться, а то ноги в навозе.

– Переоденешься, если вернешься.

Когда троица оказалась в кабинете майора, он сказал Охотнику:

– Посидите в коридоре, я поговорю с Лебедевым и вас приглашу.

Разговор длился очень долго, за окном уже начало темнеть. В кабинет дважды входил дежурный по отделению, прежде чем предложил пройти туда заявителю.

Майор протянул Охотнику бумажку и сказал:

– Езжай на Юго-западный микрорайон по этому адресу и забирай свою собаку. После того как заберешь, приезжай сюда, я сегодня дежурю до утра и хочу посмотреть на твоего гончака.

Охотник обрадовался, что наконец-то собака нашлась, взял бумажку и в приподнятом настроении вышел из кабинета, сел в машину и погнал ее, превышая установленную в Барышево скорость в сорок километров. Всю дорогу мечтал о встрече с другом, представлял себе, как обрадуется Гобой, прыгнет передними лапами ему на грудь и будет пытаться лизнуть лицо, а он обнимет его за шею и прижмет к себе.

Поднимаясь на лифте девятиэтажного панельного дома, посмотрел еще раз на бумажку, врученную ему майором. На ней было написано – Иванов Игнатий Петрович.

К двери квартиры, указанной в бумажке, подходил с трепетно бьющимся сердцем, ожидая, что Гобой почует его через дверь и подаст голос, но за дверью стояла тишина. Он остановился и тихонько свистнул. Гобой голоса не подал. Плохое предчувствие овладело Охотником, рушились мечты о встрече. Немного постояв и овладев собой, позвонил в дверь. К двери никто не подходил. Пришлось позвонить второй раз более настойчиво. За дверью послышались легкие шаги. Кто-то подошел и разглядывал его через глазок. Видимо, хозяин квартиры слышал свист на лестничной площадке и боялся открывать дверь.

Охотник сделал шаг назад от двери, расстегнул куртку и отбросил в стороны концы шарфика, чтобы через глазок могли видеть, что перед ними стоит человек в галстуке, а не бродяга.

Послышался скрип металлического засова, щелчок замка, и дверь приоткрыла женщина средних лет в ситцевом халатике, подпоясанном узким пояском. Она стояла в коридоре, держась рукой за дверную ручку, готовая в любой момент захлопнуть дверь. На круглом приятном лице с ямочками на щеках смотрели карие удивленные глаза.

– Здравствуйте! – сказал посетитель и слегка поклонился.

Он уже знал, что собаки в этой квартире нет, но ему надо было поговорить с женщиной и объяснить ей свой неожиданный поздний визит.

– Здравствуйте, – тихо ответила она, осмотрев посетителя с ног до головы.

Выражение ее глаз сменилось с настороженного на любопытное.

– Скажите, пожалуйста, Иванов Игнатий Петрович здесь проживает?

– Да, проживает.

– Можно его увидеть и с ним поговорить?

Его нет дома. А в чем дело?

– Мне сказали в Барышевском отделении милиции, что он купил в Издревой собаку.

– Зачем ему собака? – удивилась женщина, – во всяком случае, в дом он собак не приводил.

– Скажите, ваш муж – охотник?

– Упаси Бог, еще этого недоставало, чтобы он был охотником.

– Почему вам не нравятся охотники?

– У меня на работе у сотрудниц мужья охотники, так они каждую субботу уезжают на охоту с женщинами развлекаться, а жены, как дуры, дома сидят, их ожидают.

– У вас превратное представление об охоте. Скажите мне лучше: у вас дача в Издревой?

– У нас садовый участок в Павино.

Женщину озарила какая-то догадка, на лице появилась невеселая улыбка, и она, распахнув дверь, произнесла:

– Проходите, я вам расскажу, какие злые шутки случаются с владельцами распространенной фамилии Иванов:

«Приходит несколько лет тому назад мне повестка с вызовом в венерологический диспансер, – начала рассказ женщина. – Дома был муж. Прочитав повестку, устроил скандал вплоть до развода. Ни какие мои доводы не принимал во внимание. Побежала я в диспансер, меня обследовали и дали справку, что я здорова. Захожу к заведующей отделением и спрашиваю:

– Зачем вы прислали мне повестку? Вы разрушили мои отношения с мужем. Она так спокойно, словно ничего не произошло, отвечает:

– У нас такой порядок. Когда к нам приходит больной, мы требуем назвать фамилию источника заражения. Больной назвал вашу фамилию, имя и отчество. Мы нашли в адресном бюро ваш адрес и направили повестку.

– Чем закончилась ваша размолвка с мужем?

– Помирились.

– Хорошо, когда все хорошо кончается.

– Наверное, вам в милиции дали ложный адрес, – подытожила она разговор.

В Барышево Охотник ехал медленно, с горечью на душе и невеселыми мыслями. Уже давно зажгли электрическое освещение улиц, поток машин сократился, по тротуару шли редкие пешеходы.

Выслушав Охотника, майор Свиридов сказал:

– В ваше отсутствие Лебедев сбежал, завтра мы разыщем его, и он сам нам покажет, где собака. Вам сообщим по телефону, когда ее найдем.

Этот разговор не улучшил настроение Охотника, но вселял слабую надежду, что милиция поможет найти Гобоя. Несколько дней он ждал телефонного звонка.

7

Четвертый день в чужой квартире, свернувшись клубком, Гобой лежал на коврике. Отказавшись от еды, никому, кроме старшей дочки Иры, не позволял себя погладить. На хозяина смотрел пристальным недобрым взглядом. Хозяйке он казался больным лишь потому, что дрожал.

– Пора с собакой распрощаться, – ворчала строгая жена.
– Чем она тебе мешает? – спрашивал муж, – лежит спокойно в уголке.
– Она приносит грязь в квартиру, а мне убирать.
– Какая грязь? – удивлялся муж, – на улице лежит снег.
– Наступит весна, и вся грязь с ее ног будет на полу.
– Весной ноги будем мыть, возвращаясь с улицы.
У нас – дети, могут от нее заразу подхватить, – не сдавалась жена, – посмотри на него, он дрожит, по ночам скулит.
– Болезни собак не передаются людям.
– А глисты?
Завтра куплю в ветеринарной аптеке глистогонное лекарство и дам ему.
Жена приводила все новые аргументы, чтобы избавиться от собаки:
– Его же надо кормить, он не какая-то маленькая болонка, которую можно прокормить остатками со стола. Ему придется варить, потребуются затраты.

Гобой в тревоге и испуге не может понять, почему оказался в незнакомой квартире, почему к нему не приходит хозяин. От пережитого стресса ему лишь хочется лежать. Во сне ему снится хозяин, и он от радости скулит. Хозяин никогда его не обижал. Два года жили неразлучно, один кусок порой делили, обоим доставляло удовольствие бродить по лесу. «Если охотник не приходит, то должен он его искать», – так думал гончак, свернувшись клубочком на коврике.

Однажды, гуляя по улице с Ирой, у него расстегнулся ошейник. Почувствовав свободу, он помчался, сколько было сил. Бежал, не зная куда, лишь бы подальше от ненавистного дома и его обитателей. Он летел, словно без ума, радуясь свободе и возможности размять мышцы. Гончак способен бегать много, но вот проезжая дорога, по ней сплошной поток машин, стеной стоят высотные дома. Гобой сбавил бег и остановился. Непонятное людям чувство толкнуло его как током, он понял, что должен бежать на восток. Только теперь, после продолжительной пробежки, Гобой почувствовал голод. На боках под кожей выпучились ребра, живот подвело. Вернувшись между домами в незнакомый двор, потянул носом воздух. Слабый ветерок донес запах помойки, которую он скоро разыскал. В металлических баках, заваленных мусором, ничего съедобного найти не удалось. Одна косточка куриной лапы, валяющаяся около баков, только раззадорила аппетит. Он шел вдоль длинного панельного дома и наткнулся на место кормления голубей. На утоптанном снегу под окном дома валялись мелкие кусочки хлеба, выброшенные из форточки. Гобой с жадностью их собирал и глотал, вмерзшие в снег – выгрызал крепкими зубами. Скоро он сообразил, что под окнами домов можно найти пищу.

Ночью поток машин на улицах города стих и ему удалось пересечь широкую улицу Станиславского. Утром его путь преградила еще незамерзшая Обь. На широком забереге около лунок сидели рыбаки. Гобой обходил их с подветренной стороны, и внюхивался в долетающие до него запахи. Знакомого запаха родного дорогого человека не уловил.

Он вспомнил поездку прошедшей зимой с хозяином на озеро Чаны. Тот, вот так же, как эти рыбаки, сидел около лунки и ловил окуней, а он, молодой и задорный, с радостью носился по льду, подбегал к рыбакам, хватал в зубы

трепещущихся окуней и уносил к хозяину. Рыбаки смеялись над его проделками и поощряли утащить рыбу у соседа. При хорошем клеве никто пойманных окуней для собаки не жалел.

За несколько дней характер Гобоя изменился. Он стал бояться людей, остерегался близко подходить и брать пищу из рук. Около одной лунки, обнаружив рассыпанный и примерзший ко льду мормыш, начал его выгрызать. Рыбаки обратили внимание на голодную собаку. Один достал из рюкзака бутерброд, отломил кусок и протянул псу со словами:

– Иди ко мне, возьми, на!

Гобой хорошо знал эти слова, но с места не двинулся, стоял в стороне, приветливо вилял хвостом, втягивал в себя вкусный запах колбасы, но боялся подойти вплотную.

Рыбак бросил ему кусок бутерброда. Проглотив его одним махом, Гобой продолжал вилять хвостом и смотреть в упор на рыбака.

– Хватит, дорогой, хорошего лакомства помаленьку, – сказал рыбак, – я достаточно поделился с тобой.

Его сосед, вытаскивая из лунки ерша, посмотрел на собаку и сказал:

– Мне кажется, это породистая собака.

– Породистые собаки не бродят на улице и не бывают такими тощими.

– Может быть, она заблудилась и потеряла свой дом.

– Хорошая собака всегда найдет свой дом. У моего приятеля Анатолия Летучего собака отстала на станции Совхозной. И что ты думаешь? Через несколько дней она нашла свою квартиру на третьем этаже в доме по улице Ленина, около вокзала. Хозяева собаки горевали все это время, прикололи к дверям магазина на станции объявление о потере собаки. Представь себе, какая у них была радость, когда услышали знакомое царапанье в дверь.

– Она, что бежала по шпалам до города?

– Зачем бежать по шпалам, когда она привыкла ездить с хозяевами на электричке и хорошо знала конечную остановку, где они сходили.

– Не много ли ты заливаешь?

– Если мне не веришь, я могу дать телефон Анатолия. Спроси у него.

Если он тебе байку рассказал, то и мне ее повторит.

– Ты просто неверующий Фома. Может, ты не поверишь, что в Тольятти установлен бронзовый памятник собаке за верность?

– Вот это уже интересно, что же собака совершила, чтобы удостоиться такой чести?

– Она ехала с хозяевами в автомашине. В автомобильной аварии хозяйка погибла на месте, а хозяин скончался в больнице, собака выжила и несколько лет до конца своей жизни ждала их на месте аварии автомашины. Люди пытались взять ее к себе, но она всегда убегала к месту аварии. В любую погоду – в дождь и ветер, в снег и мороз она ждала своего хозяина.

Гобой тем временем подошел к кромке припая. Полынья посредине была широкой. В летнее время он бы спокойно переплыл ее, но в холодной воде ему плыть не захотелось. По опыту охоты на берегах Ини он знал, что зимой река замерзает и ее можно перейти.

С этого дня Гобой каждое утро появлялся на льду около рыбаков. Они подкармливали его, пытались поймать, но он не поддавался. Если же он задерживался, они заводили о нем разговор и поглядывали в сторону Горской, откуда он обычно спускался по косогору.

8

Первый звонок о местонахождении Гобоя был из «Общества охотников и рыбаков». Гончую собаку, похожую на Гобоя, видели из машины в районе улицы Станиславского. Охотник незамедлительно поехал туда, но поиски результата не дали. Зато появилась искра надежды, что собака жива и может найтись.

В декабре позвонил родственник Иван Чернай и сказал, что вчера видел Гобоя у кинотеатра Аврора. Гобой сидел против мангала продавца шашлыка и ожидал, когда тот бросит ему кусочек мяса. Иван хотел поймать собаку, но она испугалась трости в его руке и убежала во двор квартала.

– Ваня, почему ты не позвонил вчера? Прошло почти двое суток, не будет же собака сидеть на одном месте.

– Извини, пожалуйста, забыл. Вот сегодня вспомнил и позвонил.

Продолжать разговор не было смысла. Охотник поблагодарил за сообщение, быстро оделся, взял охотничий рог и бегом выскочил на улицу.

Запыхавшись, глотнул холодного воздуха и закашлялся. Быстрым шагом направился к автобусной остановке, мороз щипал уши, напоминая, что надо их прикрыть шапкой. Охотник по многолетнему опыту знал, что его уши не реагируют на мороз до двадцати градусов. «Видимо мороз серьезный», – подумал он, погрел уши ладошкой и продолжал бежать к остановке. Стояли короткие дни второй половины декабря, еще не было шести часов вечера, а на улицах давно горело освещение.

В автобусе думал только о Гобое, представлял встречу с ним на улице, как он помчится к нему на зов рога. Казалось, что автобус идет очень медленно, долго стоит на остановках.

Выскочив из автобуса на остановке Горской, помчался к шашлычной. За мангалом стоял упитанный мужчина средних лет в полушубке, поверх которого был одет белый халат со следами множества пятен. Его крупное круглое лицо пылало здоровьем и напоминало цвет вареного рака. Оно покраснело то ли от мороза, то ли от жары мангала, а, может быть, от принятого согревающего напитка.

С тревожным волнением и учащенно бьющимся сердцем Охотник подошел к продавцу, поздоровался и произнес:

– Мне сказали, что вчера около вас видели рыжую собаку с черной спиной?

Мужчина оказался разговорчивым, покупателей шашлыка не было, и он с удовольствием пустился в разговор.

– Собака здесь появлялась регулярно несколько дней. Сядет против меня и, молча, смотрит просящими печальными глазами. Я всегда бросал ей косточку или обрезки мяса. В ней нетрудно было узнать гончака. Аккуратные висячие уши, чепрак на спине, широкая грудь, опущенный хвост.

Чем больше мужчина рассказывал о собаке, тем больше волновался охотник, отчетливей узнавал Гобоя. Ему нетерпелось задать еще вопрос, и он перебил словоохотливого собеседника:

– Когда вы видели собаку последний раз?

– Вчера.

– В какую сторону она убежала?

– Она всегда уходила во дворы домов за кинотеатром.

До глубокой ночи ходил охотник по дворам за кинотеатром и трубил в рог. Снег скрипел под ногами, стоял мороз под тридцать градусов, губы примерзали к мундштуку охотничьего рога. Гобой на призыв не появился.

На следующий день чуть свет охотник ходил по дворам за кинотеатром Аврора, чтобы встретиться с владельцами, выгуливающими собак. Он показывал каждому фотографию Гобоя и спрашивал, видел ли он эту собаку. Из расспросов сложилась невеселая история.

Бродячую собаку часто видели у помоек. По утрам она ходила вдоль домов и находила около дверей мусоропроводов выброшенные дворниками кости и куски хлеба. Однажды она оказалась на территории стаи бродячих собак, ей пришлось выдержать их натиск. Люди наблюдали такую картину: стая окружила Гобоя. Возглавлял стаю крупный «дворянин» ростом с овчарку. От дворняжки ему достались висячие уши и длинная шерсть, от овчарки – рост. Стая окружила Гобоя и злобно лаяла на разные голоса, пытаясь укусить незваного гостя, вторгшегося на их территорию. Он стоял, молча и гордо, ощетинив шерсть на загривке и оскалив белые зубы. Вожак стаи ждал, когда на Гобоя набросится мелюзга, чтобы потом напасть на противника. Стоило только любой собаке сделать выпад на гончака, он поворачивал в ее сторону голову и показывал длинные крепкие клыки. Противник тут же отступал. Гобой ожидал удобного момента, когда можно будет вцепиться в вожака. И вот такой момент настал. Вожак решил перейти на новое место и повернулся боком. Молниеносным прыжком Гобой оказался около него и вцепился в горло. Охотничьи собаки не кусают зверя, куда попало, они берут его за горло. Вожак хрипел, извивался телом и бился ногами. Ни одна из собак стаи не осмелилась броситься на выручку своему предводителю. Когда противник обмяк и перестал сопротивляться, Гобой разжал челюсти. От его разъяренного вида стая разбежалась. После поражения вожака, с Гобоем никто не решился вступить в поединок. Придя в себя, вожак поднялся и, пошатываясь, с поджатым хвостом удалился с поля схватки.

У Гобоя уже был опыт драки с крупной собакой. Соседи по даче его хозяина держали крупного беспородного кобеля – смесь дворняжки с овчаркой. Он невзлюбил Гобоя, появившегося на даче щенком. Привязанный длинной веревкой к дереву, Джек постоянно прыгал передними лапами на невысокий забор, и «поливал» щенка своей руганью. Шли годы, Гобой повзрослел и стал отвечать на его выпады. Собаки часто вступали в драку через забор. Сосед Гена поощрял своего питомца, а однажды снял с него ошейник. Джек мигом перескочил через забор к Гобою и завязал с ним драку. Собаки, терзая друг друга, крутились волчком по двору дачи. На злобный лай выскочил хозяин Гобоя, и прибежала соседка Галя. Им с трудом удалось растащить собак. У Гобоя вся

голова была в крови. Хозяин обмыл его голову водой, чтобы смазать раны йодом. К его удивлению, у собаки не было даже царапины. Кровь на шерсти была от Джека. С тех пор Джек никогда не лаял на Гобоя.

Владелец ротвейлера, выгуливающий свою собаку на поводке, посоветовал охотнику обратиться в тридцать пятую квартиру соседнего дома:

– Там проживает женщина, которая подобрала вашу собаку и выгуливала ее вместе со мной.

Подошедший мужчина со спаниелем, услышав разговор о потерянной собаке, сказал:

– Мне тоже приходилось неоднократно видеть вашу собаку.

Охотник незамедлительно отправился по указанному адресу. Поднимаясь по лестнице, просил Бога: «Господи, помоги мне найти Гобоя».

Ему открыла дверь немолодая женщина пенсионного возраста с приятным лицом и умными глазами. Она узнала по фотографии собаку, которую подобрала в холод на улице.

– Где сейчас собака?

– Она от меня убежала, – с сожалением ответила хозяйка квартиры.

У Охотника потемнело в глазах, пол стал уходить из-под ног, он прислонился к стене коридора. Еще одна надежда найти друга рухнула.

– Что с вами? – спросила женщина.

– Ничего страшного, сейчас пройдет, расскажите мне подробно о собаке?

– Я постоянно кормлю около дома голубей крупой и остатками черствого хлеба, надо же их поддержать зимой, чтобы благополучно дожили до весны. С некоторых пор обратила внимание на красивую рыжую собаку с черной спиной. Бросала ей кусочки хлеба, она с жадностью их хватала, затем стала приносить остатки своей еды. Между мной и собакой установилось доверие, через несколько дней я взяла ее на поводок и привела в свою квартиру. Собака оказалась понятливой и послушной, лежала только на коврике в коридоре. Два раза в день я выгуливала ее на поводке. Познакомилась с другими владельцами собак. Через неделю решила, что собака ко мне привыкла и спустила с поводка побегать с другими собаками. За это время пёс отъелся, не стало заметно его худобы, шерсть лоснилась в лучах зимнего солнца. Оказавшись на свободе, он, не разбирая дороги, помчался по снегу от меня. Я была удивлена и обескуражена, посчитала его неблагодарным предателем.

– Не судите его строго, – с грустью произнес охотник, – он побежал искать своего хозяина.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

Прощаясь, сердобольная женщина протянула Охотнику ошейник и поводок со словами:

– Это я купила специально для вашей собаки, возьмите, если найдете его – это ему будет подарок от меня.

– Спасибо. Если я найду его, мы с ним обязательно вас навестим, и вы сами ему вручите подарок.

Охотнику понравилась спокойная, доброжелательная и отзывчивая на чужое горе женщина. Спускаясь по лестнице с третьего этажа ее дома, он думал, что есть еще люди, любящие животных и готовые им помочь в трудный момент. Ему вспомнились слова Дурова о медальоне на ошейнике собаки. «Если бы на Гобое был медальон, – с сожалением и горечью думал он, – эта женщина обязательно бы позвонила мне».

9

Зима постепенно сдавала свои права наступающей весне. Дни становились длиннее, солнце светило ярче, юго-западный ветер приносил влагу с запахом приближающейся весны. Обь, закованная в ледяной панцирь, ждала подъема воды, чтобы сбросить с себя зимнюю одежду. На ее фарватере всю зиму оставалась полоса незамерзшей воды. Она черной лентой разъединяла широкие ледяные поля у берегов реки. Лед у левого берега был усыпан рыбаками, как муравейник муравьями. Они вылезли из палаток, целлофановых мешков и бродили от лунки к лунке с удочками в поисках места хорошего клева.

Гобой медленно шел по льду, принюхиваясь к запахам исходящим от рыбаков, отыскивая тех, которые его подкармливали. Почуяв знакомый запах, остановился на почтительном расстоянии от рыбака в полушубке. Рыбак повернул к нему голову и произнес:

– Привет, дорогой, что-то ты долго не появлялся. Подожди немного, я дам тебе кусок хлеба.

В этот день подул северо-восточный ветер. Гобой стоял и втягивал в себя воздух с разными запахами. В потоке всевозможных запахов он уловил отвратительный, но очень знакомый запах Новосибирского жирового комбината. Он вспомнил, что рядом с источником этого запаха находится дом его хозяина. Неудержимая сила повлекла его на этот запах. Не дожидаясь обещанного куска хлеба, помчался по льду. Около полыньи остановился, еще раз убедился, с какого направления ветер приносит резкий запах, скатился со льда в воду и поплыл навстречу своей судьбе.

Содержание

Кошачья деликатность
Шерхан
Кот Василий
Мурка
Рыжик
Ребята и котята
Рыбак и кошкаобака
Кот Василий Иванович
Девочка и собака
Умная ворона
Найда
Фагот и гуси
Белка
Бурёнка
Дымок
Маралы Алтая
Фагот и гуси
Зубры Алтая
Змея
Дрозды
Грачиные яйца
Жучок
Хитрая ворона
Жук плавунец
Нерпа
Норка
Лебединая верность
Кроша
Дружок
Щенок и ворон
Шилохвость
Первые охоты на зайцев
Хитрец
Тарантул
Крачка
Кабарга
Фёдор
Курица и студентка
Охотхозяйство Ирмень
Подводная охота в Казахстане
Фотоохота в Казахстане
Восьмиклассники
Гобой